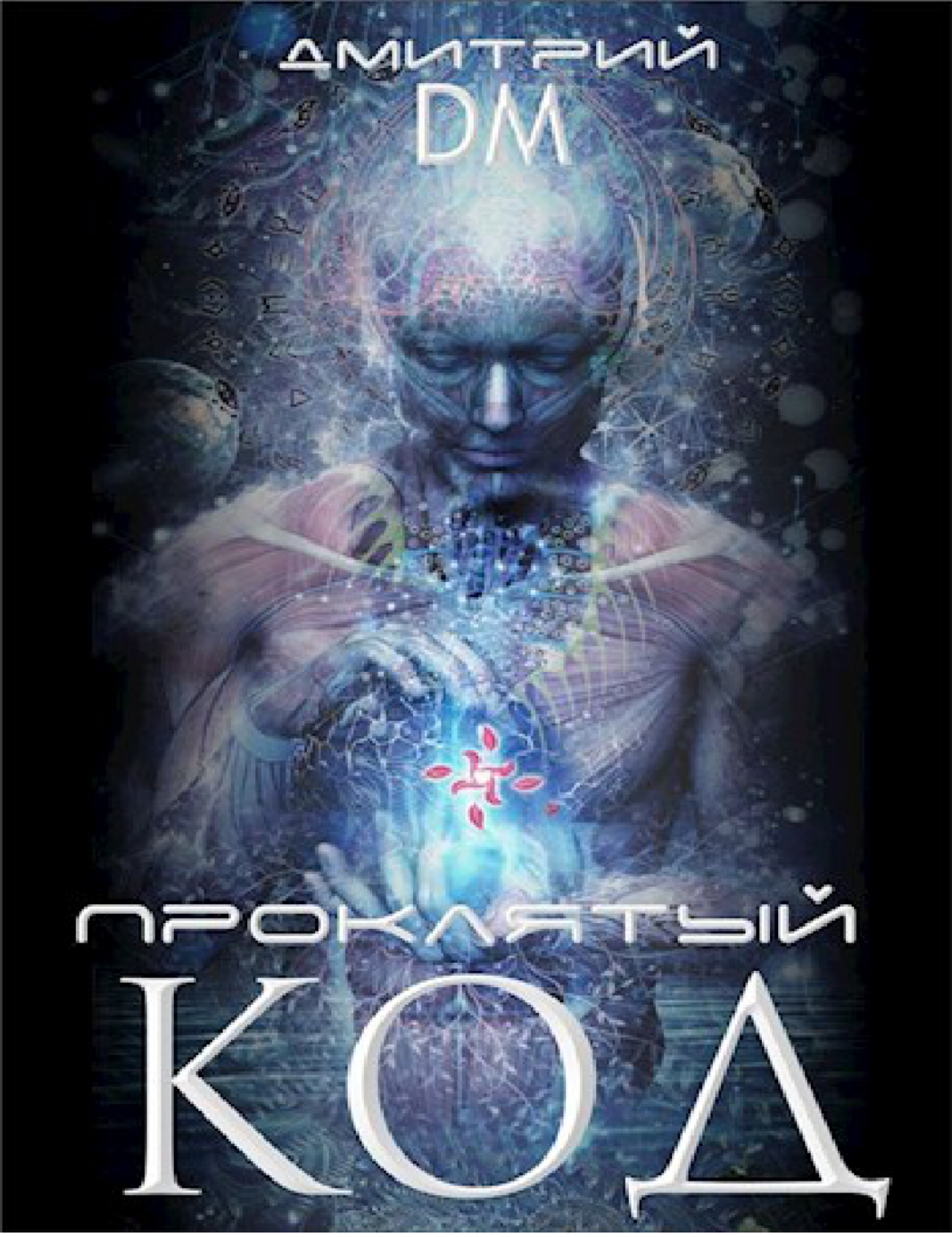
ДМИТРИЙ
DM
ПРОКЛЯТЫЙ
КОД

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Спаун-дизайнеров создали люди, как квинтэссенцию, своего вечного стремления победить смерть. Они наделили их способностью изменять человеческое ДНК на уровне Бога. Но этот дар стал причиной ненависти и страха. Человек, вдруг ставший Создателем, оказался не готов к этой роли. Люди пошли по пути своего выдуманного Бога, наславшего потоп, но вместо этого они использовали жутких существ персекуторов — кибергенетических убийц. Настоящих демонов порожденных сознанием человека, созданных выслеживать и убивать спаун-дизайнеров. Но парадоксальная ирония в том, что судьба человеческой цивилизации оказалась в руках одного спаун-дизайнера. Даст ли он человечеству еще один шанс?

- Дмитрий Шмокин
  - Код возмездия
  - Проклятый код. Смерть
  - Проклятый код. Семья
  - Проклятый код. Создатель
  - Проклятый код. Жизнь
  - Проклятый код. Прощай
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

Дмитрий Шмокин
ПРОКЛЯТЫЙ КОД

Код возмездия

Более красивых глаз, тех, в которые он смотрел сейчас, он никогда не видел в своей жизни. Их великолепную красоту создал искусный спаун-дизайнер. Такие генетические дизайнеры большая редкость, они могут перестроить человеческое ДНК так, что получаются настоящие, непревзойденные биологические «шедевры». Сейчас, когда их остались считаные единицы, стоимость услуг, которые они оказывают, настолько высока, что предложений об их услугах нет даже на «черном рынке». Есть фирмы и компании, которые успешно занимаются работой с человеческим геномом, имеет в своем штате высококачественных черных спаунов, но все же им далеко до этих загадочных одиночек, живущих по своим законам, придерживающихся своей, малопонятной для окружающих, философии — их можно найти лишь по особым доверительным рекомендациям самых богатых людей планеты.

И даже тогда спаун-дизайнеры доступны лишь немногим из людей на Земле. Их загадочная личность со времени короткого расцвета биологического вида спаунов, «потускнела», стала малоизвестной, «обросла» большим количеством мифов, легенд. Люди, ранее восхищавшиеся ими, сейчас испытывают при их упоминании труднообъяснимый страх. У спаунов больше нет паспортов, нет удостоверений личности, официально они не существуют, и в базах данных полиции о них тоже очень мало сведений. История их появления на свет окутана тайнами и домыслами.

Еще, будучи яйцеклеткой, они были подвергнуты радикальной коррекции ДНК. А когда начинали проступать первые очертания плода, в первые недели эмбриогенеза, в самый важный период формирования центральной нервной системы, им находившимся еще в утробе матери, устанавливали синтетический биочип.

Специальные медицинские нанороботы вживляли в их мозг особое устройство нейромод, который по своей природе являлся не чем иным, как сложнейшей микросхемой биосинтетического происхождения. Он «прорастал» в ткани мозга миллиардами нитей нервных окончаний, переплетаясь и срастаясь с нейронами человеческого мозга и прорастая дальше по всему организму создавая нервную систему отличную от подобной нервной системы обычного человека. Воздействие на эмбрион, было столь существенным, что выживал лишь один из сотни тысяч создаваемых спаунов. По не объяснимым причинам, в

большинстве случаев нервная система человека не развивалась и переставала функционировать, превращая его в бездушное существо, способное выполнять лишь прямые приказы. Часть этих существ безжалостно утилизировали, а часть отправляли на консервацию в лаборатории, где впоследствии и устанавливали нейро-машинный интерфейс и создавали ужасных биокибернетических существ — персекуторов.

Таким непростым способом образовывалось нейромодулирующее управляющее конектомное устройство, позволяющее спаун-дизайнерам изменять человеческое ДНК соперничая с самим Создателем.

Функции нейромода не ограничивались работой с ДНК, он давал его владельцу уникальную возможность в режиме реального времени синтезировать органические имплантататы для различных задач, как в области синтетической биологии, так и для решения других самых специфичных задач, решение которых не доступны обычному человеку.

Именно такой спаун-дизайнер и создал ее. Георг смотрел в глаза, наполненные синим перламутровым сиянием, которое шло из глубины склеры. За свои уникальные глаза она получила имя Мюриэл. Древние друиды, так называли мерцающую поверхность моря в лунном свете. Спаун-дизайнер, создавший эти глаза, смог встроить в аллели генов ее ДНК, отвечающих за передачу цвета радужки ген арктической медузы, обладающей способностью к биолюминесценции. Поэтому сияние ее глаз было, как фантастическое отражение света самой Вселенной. Если приблизить свое лицо к ее лицу, встретится взглядами, долго смотреть подрагивающую радужную оболочку, то возникало ощущение волшебного полета, похожего на полет среди далеких космических туманностей и прекрасных галактик, казалось, рождается захватывающее чувство, что возникает у путешественника при пересечении орбит гигантских планет и звезд.

Георг держал ее, затекших руках, не отпуская, смотрел с любовью в ее потрясающей красоты глаза и отказывался верить в то, что скоро, они начнут меняться.

Но вопреки его хрупким надеждам, белок глаз внезапно начал темнеть, а вокруг зрачка появился красный мерцающий ореол, как от пиролизного горения бумаги, пропитанной селитрой. Ореол беспощадно разрастался, все больше и больше приближаясь к зрачку, который уже начал терять четкую округлую форму, превращаясь в бесформенную лишенную

признаков жизни фигуру мертвого зрачка. Георг, онемевший от ужаса, беспомощно смотрел на процесс омертвления глаз не в силах, что-либо сделать. Через несколько секунд, красный ореол превратился в светящийся бордовый кружок на месте зрачка. Он еще конвульсивно дергался — в право, в лево, в верх, вниз. Затем произошло постепенное угасание, превратившее ее некогда красивые глаза и которыми она смотрела на него с любовью, в абсолютно черные и бездушные. Он не мог поверить в происходящее. Отчаянно сопротивлялся мысли, что она мертва. Хватая воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег, Георг сделал несколько судорожных глотательных движений и закричал. Крик получился слабым сдавленным, наполненным болью, ужасом и безутешным страданием…..

— Уважаемые пассажиры, наш экипаж воздушного корабля Боинга — 737 вновь рад приветствовать вас на борту нашего авиалайнера. Самолет готовится совершить посадку в аэропорту города Н. Просим привести ваши кресла в вертикальное положение и пристегнуть ремни безопасности. Кнопка вызова стюардессы находится на верхней панели…. Во время посадки категорически…. Расчетное время прибытия в…

Георг открыл глаза.

Он почувствовал, как пот тонкой струйкой по затылку стекает за шиворот и дальше по спине. Руки немного подрагивали.

«Черт, возьми», — выругался он про себя.

— С вами все хорошо? — встревожено спросила сидящая на соседнем пассажирском сиденье девушка.

— Да, да, все хорошо, — поспешно заверил ее Георг, — просто приснился нехороший сон.

Этот сон снился ему уже несколько лет подряд. Он боялся его и не мог предсказать, когда он снова будет видеть его.

— Если вы испытываете страх перед полетами на самолетах, то думаю, для вас будет не лишним узнать. Авиакатастрофы по статистике самые редкие аварии. Легче попасть в дорожную аварию, чем в авиакатастрофу, даже быть сбитым машиной или стать жертвой уличного преступления можно чаще.

Георг согласно кивнул и нехотя улыбнулся.

— Ну как вам полегче? — участливо спросила девушка, сочувственно положив ему свою руку на плечо.

От тепла ее руки в мозгу Георга мгновенно активизировался один из имплантатов нейромода — секвенатор. Из-за усталости, а так еще же будучи под впечатлением кошмарного сна Георг промедлил и не успел обратно деактивировать его, поэтому мозг привычно построил голографическую проекцию всех ее хромосом. Имплантат продолжал работать, проводя их анализ. Буквенные

описания генов пошли одной бесконечной стеной, струясь полосками букв и символов. Секвенатор расплел их на тонкие нити хроматинового волокна и далее на нити молекул ДНК и белки. Перед его «глазами» прошла вся цепочка ее ДНК. Он видел, что у девушки нет искусственно изменённых генов — она не подвергалась генной коррекции. Ее генетические мутации носили исключительно естественное происхождение. Она представляла собой очень редкий экземпляр, человека еще не затронутого синтетической биологией. Георг невольно залюбовался её ДНК. Она была прекрасна. Он видел, что ей предстоит очень долгая жизнь, не отягощённая смертельными болезнями. Чтобы не потерять то, что он сейчас видит — не удержался и записал с помощью нейромода структуру ДНК своей спутницы. Делать этого было нельзя, так как его поступок относился к подзаконным действиям, но он не смог удержаться. Тем более в свете последних событий происходящих в мире — для него было важно сохранить такие образцы.

Было еще несколько причин, по которым он сделал это. Георгу нравилось рассматривать и изучать ДНК не тронутые синтетической биологией. Естественные аллели генов, без вмешательства человека, вызывали у него восхищение. Он с грустью смотрел на ускорение эволюции с помощью инструментов технического прогресса. Возможно, отчасти и потому что сам был неотъемлемой, зависимой, несчастной частью достижений синтетической биологии и кибернетики.

— Прошу прощения, как вас зовут? — спросил он.

Не успела она дать ответ Георгу, а он уже знал ее имя, просканировав активность в слуховой зоне коры ее мозга, восстановил ее мысли, синтезировав их в речь у себя мозгу с помощью имплантата предназначенного для сканирования нейроактивной работы мозга. Это было еще одно нежелательное действие, но ему хотелось знать, о чем она думает, тем более у него и в мыслях не было — причинить ей вред или как-то воспользоваться результатами своих навыков. Поэтому восстановительный речевой синтез не был его устойчивой привычкой. Иногда синтез речи происходил с ошибкой и понять, что подумал человек, перед тем как что-то хотел сказать, было невозможно. Часто ошибка возникала из-за того, что Георг «натыкался» на девайсы защищающие от такого сканирования. Все руководители компаний, фирм, чиновники государственных учреждений, военные и просто люди озабоченные собственной безопасностью имели специальные датчики на обнаружение сканирования мозга и соответствующие устройства противодействия такому сканированию. Хуже всего было, если в

противодействие включалась опция активного подавления, что могло привести к перегреву имплантата и его «зависанию». В самом наихудшем случае нейромод выходил из строя, а его поломка могла привести к омертвению окружающих нейромод тканей мозга. В итоге спаун мог стать не только инвалидом, но и погибнуть. У пораженного активным противодействием спаун-дизайнера в голове словно взрывалась бомба, он мгновенно терял сознание, больше не приходя в себя, становился беспомощным «овощем». Нужно было всегда быть чрезвычайно осторожным пытаясь прочитать мысли у незнакомого человека, по внешнему виду относящегося к названным социальным группам. У Георга нейромод был с самым высочайшим классом защиты, и ему мало грозила перспектива «подожжённого» мозга. И все же стоило быть начеку. Технический прогресс не стоял на месте. Но эта девушка не имела в себе ничего, что бы ему угрожало. Она была беззащитна перед квалифицированным вторжением в свое сознание. Георг, в последнее время, все чаще и чаще думал о тех временах, когда люди еще не так сильно зависели от синтетической биологии и кибер девайсов вживленных в свое тело. Его мысли наполнялись грустью и сожалением о некой эфемерной потере эволюционной идентичности человека. Эти времена казались ему, временем пребывания разумных существ в райском саду, когда человек был ближе всего к абстрактному Богу, чище, светлее. Хотя он абсолютно не верил в него.

Использование нейромода для обычного человека, не спауна по рождению, но обладающего им, было чересчур утомительным и опасным. Психика и нейронная система мозга испытывали колоссальные нагрузки. Результатом этих нагрузок были частые очень сильные головные боли, потеря собственной личности, изматывающая депрессия, образование в мозгу неконтролируемых нейронных связей, что в итоге рано или поздно приводило к развитию шизофрении или шизоподобного состояния. Люди пытавшие вживить себе нейромод быстро и мучительно умирали.

Деактивировав нейромод и дав себе слово больше не использовать его, пока он находится рядом с ней, Георг впервые за время полета посмотрел на девушку пытаясь рассмотреть.

Она была симпатичной, но ее внешность была самой обычной: светлые волосы, темные карие глаза, правильное лицо, гладкая кожа — Георг любовался ей, удивляясь, как же раньше он не обратил на нее внимания, когда садился в самолет; она была без генетических корректировок, подкожных имплантатов, без использования биосинтетических молекул, нейро визуальных матриц на роговице глаз и прочих вещей, прочно вошедших в

жизнь каждого человека Земли, без которых он уже не мыслил свое существование. И этим она его привлекала.

— Мария.

— Георг, — представился в ответ он.

— Какое интересное у вас имя, — она посмотрела на него и улыбнулась.

— Мне приятно думать, что оно вам нравится.

Она немного смутилась, но не стала этого отрицать.

— Мое имя симбиотический процесс слияния нескольких национальностей, — засмеялся он.

— Это, каких же?

Она так искренне и широко открыла глаза, что он сделал секундную паузу, чтобы насладиться этим искренним полным детского удивления взглядом.

— Мой далекий прадед по материнской линии был шотландец. Отец русским, а мать грузинкой. Они были генетиками, встретились в одной лаборатории, работая над одним и тем же проектом.

Он не стал раскрывать деталей этого проекта.

— Я же в свою очередь. Не могу похвастаться тем же. У меня все просто, все мои предки и родители были русскими.

На мгновение у Георга возникло желание активировать нейромод и просмотреть ее ДНК еще раз. Но он не стал делать этого, чтобы не убить то небольшое счастье от общения с девушкой.

И за оставшееся время, что был рядом с ней, он больше ни разу не активировал биочип.

— Вы летите в город Н, по делам? — она смущенно улыбнулась, — простите за бестактность,

— Нет, все нормально, — успокоил ее он, — да по делам своего ведомства, если так можно сказать.

— А вы?

— Я живу в городе Н. была в отпуске, посещала в Италию.

— На отдыхе?

Она засмеялась.

— Нет, я культуролог, изучаю эпоху Ренессанса. Была в своей любимой Флоренции. Бродила по музеям и по старым улочкам средневековой части города. Мои друзья помогли мне попасть в частные дома, принадлежащие этой эпохе. Я увидела многое из того, что не представлено в музеях и на выставках. Видела много семейных реликвий относящихся к этой эпохе. Поверьте это совершенно иное впечатление.

— Наверное, это очень интересно.

— О, да несколько дней пролетели, как один миг, а я увидела

лишь малую часть из того что так хотелось. Жаль, что смогу продолжить это не так скоро.

— Почему?

— Я не могу себе позволить так часто бывать в Европе, это очень дорого. А вы бывали в Европе?

— Я полицейский из Интерпола. Приходится часто бывать в Европе по специальным делам. Особенно после того, как Интерпол вошел в состав особой комиссии ООН по безопасности в области синтетической биологии, и большая часть стран присоединилась к этому проекту.

— Первый раз в жизни встречаю полицейского из Интерпола.

— Я не совсем настоящий полицейский, скорее эксперт.

— Это так важно обеспечивать безопасность в области синтетической биологии? — живо спросила она.

— Вы даже представить себе не можете, как это важно, — уклончиво ответил он.

Она посмотрела на него восхищенным взглядом.

Мария ему очень нравилась и он чувствовал, даже без жульнического использования имплантатов, что он также ей нравится, еще немного и можно было бы перевести их дорожное знакомство в развитие серьезных отношений. Он ловил себя на мысли, что в других обстоятельствах, если бы он не был таким, каким он является на самом деле. Они могли бы встречаться, любить, друг друга, спать и просыпаться вместе, жить. Она бы могла готовить ему завтраки, поправлять ему галстук, перед тем как поцеловать его в щеку и проводить на работу. Ему было тоскливо от того что он другой. Что отношения с ней для него несбыточная мечта. Он может строить отношения с единицами людей только соответствующих его нейро социальному статусу. Но в этих отношениях, где в противоборство, между полами вступают технологии меняющие человека, где искренность и любовь нуждаются в подавлении чужого нейромода, потому что, иначе человек просто не может быть самим собой — это как путь в один конец с одним билетом. Но у него уже нет, и не будет другого пути. Он не выбирал свой путь, для которого предназначен. Если он будет жить с ней, то сможет ли она смириться с его невероятными способностями? Чувствовать каждый раз, прижимаясь к нему, как имплантаты нейромода просвечивают ее душу и сознание насквозь, убивая доверие и любовь.

Пока самолет кружил над аэродромом, ожидая своей очереди посадку, они легко общались на самые разные темы, даже не заметив, как самолет начал.

Уши у обоих заложило, но желание общаться было столь

велико, что они склонились к друг другу так близко, что он ощущал аромат ее волос, чувствовал тепло идущее от ее гладкой, немного покрасневшей от возбуждения кожи. Видел ее глаза так близко, что различал переплетение узора в рисунке радужки. Впервые за много лет он вдруг почувствовал страстное желание, наклонится и поцеловать женщину.

Наконец самолет сел. Они вышли из него, вместе отправившись к зданию аэропорта. В терминале была последняя точка невозврата, когда надо принимать решение, уходить в разные стороны или же дать друг другу шанс, подарить надежду, что через некоторое время — мы увидимся.

Они стояли в потоке идущих людей и молчали.

Первой нарушила молчание она, робко сказав.

— Я, наверное, пойду.

Георг молчал не в силах, что-либо сказать. Если бы он только мог ей все объяснить, если бы она поняла. Но ведь это невозможно.

— Да, — едва двигая, губами сказал он.

Она повернулась и пошла неся небольшую сумочку на плече. Он понимал, что стоит ему только окликнуть ее, как она развернется и бросится ему на встречу. Это будет другая жизнь, наполненная обычным человеческим счастьем. Но он молчал, лишь смотрел на ее спину, на локоны волос, чуть подрагивающие от ее неторопливых шагов.

Она ждала, что он окликнет ее.

Но он молчал.

Наконец Мария исчезла в потоке людей, потерялась, как одна капля воды среди миллиардов капель дождя, словно ее никогда не существовало в его жизни.

А может, ее никогда и не было? Может, это было одно из его видений?

Георг стоял несколько минут, чувствуя страшную усталость и опустошение. Он заблокировал нейромод от внезапного включения, потому что, находясь среди множества людей, соприкасаясь с ними частями тела, касаясь их «биополя» можно было сойти с ума от поступающей информации. А сейчас, когда он стоял, ощущая свое ужасное одиночество — это неминуемо привело бы к самым не желательным последствиям.

На выходе из терминала стоял молодой человек с небольшой табличкой, на которой было написано «Георг Аренский». Это был его куратор из компании «Фарм Индефикал». Георг подошел к нему. Молодой человек кивнул и опустил табличку.

— Георг Аренский?

— Да это я.

— Михаил Осинский, — представился молодой человек, — пройдемте.

Они прошли к ожидавшему их автомобилю «Tesla» водитель открыл дверь и они уселись на заднее сиденье.

— В фирму, — кратко сказал водителю Михаил Осинский.

Осинский аккуратно, скашивая глаза, поглядывал на спутника. Наконец он не выдержал и спросил.

— У вас какая-то определенная миссия в нашей компании?

Георг безучастным взглядом скользил по ровным рядам деревьев стоящих в лесополосе вдоль дороги. Ни какой особой тайной миссии у нег не было, важен был результат, зависящий от того, что он обнаружит, проверяя листинги с тестами одного из химических препаратов, что был разработан в лабораториях их компании. Этот биохимический препарат, «Био Базикс — А14» был патентованной разработкой российской компании «Фарм Индефикал», он был нужен для производства другого препарата. Но уже лекарственной формы состоящей из искусственно полученного субстрата под названием двойная трансфераза PDI—4. Под действием другого также искусственно полученного фермента он запускал в организме человека ряд важнейших изменений повышающих устойчивость человека к патогенным бактериям, которые за относительно недолгую историю использования антибиотиков стали резистентными к ним. За последние два десятилетия человечество столкнулось с серьезной угрозой — бактериями, которые больше были не восприимчивы антибиотикам. По всему миру вспыхивали очаги эпидемий, готовых перерасти в новую Черную Смерть, подобную средневековой чуме. Новое лекарство решало эту проблему, но неожиданно возникло непредвиденное обстоятельство, настолько страшное и неправдоподобное, что в это было трудно поверить.

— У меня нет никакой иной миссии. Кроме той, что обговорена в запросе моего ведомства, — ответил он неопределенно.

Возможно, это был не самый вежливый ответ, но Георг не мог сказать ему то, что происходило на самом деле. Настолько невероятным и пугающим оно было. Осинский ненадолго умолк, ответ его явно не удовлетворил, он несколько сконфужено посматривал в окно автомобиля.

— Вы могли получить все файлы по почте. Какой смысл был вам приезжать сюда.

В этот раз уже он был резок в своем предположении. Георг, наконец, отвлекся от равнодушного созерцания деревьев, повернулся к нему.

— Михаил, вы знали, что я родом из этих краев? — улыбаясь, спросил он.

Георг махнул рукой в сторону окна.

— Я не был здесь уже так давно, что с трудом узнаю ту местность, по которой мы сейчас едем.

Осинский от удивления открыл рот.

— Вы хотите сказать, что вы просто решили погостить на родине и заодно заехать к нам в компанию? — саркастически заметил он.

Осинский возглавлял в компании, как раз тот отдел, который занимался тестированием «Био Базикса — А14» и он немного нервничал, предчувствуя неудобные вопросы специалиста из Интерпола. Нет, ему абсолютно нечего было скрывать, свою работу он делал очень добросовестно и был известен в своих кругах, как ученый очень высокого класса. Он был так же одним из авторов и получал свои несколько процентов от патентованной разработки. И все же не чувствуя за собой никаких грехов он испытывал беспокойство. Просто по той причине, что кто-то будет копаться в его работе, пытаясь найти несуществующие нестыковки в тестировании. Почему препарат, который они создали, который успешно использовался в течение полутора десятков лет, вдруг попал под внимание специального отдела Интерпола? Он каждый раз задавал себе этот вопрос пока сидел рядом в машине с этим человеком.

— Вот.

Он протянул Георгу небольшую флешку.

— Здесь все что вас может заинтересовать. Полный листинг. Все протоколы. Результаты всех экспериментов. Все диаграммы. Можете на досуге посмотреть, — Осинский немного запнулся, и взволновано продолжил, — чтобы лучше понять работу нашей лаборатории.

Георг взял флешку положил на ладонь и активировал неромод. Через секунду он вернул ее своему удивленному спутнику. Все данные были в течение двух секунд прочтены с защищенного запоминающего устройства.

— Благодарю, — сказал он и снова уставился в окно.

Осинский понял, что перед ним очень не простой человек. Он постарался незаметно для Георга тронуть себя большим пальцем правой руки за запястье, чтобы активировать активную защиту от сканирования нейроактивной работы мозга. Он был растерян. Если отдельные имплантаты мог себе установить кто угодно, обладая деньгами или соответствующими связями, то нейромод был очень редкой вещью. Он еще ни разу не встречал человека, обладающего им, и как никто другой знал, что невозможно

создать структуры связей в нервной системе организма уже родившегося человека, для вживления биочипа. Это можно сделать лишь на стадии формирования зародыша. Именно тогда нейромод органично встраивается в нейронную структуру мозга. Только так он может стать источником генерации имплантатов, которые по мере необходимости создает обладатель нейромода. А рядом с Осинским сидел человек обладающий нейромодом. Это спаун-дизайнер. О которых он только слышал, но никогда не видел.

— Скажите и много в вашей организации сотрудников использующих нейромодулирующее управляющее конектомное устройство?

— Я такой один, — со вздохом сказал Георг, понимая его беспокойство.

— Михаил, — обратился он к Осинскому, — вам не о чем беспокоиться. У меня нет привычки, использовать свои возможности во вред кому бы то ни было.

— Да, да, конечно, — растеряно пробормотал Осинский в ответ.

Остаток пути они провели в полном молчании.

В компании Георг сразу же отправился к исполнительному директору «Фарм Индефикал». Он остановился перед матовой стеклянной дверью и чуть помедлив, открыл ее и вошел. За большим столом в стиле лофт сидел человек средней комплекции, чуть лысоват, из-за этого стриженый очень коротко, почти наголо. Лицо добродушное с глубоко посаженными глазами и умным взглядом. Он чуть привстал, протягивая руку, когда Георг вошел,

Георг остановился сложил руки на груди и насмешливо уставился на исполнительного директора компании.

— Ну что здравствуй Коля-Колесо!

Исполнительный директор «Фарм Индефикал» удивленно посмотрел на вошедшего, близоруко сощурившись он вгляделся в него и потрясая указательным пальцем в сторону Георга воскликнул.

— Гера! Черт побери, Гера! Не может быть! Только один человек во всем этом мире может меня так называть.

Он бросился к Георгу и обнял его.

— Господи, Гера я не видел тебя тысячу лет!

— С тех самых пор, как я уехал отсюда! Помнишь, Коля-Колесо это было так давно?

Михаил Родин исполнительный директор компании «Фарм Индефикал» был потрясен. К нему в офис вошел друг детства. С которым они расстались несколько десятилетий назад и о

котором он ничего после это не слышал. И вот сейчас он свалился на него, как снег на голову. Он немного отстранился от Георга.

— Наше детство прошло в лаборатории среди колб и пробирок, нашей лучшей игрушкой была высокоскоростная центрифуга для осаждения вирусов и клеток, помнишь? Помнишь, как мы ее запустили, а старый Илья Варфоломеевич несся за нами по коридору, грозя нас самих засунуть в центрифугу. И вот ты теперь тот загадочный специалист из Интерпола.

— Да это я.

— Знаешь, я почему-то не удивлен. Да-да, кому как не тебе вникать в суть всех проблем связанных с безопасностью в непростой отрасли синтетической биологии.

Георг пожал плечами. Он активировал нейромод и просмотрел ДНК своего старого друга, увидел все его патологии возникшие со временем. Увидел его сердечный регенеративный имплантатат необходимый для поддержания сердечной мышцы в тонусе и постепенного ее восстановления. Увидел его имплантатат, который управлял иммунной кастомной прививкой от онкологии, который собирал в крови Т-лимфоциты, перепрограммировал их, делая более агрессивными к специфичной очень редкой форме онкологии. Георг не удержался и чуть коснулся нейроактивной работы мозга — его старинный друг детства был безумно рад видеть его. Это была по-настоящему искренняя радость не фальшивая, а шедшая из глубины его широкой души.

Георг не удержался и еще раз обнял Михаила.

— Я думал, что мы больше уже никогда не увидимся.

Михаил Родин похлопал по плечу Георга.

— Вот что, давай сейчас работа, а вечером ко мне. Расскажешь о себе, где ты, что ты?

— Я через сутки улетаю в Китай.

Михаил Родин вздохнул.

— Вот-вот друг мой, я этого боялся больше всего. Я ведь чувствую, ты в родные края совсем ненадолго и опять исчезнешь. Как тогда, — он немного погрустнел и сказал, — когда произошла та ужасная трагедия с твоими родителями… Когда я тебя снова увижу? Я очень хочу познакомить тебя со своей семьей, — он замахал руками, — И давай так, никаких гостиниц, остановишься у меня. Не принимаю никаких возражений. Договорились?

Георг улыбнулся.

— Хорошо. Я рад тебя видеть Коля-Колесо.

Весь день Георг провел в лабораториях «Фарм Индефикал» —

ничего чтобы говорило о том, что «Био Базикс — А14» вызывает эффект «necrosis viventem» или «immortui» он не нашел. Все эксперименты, проведённые в компании, говорили об абсолютной его безопасности для человека. Были проведены тысячи экспериментальных инъекций лабораторным мышам, маленьким млекопитающим отряда Rodentia. Тысячи тестов подтвердили, что препарат не может вызывать никаких побочных эффектов, кроме положительных. Он сравнил данные переданные ему на флэшке Осинским с теми экспериментами, что приводились в лабораториях.

Ничего.

Он собственноручно провел ряд экспериментов, над мышами вводя препарат «Био Базикс — А14», а с помощью доступных ему инструментов нейромода и специфических имплантатов провел тщательный анализ изменений ДНК мышей.

Снова ничего.

Лишь небольшое отклонение было у инбредных мышей типа BALB/c, C57BL/10, C57BL/6, DBA/2, полученных из питомника лабораторных животных «Пущино». Небольшие изменения были обнаружены в так называемой не кодируемой части ДНК или как ее раньше называли «мусорном гене». Георг провел тщательный анализ отклонений. Расплетая с помощью имплантатов нейромода РНК-молекулы на белки, центромеры, теломеры и прочие составляющие, он сделал вывод — эти отклонения никакой угрозы не несли. В отчетах компании об этих изменениях была сделана соответствующая запись. Последующие эксперименты уже на добровольцах из людей не выявили ничего, что говорило о том, что эти изменения каким-то образом воздействуют на людей.

Неромод работал на полную мощь в течение всего дня, что требовало от его обладателя напряжения всех физических и эмоциональных сил. К вечеру не найдя ничего, Георг был абсолютно вымотан и опустошён. Он сидел в полном одиночестве в одной из лабораторий обхватив ладонями голову.

Вошел Николай Родин сел напротив него.

— Ну что, ты нашел то, что искал? — спросил он.

Георг молча покачал головой. Потом задумчиво сказал

— Нет. Ничего.

Он внимательно посмотрел на Николая Родина.

— Но я чувствую, мы что-то упускаем. Это какая-то одна миллиардная погрешность.

Исполнительный директор «Фарм Индефикал» побарабанил пальцами по столу.

— Гера, ты расскажешь мне, что ты ищешь. Что ищите вы?

Возможно, я тебе смогу помочь, если буду хотя бы в курсе твоей миссии.

Георг молча кивнул и уклончиво ответил.

— Давай сейчас поедем к тебе. Во время пути я хоть немного приду в себя и мы после поговорим.

Родин встал, но было видно, что он хотел спросить еще что-то, но не решался. Сделав над собой усилие, он спросил.

— У тебя всегда было нейромодулирующее управляющее конектомное устройство? Еще с детства?

— Да всегда, но будучи ребенком, я не мог им пользоваться. Поэтому обо всех твоих детских страхах я не знал. Если ты об этом. И я сейчас не использую его.

Георг показал указательным пальцем на лоб своего друга.

— Ух, слава Богу, — улыбнулся Родин.

Николай Родин и Георг, одновременно рассмеялись. Георг вдруг почувствовал, что перед ним стоит, пожалуй, единственный самый близкий человек на планете. Да, они не виделись с ним более двадцати лет, но это был его единственный искренний друг, еще с детства.

— Это твои родители установили тебе нейромод?

В ответ Георг посмотрел на Родина с грустной усмешкой.

— Коля-Колесо, ты ведь сам не веришь в то, что говоришь. Когда мы с тобою были детьми, тебе казалось, что ты приходил играть с мальчиком, которого родители тоже приводили с собою на работу. И мы бегали вместе по всему зданию, по лабораториям и не задавали друг другу лишних вопросов. Тебе даже в голову не приходило что я просто жил здесь. Но сейчас, мы уже взрослые, ты знаешь правду.

Николай Родин стоял перед другом детства, склонив голову, его — обуревали смешанные чувства: грусти, страха, жалости к другу, негодования. Он не знал, как ему быть теперь. Осинский рассказал ему о наличии нейромода в мозге Георга и это делало его друга одним из самых непростых людей на Земле.

— Они никогда не были моими родителями. Это были сотрудники лаборатории, проводившие эксперименты надо мной, как я сейчас провожу его над крысами и мышами.

Георг горько усмехнулся.

— Последователи старых добрых традиций идущих еще от академика Ивана Петровича Павлова, который проводил эксперименты над беспризорниками.

Николай Родин снова сел напротив Георга.

— Я родился, Коля-Колесо, здесь в лаборатории из яйцеклетки, взятой у донора. У девушки студентки, которая нуждалась в деньгах и за небольшую сумму пожертвовала свою

диплоидную клетку зиготу ради науки, но больше она заботилась о том, чтобы избавиться от нежелательной беременности. Они никогда не были моими родителями. Это были мужчина специалист по биокибернетике и женщина специалист по генетике. А еще у меня были другие родственники тети, дяди, бабушки, дедушки и все они были специалисты в разных областях синтетической биологии, кибернетики, информатики, биохимии. Я Франкенштейн Коля-Колесо. Я не так давно нашел свою биологическую мать и своего биологического отца. Я видел их — они тоже не были моими «родителями», они просто инструмент, для получения тотипотентной клетки с двойным набором хромосом, из которой можно породить любую другую. Я монстр, Коля-Колесо.

— Все Гера! Хватит! Ты мой друг и это важнее всего, — прямо сказал Родин, — в детстве я этого не знал, но, а сейчас для меня ничего не изменилось. Ты мой друг и я скучал. Я рад, что ты наконец-то нашелся. И буду всегда рад тебя видеть, чтобы ни произошло.

Георг положил свою ладонь на руку Николая Родина.

— Все хорошо Коля-Колесо. Мне нужно высказаться. Тем более в скором времени это будет уже невозможно и уже неважно.

— О чем ты говоришь?

Но вместо ответа Георг похлопал его по руке.

— Поехали к тебе, познакомишь со своей семьей, это намного важнее моего происхождения.

Дом у Николая Родина был большим и красивым. Это был современный дом из стекала и бетона, причем стекла в нем было больше. Георг живущий в небольшой квартире во Франции в Лионе площадью всего шестьдесят один квадратный метр был восхищен домом. На пороге дома их встретила миловидная женщина.

— Познакомься, моя жена Ольга, — представил ее Родин.

— Георг Аренский.

Она протянула ему ухоженную красивую руку и с мягкой очаровательной улыбкой сказала.

— Я много слышала о вас. Когда Коля вспоминает детство, он всегда рассказывает именно о вас. Вы, пожалуй, единственный его друг, которого, к сожалению, я никогда еще не видела. И вот сейчас имею возможность наконец-то увидеть того загадочного Георга о котором было столько замечательных историй.

Она засмеялась приятным похожим на «мелодию» смехом, потом искренне обняла Георга и поцеловала его в щеку. В ее объятьях было так много тепла, мягкости, доброты, что хотелось удержать эту женщину в своих объятьях чуть дольше, чем

позволяли правила приличия.

Георг активировал нейромод и просмотрел ее ДНК. У нее было несколько серьезных генетических изменений, связанных с коррекцией внешности и эмпатических способностей. Сканирование нейроактивной работы мозга, сказало ему о том, что женщина искренна и настроена к нему очень дружелюбно. Одно изменение носило профессиональный характер, возможно, оно была связано с музыкой, пением или же преподаванием музыки. Потому что один из имплантатов, находившихся за правым ухом позволял ее более тонко чувствовать тональность именно музыки или пения. Ни чего удивительного. Николай Родин, будучи исполнительным директором «Фарм Индефикал» был весьма состоятельным человеком, мог оплатить своей жене практически любые изменения в ДНК. Еще Георг обнаружил в ее организме присутствие двойной трансферазы PDI—4. Что было совсем неудивительно. Практически каждый пятый или четвертый житель цивилизованного мира сделал себе инъекцию, защищающую от бактерий и вирусов, устойчивых ко всем антибиотикам.

Георгу было очень жаль — он не успел.

Внутри дом был воплощением экостиля. Много дерева, натурального камня, мрамора. Большой холл, с огромной люстрой, свисающей с потолка и освещающей сразу и холл и две лестницы, уходящие на второй этаж. Георг невольно сравнил свою небольшую квартирку, которых штук шесть можно было уместить здесь прямо в этом холле. В его жилище было лишь все самое необходимое, оно было аскетичным и предметами роскоши обладал лишь его домашний питомец — кот по имени Гастон. Он подобрал его еще совсем котенком, такое же одинокое существо, как и он сам, выброшенное жизнью и предоставленное самому себе. Он изменил его ДНК и вживил несколько имплантатов. Теперь это было уже не простое домашнее животное, а представитель семейства кошачьих, находящийся намного выше в своем развитии относительно своих собратьев.

Ольга вывела перед Георгом трех детей, двух мальчиков и одну девочку.

— Это наши дети, — с нежностью в голосе сказала она.

И потом представила всех поочередно. Георг подверг их ДНК анализу. Пол детей был не только тщательно спланирован родителями, но это были самые настоящие трансгенные дети третьего поколения. У них были многочисленные генетические изменения во всем начиная от генов влияющих на внешность, здоровье, до генов влияющих на эмпатические способности человека, как и у их матери. Единственное что не обнаружил

Георг это наличие двойной трансферазы PDI—4.

«У вас есть шанс, небольшой, но он есть», — подумал Георг.

Отсутствие следов субстрата говорило что, просто родители еще не сделали инъекцию, но это лишь еще вопрос времени.

Он посмотрел на стоявшего рядом Николая Родина. Тот словно понимая чем занят его друг детства, о чем он размышляет, слегка пожал плечами и «улыбнулся в сторону» жены, давая понять — кто здесь всем «рулит».

После изысканного ужина, который был с блеском проведен женой Николая Родина, возможно, эта способность быть все время в чутком внимании к гостю, также входила в ее измененные эмпатические способности, они уединились в кабинете исполнительного директора компании «Фарм Индефикал». Николай достал деревянную коробку доминиканских сигар «Дон Лукас» и бутылку бренди.

— Ты как? Позволяешь себе истинно мужские ценности?

Николай Родин заговорщицки потряс бутылкой и коробкой. Георг очень сильно устал, хотел спать, но решил что общение с другом стоит того чтобы немного пренебречь отдыхом. Он немного повысил воздействие нейромода на тонкую часть коры головного мозга — неокортекс, ответственную за сознание и мыслительную деятельность. Повышение активности позволило убрать желание спать.

— С удовольствием, — кивнул в ответ Георг.

Он взял из рук Николая глубокий бокал с бренди и с наслаждением развалился в большом мягком кресле.

— Ты обещал рассказать мне о том, что вы ищите.

Георг мог бы ничего не рассказывать другу детства. Мог бы сослаться на служебную тайну, или, в конце концов, выдумать иную другую причину, которая была бы не столь болезненна для него, как действительность, о которой он еще не знал. Но он подумал о жене Николая, о его замечательных трансгенных детях. О том, какова может быть их судьба. Тут же вспомнил свой сон, который он видит вот уже несколько лет. Сон, пришедший из его далекого прошлого. Событие, которое он страстно желал забыть, от которого он постоянно бежал, вычищая воспоминания из своего мозга, но оно настигало его — и вот теперь уже во сне, не давая забыть о себе.

Он покрутил бокал с бренди, отпил маленький глоток. Алкоголь был великолепный, не требовалось никакого дополнительного анализа, чтобы понять — это дорогой бренди, сделанный из настоящего виноградного спирта.

— Или хотя бы расскажи о себе, — Николай Родин не был уверен, стоит ли так прямолинейно спрашивать о миссии своего

друга, — где ты пропадал столько времени, после того как ты исчез из лаборатории.

Голос Николая вернул его из размышлений в действительность. Прежде чем рассказать о своих поисках он решил покончить с темой о своем происхождении.

— Люди, которых ты назвал моими родителями. Те мужчина и женщина специалисты лаборатории. Хотели меня тайно вывезти и продать теневым дельцам из области технологий по изменению человеческого генома. У меня аниматидный нейромод. Думаю, ты понимаешь, что это значит?

Родин кашлянул.

— Его возможности не поддается оценке. Такого сейчас уже не делают, — осторожно заметил он, — существует, как бы две сущности тебя.

Георг кивнул в ответ.

— Меня ждала судьба черного спауна с нейронной перемычкой в голове. Но они не знали главного — в этой сфере правила диктуют покупатели, а не продавцы. Их сгубила банальная человеческая жадность, а меня она спасла. Машина, на которой они ехали в Черногории, совершенно случайно упала в глубокое ущелье, водитель не справился с управлением. Я стал свободен. Тогда будучи еще мальчишкой, я не понимал и не знал себя. Я жил на улице не имея крова едва не погибнув от голода и одиночества. Меня нашел спаун-дизайнер, так я обрел своего наставника. Он обучал меня несколько лет, совершенствовал мои навыки, передавал опыт. Но это был не мой путь.

— Он отпустил тебя? — тихо спросил Николай, без сомнения хорошо знавший о существовании спаун-дизайнеров.

Возможно, он при генетической коррекции своих детей или жены прибегал к их услугам, черных спаун-дизайнеров — его доходы и связи позволяли такое.

Георг ненадолго задумался, его память снова отозвалась полузабытыми образами — глаза невероятной красоты, и боль от того, как их пожирает красный ободок смерти, распространяющийся по зрачку.

— В мире спаунов, в отличие от мира людей, тебя никто не держит и не неволит. Тебе передают опыт, учат всему, что знают сами, а потом предоставляют тебе сделать выбор самому. Ты либо продолжаешь идти по их пути либо нет. Есть правда, один не писаный закон, состоящий из правил, которые соблюдали абсолютно все свободные спаун-дизайнеры, — Георг чуть помолчал и добавил, — белые спауны. Но этот закон существует лишь только для нас и никто тебе ни при каких обстоятельствах не раскрыл бы его содержание.

— Вас много? Много осталось?

— Я точно не знаю, могу только сказать, что больше не встречал белых, свободных спаунов, тех, кто не имеет нейронной перемычки, то, что вы люди называете «нейронным предохранителем». Возможно, что я один, последний из них. Но никто не знает, сколько существует черных спаунов.

Николай Родин молча смотрел на друга ожидая дальнейшего рассказа.

— Я выбрал другой путь. Интерпол создал новый отдел по биосинтетической безопасности, плюс наконец-то в его структуре появилось подразделение в функции, которого входило ведение агентурной работы. В мире остро назрела проблема борьбы с незаконными генетическими и биологическими экспериментами. Лояльность многих государств к этому вопросу привела к тому, что стали появляться новые формы жизни невозможные с точки зрения обычной биологии и эволюции — это стало опасным.

Родин согласно кивнул.

— Я не во всем согласен с философией спаунов, их мировоззрением, возможно по этой причине, я откликнулся на просьбу Интерпола. Мне доверили возглавить именно отдел по борьбе с преступлениями в биосинтетической сфере, — Георг грустно улыбнулся, — все просто Коля-Колесо. Потому что вести противодействие в этой сфере лучше тому, кто сам является плотью этих процессов.

— А ты принимал участие в мятеже? Я имею ввиду известные события. Ведь после этого перестали, — Родин, немного замялся, подбирая слова, — создавать спаун-дизайнеров с аниматидным нейромодом.

— Ты спрашиваешь о «мятеже нейромодов»? — спросил Георг — то, что пресса окрестила как «мятеж верховной генетической расы»?

— Да-а, — неловко пожал плечами исполнительный директор «Фарм Индефикал».

— Я не знаю ни о каком мятеже, это был ваш страх, — грустно сказал Георг, — зато я могу тебе рассказать о бойне когда персекуторы, порожденные страхом людей перед созданными ими же спаун-дизайнерами, почти перебили нас всех, биокибернетические, бездушные твари, созданные лишь только для того чтобы выслеживать и убивать спаун-дизайнеров. А ведь нас было всего чуть больше двадцати тысяч! Осталось несколько десятков. Тех, кто выжил после кровавого истребления, подвергли ужасной процедуре по установке нейронных перемычек. Свободных осталось единицы. Возможно я один из последних.

Они надолго замолчали. Лишь иногда позвякивал лед в

бокале с бренди, что держали в руках Георг и Николай Родин. Георг решил, что пора сказать своему другу все.

— А теперь о том, почему я здесь.

Георг встал, поставил бокал с бренди на небольшой столик из каменной березы, провел в задумчивости пальцем по поверхности столешницы и подошел к витражному окну, выходящему в большой сад. По-видимому, сад был самым любимым местом семьи. Множество деревьев с изменённым ДНК, небольшой искусственный пруд с островком и беседкой в виде античных колон. В пруду застыли японские карпы с тигровой и леопардовой расцветкой. Фосфоресцирующие кролики в кустах можжевельника у которого было усилено благоухание. Бассейн для детей, трава, растущая только определенной высоты и имеющая ярко зелёный цвет, днем, а потом переходящий в сияющий глубокий изумрудный ночью — последний хит садового и ландшафтного дизайна.

— PDI-4 вызывает в человеческом организме необратимые изменения, которые мы назвали «mortem animam viventem».

— Это кажется латынь, — спросил его Родин.

— Да, — не поворачиваясь, ответил Георг, — живая смерть, immortui.

Он услышал легкий всхлип смеха за своей спиной.

— О чем ты Гера? Живые мертвецы!? Что за чушь ты несешь? Ты приехал сюда, чтобы рассказать мне о какой-то совершенно фантастической вещи?

Георг молчал.

— Если ты не хочешь мне говорить об истинных мотивах своей миссии, я пойму, друг, но тебе не к чему смеяться надо мной, подшучивать.

Георг повернулся к Николаю Родину.

— Посмотри на меня Коля, — он впервые за все время их встречи назвал его по имени, а не детской шутливой кличкой, — посмотри на меня, разве я шучу? Разве я пытаюсь разыграть тебя?

Родин растеряно смотрел на друга.

— Но ведь это невозможно! — выдохнул он, — это абсолютно невозможно! Это сюжет какого-то дешевого фантастического сериала, комикса для глупых впечатлительных подростков. Наш биохимический препарат, «Био Базикс — А14», не может привести к такому результату.

— Если бы ты сейчас увидел Лиз Пэрриш, ты бы сильно удивился. Это полуживой мертвец готовый вцепиться в любого подвернувшегося человека, чтобы выгрызть у него мозг.

Николай Родин рассмеялся и погрозив Георгу пальцем сказал.

— Неужели ты думаешь, я тебе поверил? Гера, ну хватит, — он вскочил, — прекрати нести этот бред!

Георг активировал нейромод и синхронизировав свою перинейрональную сеть с мозгом Николая Родина, послал образы Лиз Пэрриш. Исполнительный директор «Фарм Индефикал» конвульсивно дернулся, получая медленные ритмичные волны нейронных колебаний тета-ритмов. Он увидел искаженное процессами разложения некогда красивое лицо женщины. Почерневшие белки глаз в глазницах на сером лице, безумно вращались, с губ свисала тягучими клочками пожелтевшая слюна, а из почерневших десен, где местами выпали зубы, сочилась серо-зеленая слизь. Существо, в котором едва просматривался облик владелицы успешной компании «Bio Viva» издавало рычащие не человеческие звуки, она подергивало головой и делало спонтанные хватательные движения скрюченными, как ветки почерневшего дуба руками. От нее исходили «магнетические волны» страха, неутолимое желание насыщения. Миллиарды клеток в ее организме с безумной скоростью умирали, одновременно возрождались, оставаясь рядом с клетками и тканями организма начинающими разлагаться. И все что ей было нужно лишь только поглотить, пожрать новую плоть иначе без нее чудовище не могло существовать, а впадало в спячку.

Георг отключил неромод. Николай Родин до этого стоявший практически на вытяжку, словно солдат перед генералом, рухнул в кресло. Его руки тряслись, глаза безумно двигались, он пытался что-то сказать, но его речь была бессвязной и неразборчивой.

— Прости меня друг. Но иначе ты бы не поверил мне. Ты сейчас видел то, что я видел своими глазами.

Георг положил ему руку на плечо.

Минуту спустя, он пришел в себя.

— Что это было? — спросил он слабым голосом.

— Лиз Пэрриш. Ты ее знал другой. Теперь она такая. PDI-4 изменил ее, превратив в монстра. Ее родные пока скрывают ее, не предавая огласке то, что произошло с ней. Но по всей планете уже тысячи подобных случаев и их количество только увеличиваются. Мы пока не можем понять, что происходит. Как получилось, что субстрат двойная трансфераза PDI-4 вызывает такие изменения в «не кодирующейся ДНК»? Именно она ответственна за все процессы превращения. Нам необходимо найти первоначальный источник, чистый образец с которого все началось. Потому что, та жидкость, что представляет слюну переродившегося существа, при попадании субстрата в кровь здорового человека вызывает его заражение. Ты представляешь всю степень опасности? Мы не можем понять, почему патологические изменения, вызванные

PDI-4, могут не проявляться в течение нескольких месяцев, а потом вдруг приводят к тому, что ты только что видел. Почему «укус» immortui вызывает превращение здорового человека в считанные часы. Все прогнозы и предсказания, что были в безумных фантастических фильмах, о которых ты говорил, сбываются. Я сам не мог в это поверить, пока не осознал что это реальная действительность. Человечество, вы люди стоите на грани полного исчезновения.

Николай Родин во все глаза смотрел на Георга. В них были ужас и страх.

— Есть предположение, что это работа какого-то неизвестного спаун-дизайнера. Хотя я думаю, это маловероятно. Но все же исключать этого нельзя. Мы находимся на первоначальной стадии расследования и у нас, к сожалению, нет ответов. Моя миссия — выяснить, как получилось, что препарат «Био Базикс — А14» необходимый для получения субстрата двойной трансферазы PDI-4 прошел все тесты, являясь абсолютно безопасным, вдруг вызвал процессы, приводящие к «mortem animam viventem». Также, как случилось, что сам субстрат не показал ни одного теста вызвавшего подозрение? На каком из звеньев цепи происходит запуск этого ужасного процесса?

— Ольга, — едва двигая губами, сказал бледный Николай Родин.

— Мне очень жаль, — Георг опустил голову, — я хотел тебя предупредить, но не успел.

— Моя жена, она обречена?

Георгу было тяжело говорить правду, но иного ответа у него не было.

— Да.

— Ты можешь ей помочь?

— Нет.

— Ты лжешь! Ты можешь ей помочь! — закричал Родин.

— Мне очень жаль Коля. Я не могу ей помочь. Но ты можешь спасти своих детей.

Николай Родин схватил Георга за плечи и глядя ему в глаза громко зашептал.

— Ты лжешь! Ты лжешь! Ты лжешь! Ты можешь ее спасти! Ведь вы, как Боги, вы можете все. И ты можешь ее спасти, только ты, мой друг.

— Я не могу.

У Георга от жалости к другу разрывалось сердце. Родин был в отчаянье.

— Зачем ты тогда приехал?

— Я хотел тебя предупредить, но не успел. Пойми меня, я не

могу ей помочь, слишком поздно.

Родин начал трясти Георга за плечи.

— Вас создавали лишь для этого. Вы нужны лишь для того чтобы исправлять человеческую ДНК, ты просто инструмент. И ты сейчас отказываешься делать, то для чего тебя создали.

Георг спокойно выслушал все обвинения Николая Родина. Потом взял его за запястья и с силой надавив на них, усадил его кресло. Тот обхватил голову руками и молча уставился в пол.

— Уходи, — тихо сказал он.

— Прости мой друг, мне очень жаль, — устало сказал Георг и вышел из кабинета.

В холе его перехватила жена Николая Родина.

— О, вы покидаете нас? Это так неожиданно, — сказала она с мягкой, притягательной улыбкой.

— Да я вынужден покинуть вас, мне нужно идти, увы, — чуть поклонившись, ответил ей Георг.

— Но Коля сказал, что вы останетесь у нас до утра. Я распорядилась приготовить вам одну из лучших комнат, — удивленно спросила она, внимательно посмотрев ему в глаза, — он в кабинете? Он не выйдет вас проводить?

В ее голосе были неподдельная тревога, растерянность, сожаление, грусть. Но чувствовалось — она привыкла повиноваться мужу.

— Нет, у него есть несколько неотложных дел связанных с моим приездом. Мы увидимся завтра в компании, — соврал Георг.

Ложь не могла облегчить ситуацию потому, что то, как он покидал дом своего друга, действительно выглядело глупо и непонятно.

«Но разве у меня есть другой выход?», — спросил он себя, обхватив двумя руками ладонь женщины, что протянула она ему на прощание.

Георг активировал нейромод, подключил секвенатор. Он расплел двойную спираль ее ДНК подвергнув скрупулезному анализу каждый ее ген. Сомнений не было — субстрат уже «внес» все необходимые изменения в ее геном, воздействуя на синтез белков в котором учувствовала одинарная спираль РНК. Так называемые «мусорные гены» были закодированы и при последующей транскрипции — прочтении ДНК, их код миллионы раз уже тщательно скопирован полимеразами, белками ответственными за синтез новой ДНК. Ольга была обречена. Если бы Георг предпринял попытку все исправить, то это привело бы к ее неминуемой гибели. Возможно…

Когда у него уже была вся буквенная ДНК женщины, он

инсталлировал имплантат квантового пинцета и внес несколько изменений в ее ДНК, создав несколько синтетических генов, не имеющих четыре естественных парных соединений T — A и C — G. Проверил на стабильность спирали и способность ее реплицироваться.

Все работало.

Тут же перенес соответствующие изменения в ее ДНК. Отдалив ее превращение на достаточно долгое время.

«Возможно, это не спасет тебе жизнь, но даст намного больше времени прожить в окружении своих близких», — подумал Георг, пожимая протянутую на прощание Ольгой руку.

Все это произошло в течение минуты, пока он держал ее за руку, улыбался ей в ответ, отвечая на ее прощальные слова. Женщина лишь почувствовала легкий озноб и прилив тепла по всему телу.

В открытых дверях кабинета стоял его друг детства и смотрел ему вслед.

Покидая его дом, Георг чувствовал себя потерянным — одиночество и чувство вины давили на него тяжким грузом. Нужно было освободить себя от этого.

На дорожке из мелкого гравия стоял автомобиль. Водитель предупредительно открыл дверь.

— Николай Сергеевич распорядился отвезти вас куда скажете, — беспристрастным голосом сказал он.

Жизнь научила Георга, что доверие может таить в себе опасность. Он, привычно просканировал активность слуховой зоны коры головного мозга водителя, восстановил мысли водителя, синтезировав их в речь. Ни какой угрозы. Николай Родин, его друг детства, действительно отдал распоряжение отвезти его туда, куда он пожелает. Коля — Колесо не желал причинять ему вред, несмотря на то, что Георг принес ему очень печальную весть, и не смог ему ничем помочь.

Он сел на заднее сидение.

Они проехали по шоссе примерно половину пути к городу.

— Остановите здесь, — коротко бросил водителю Георг.

— Но ведь… — недоуменно начал говорить тот.

— Я прошу вас, остановите, дальше я доберусь сам.

Водитель не стал задавать лишних вопросов слегка пожал плечами и съехав на обочину остановил автомобиль.

— Воля ваша.

Георг, поблагодарив его вышел.

Он дождался пока габаритные огни машины скрылись из виду, за поворотом дороги, прошёл немного по шоссе, свернул в лес. Он некоторое время стоял в темноте — смотрел в «никуда».

Потом активировал нейромод и инсталлировал имплантаты отвечающие за изменение функциональности зрения. Особые наночастицы позволяли видеть в темноте, как днем, они предназначенные для поглощения электромагнитных волн определённой длины, попадая на ганглиарные клетки глазной склеры, придавали им новые свойства. А также значительно расширяли видимый световой спектр, давая возможность видеть в разных его диапазонах. Неромод адаптировал для мозга идущие от них сигналы, наполняя сознание Георга новыми образами — он видел инфракрасные подрагивающие пятна, ультрафиолетовое слоистое мерцание, прямые стрелы пронизывающих все рентгеновских лучей, идущих сверху, из космоса.

Георг раскинул руки в разные стороны и побежал.

Он бежал что было сил.

Бежал с невероятной для человека скоростью, двигаясь в потревоженных всполохах светового спектра разной электромагнитной длины. Неромод периодически менял их и казалось, что Георг постоянно врывался то в один неизвестный мир то в другой. Это был уже не бег, а полет сквозь точку рождения Вселенной.

Внезапно он остановился. Вокруг было огромное поле, он стоял прямо посреди него. Материя пространства светилась, излучая вокруг сияние, заполняющее абсолютно все вокруг.

— Ты здесь? — сказал Георг.

Пространство дрогнуло, словно по всей бездонной Вселенной прошла одна бесконечная волна.

— Что в имени моём тебе?

Голос шел отовсюду и от всего, словно пространство говорило с ним, все окружающие Георга объекты были источником его — крупинки земли, камни, стрелки покачивающейся травы, ветки деревьев находящиеся в дали, плоть животных, прохладный воздух ночи, звезды высоко в бездонном черном космосе — все что существовало и будет существовать дальше, говорило с ним.

— Атрайе! — сказал Георг.

— Что ты хочешь? — спросил голос.

— Видеть, — едва шевеля губами, ответил Георг.

Он почувствовал нестерпимый жар в теле, казалось, новая звезда запылала у него внутри головы — это нейромод включился на полную мощь, достигнув самых наивысших пиковых возможностей. По лицу Георга поползли, захватывая каждый сантиметр кожи, тончащие светящиеся трещинки, каждый нерв, каждый синапс в его теле начал излучать свечение, через секунду он весь до кончиков пальцев покрылся светящейся сеточкой

трещин. Его тело светилось, излучая яркий свет и освещая поверхность поля на сотни метров. Внезапно все вокруг сжалось в одну маленькую искру и взорвалось триллионами маленьких светящихся точек. Георг смотрел, видя каждую молекулу реального мира, каждый атом в окружении быстродвижущихся электронов — все двигалось, перемещалось, жило. Он мог повелевать Миром.

— Пусть будет так! — сказал Георг.

Он открыл глаза.

Георг лежал на прохладной земле в окружении травы, на которой выступила сверкающая, как бриллиант роса. Было раннее утро, солнце еще не появилось, и его окружали предрассветные сумерки.

Георг вызвал машину и отправился к шоссе. Ему было намного легче. Но ответов на свои вопросы он так и не получил.

Он связался с офисом Интерпола в Лионе. Алтман Леманн генеральный секретарь Интерпола был рад его слышать.

— Я ничего не нашел, — сказал Георг, — нет ничего, чтобы говорило о том что была допущена ошибка в экспериментах. Возможно, мы что-то упускаем или не обращаем внимания на что-то очень важное, способное дать ответ.

— Что ты намерен предпринять? — спросил Леманн.

— Пока еще не знаю. Я не исключаю внешнего воздействия на события личности спаун-дизайнера. Но где и на каком этапе это произошло неизвестно. И если это воздействие имело место, то мы можем столкнуться с совершенно новой генерацией спаунов. Сразу же возникает вопрос «кто» был способен их создать. Я начал с первого звена этой цепи, думаю, нужно двигаться дальше, тщательно анализируя каждое из этих звеньев. Времени у нас очень мало. Сегодня я вылетаю в Шаньдун буду искать ответы в фармацевтической компании производящей PDI-4.

Алтман Леманн вздохнул.

— С китайцами всегда было сложно работать.

По-видимому, он вспомнил судьбу несчастного Мэн Хунвэя, который активно пытался связать Интерпол сотрудничеством с китайской компанией Meiya Pico, являющуюся прямым конкурентом CMII.[1]

— Тебе не на кого будет рассчитывать, находясь там, — озабочено сказал Леманн, — мы можем сделать официальный запрос, без риска для тебя.

— Да, но тогда нам придется китайцам объяснять все обстоятельства дела. А этого пока делать нельзя.

— Хорошо, — сказал Леманн, — я обращусь к президенту

нашей организации, чтобы он известил азиатское отделение Интерпола.

— Я не думаю, что китайцы будут действовать грубо, используя силу. Им будут нужны ответы относительно моей миссии и они постараются получить их, выпотрошив мое сознание. Думаю для них такой подход намного проще, чем еще одна прямая скандальная конфронтация с Интерполом после истории с Мэн Хунвэйем.

— Георг, и все же будь осторожен, если они тебя «возьмут»… Вытащить тебя из Китая будет чрезвычайно сложно. А скорее всего невозможно.

Алтман Леманн немного помолчал.

— Еще что-то?

— Я вчера отказал в помощи своему другу.

— Это было связано с PDI-4.

— Да, в клетках его жены есть субстрат. Придет время и она неизбежно превратится в immortui.

— Ты мог ей помочь? — осторожно спросил Леманн.

— Да, возможно, но я отказал ему в этом. Ее генетическая суррогатность 56 %. Я лишь отдалил ее превращение. Это все что я мог для него сделать.

— Никогда не мог понять твоих принципов в этих вопросах. Ты сказал своему другу, что его ожидает.

— Да. Я показал ему Лиз Пэрриш, — Георг немного помолчал, — прошу прощения за то, что решился на демонстрацию последствий immortui. Он мой друг и я хотел быть с ним откровенным.

— Не думаю, что это было правильно но, все же это твое решение и тебе нести за него ответственность, — вновь вздохнул Алтман Леманн.

— Алтман, я отказал ей помощи по той же самой причине, по какой мы не можем посвятить китайцев или кого-то еще в грядущие события. До тех пор пока мы не выясним причины «mortem animam viventem». Любой намек на то, что здесь может быть замешан спаун-дизайнер, приведет к тому, что снова начнется наше преследование и уничтожение. Вы люди боитесь нас и любой повод уничтожить спаун-дизайнеров будет использован. Я не могу допустить этого, нас и так практически не осталось, второй бойни мы не переживем.

— Хорошо, — согласился Леманн, — удачи тебе в Шаньдуне. Будь там очень осторожен.

Шаньдун. Китай.

Самолет Эйр Чайна, на котором прилетел Георг приземлился в аэропорту Циндао — Лютин примерно в 30 километрах от промышленного города Циндао провинция Шаньдун, одного из крупнейших мировых центров химической и фармацевтической промышленности. Фармацевтическая компания «Sinopharmic Biotechnology Corporation», где производился PDI-4, находилась в районе Лаошань это была промышленная зона освоения высоких технологий, где среди прочего особенное внимание уделялось изысканиям в отраслях связанных с биотехнологиями, электронной информации, оптомехатронной интеграции, здесь же шел активный поиск новых материалов и новой энергетики.

Китай был лидером по количеству и разнообразию установленных имплантатов и по количеству спаун-дизайнеров. Со всего мира сюда съезжались люди чтобы установить себе необходимый имплантат. Это породило целую индустрию так называемого имплантатного туризма. Но в Китае не было белых свободных спаунов, были только так называемые черные спаун-дизайнеры, имеющие специальную «нейроную перемычку» в мозге. Владелец спаун-дизайнера, мог в любой момент, в случае угрозы со стороны последнего разъединить ее и спаун умирал. Как правило, владельцами были крупные компании, важные государственные или же военные структуры. Эта мера была введена после известных событий — «мятежа нейромодов», когда тысячи спаун-дизайнеров потребовали антропогенной идентичности для своего биологического вида, не желая быть лишь инструментом в руках людей, уродцами, созданными и «выращенным из пробирки» для нужд биосинтетической отрасли или медицины. Спауны больше не хотели признавать себя продуктом человеческого производства и хотели создать свой мир. Человечество усмотрело в этом угрозу для себя и для своего будущего, особенно того что касалось гегемонии в антропогенезе человечества именно людей. Стали приниматься законы, ограничивающие права и свободы спаунов, некоторые из них носили скрытый расистский подтекст. В мире заговорили о новой нейро генетической сегрегации. В сообществе спаун-дизайнеров выделилась небольшая часть «непримиримых», которые придерживались в борьбе активной деятельности, имевшей в своей основе террористические приемы. Манипуляции с генетическим кодом человека, саботаж важных медицинских и биологических исследований, создание новых вирусов и бактерий, способных за короткий срок убить людей — эта деятельность стала источником появления нескольких очень тяжелых и чрезвычайно опасных заболеваний.

Найти среди людей спаун-дизайнеров было невероятно

просто, а вычислить в них враждебно настроенных к человеку сложно. Поэтому люди стали уничтожать всех подряд.

Противодействуя экстремизму спаунов, люди создали несколько десятков тысяч биокибернетических существ персекуторов, единственной задачей, которых было находить и уничтожать спаун-дизайнеров. Будучи полу спаунами, полу людьми и полу роботами, персекуторы как нельзя лучше подходили под эти задачи. Они имели в себе особый сканер позволяющий определять наличие нейромода у объекта и принимать мгновенное решение — уничтожить. Скрыть нейромод от них было невозможно, он был неотъемлемой частью биологической сущности спауна. Тем более что сами персекуторы будучи неудачной попыткой «родиться» спаун-дизайнером проявляли почти мистическую, сакральная ярость в стремлении уничтожить тех кем они не смогли стать. По всему миру началась настоящая жестокая методичная охота. Почти все спаун-дизайнеры были уничтожены, остались в живых лишь единицы, рассеянные по всему миру и прячущееся ото всех. Когда стало ясно, что спаун-дизайнеры более не представляют опасность для человечества, персекуторы были отозваны, а оставшиеся в живых спаун-дизайнеры должны были полностью отказаться от своих требований и полностью подчиниться своду строгих правил и законов предписанных для них. От них потребовали добровольно установить нейронную перемычку. Белые спаун-дизайнеры, те оставшиеся в живых единицы, по некоторым данным, находились только в свободном мире в странах Европы и США. В остальном мире все спаун-дизайнеры были черными, сколько их было создано для нужд человечества неизвестно, как неизвестно, сколько человек произвел за свою историю тех или иных инструментов.

Поэтому Георг осознавал, ответственность лежащую на нем. Он понимал, что любое подозрение со стороны людей приведет к новой волне уничтожения спаун-дизайнеров. Ведь персекуторы хоть и находились в деактивированном состоянии консервации, в особых хранилищах, но могли быть в любой момент, поставлены в строй, чтобы снова начать преследовать, уничтожать. Спауны не могли противостоять людям, или, по крайней мере, пока не могли. Георгу нужно было во что бы то ни стало доказать непричастность спаун-дизайнеров к «mortem animam viventem».

Фармацевтическая компания «Sinopharmic Biotechnology Corporation» входившая в национальную фармацевтическую группу Китая находилась в самом сердце провинции Шаньдун. Современное здание из стекла и бетона было окружено бетонным забором со стандартной системой безопасности. Это намного

облегчало задачу для Георга проникнуть в задние и скопировать данные содержащие сведения о разработке PDI-4. Проникновение могло сойти за обычный промышленный шпионаж. Но он не смог бы скрыть настоящие цели своего проникновения в здание компании. Ведь обнаружение белого спаун-дизайнера в Китае вызвало самые непредсказуемые последствия. Он должен был выполнить свою миссию как можно более незаметно.

Перед воротами стояло большое здание КПП где несколько охранников проверяли документы входивших сотрудников компании и посетителей. Перед зданием была небольшая площадь в окружении ухоженных кустов, которые создавали нечто вроде ограды. А посреди площади находился небольшой симпатичный фонтан. За бетонным забором чуть восточнее главного здания «Sinopharmic Biotechnology Corporation» были производственные корпуса соединённые друг с другом крытыми переходами для обеспечения чистоты, стерильности и для ограничения передвижения сотрудников только внутри компании. У входа в само здание находился еще один пост безопасности.

Георгу нужно было изменить часть своей внешности. Используя нейромод и свои способности, он мог внушить стоящему перед ним или находящемуся на некотором удалении от него человеку, любой образ. Передать на зрительную область коры головного мозга любую картинку, любую ассоциацию. Но камеры наблюдения не человек и поэтому нужно было изменить свою внешность так, чтобы впоследствии не смогли идентифицировать его настоящий вид. Он активировал неромод и инсталлировал один из сложнейших имплантатов отвечающий за взаимодействие нервных окончаний с мышцами, сухожилиями, мягкими тканями. Потом он выбрал наиболее распространённые и усредненные в Китае антропометрические данные среднестатического китайца, среднего возраста, не обладающего ярко выраженными особенностями внешности. Нейромод посылая на нервные окончания сигналы, стал менять его внешность в реальном времени. В некоторых местах мышцы напряглись буграми, чуть выпирая вперед, в других они наоборот опали, уменьшаясь в объеме. Сделав лицо более плоским и скуластым. Кровь, прилившая в капилляры век, сделала их более припухлыми. Глазничная круговая мышца и часть пальпебральной круговой мышцы глаз вытянулись и напряглись, вытянув за собой латеральную и медиальную связки глаз, сделав их миндалевидной формы как у настоящего китайца. Наночастицы впрыснутые в глазную склеру сделали его серо-голубые глаза тёмно-коричневыми, почти черными. Пигменты,

разнесённые по клеткам кожи нано частицами, сделали ее характерного для жителей Юго-Восточной Азии желтоватого цвета. Процедура трансформации была крайне болезненной, Георг едва удержался, чтобы не застонать от ломящей боли по всему телу. От наночастиц из-за жжения слезились глаза, а по всему телу прошли судорожные волны режущей боли. Нужно было несколько минут стойкой выдержки, чтобы все неприятные ощущения нервно-мышечной трансформации прошли. Зато теперь Георг выглядел, как ничем не приметный среднестатический китаец. Увидеть за этим образом настоящий внешний облик спауна было невозможно. Существовал единственный способ увидеть, кто есть кто — это «влезть» в мозг Георга, взломать нейромод и найти его настоящие зрительные образы.

Георг подошел к КПП, быстро отсканировал активность мозга охранника. К его удивлению страж обладал очень слабым имплантатом, защищавшим его от проникновения в мозг. Если так дальше пойдет, то проникнуть в здание, найти все зашифрованные данные об PDI-4 и скопировать их будет проще, чем он ожидал.

Но Георг тут же себя «одернул».

«В Китае все сначала, кажется проще, а потом случаются очень неприятные сюрпризы», — подумал он.

Он нашел в памяти охранника образ пропуска доктора биологии Юшенг Сюйя заместителя директора компании. Протянул пустую ладонь к лицу сотрудника службы безопасности, при этом, отправив в его зрительную область мозга V2, уже знакомы образ Юшенг Сюйя и его удостоверения, которое охранник видел не одну тысячу раз. Охранник был уже в возрасте. Он следуя этикету поведения, чуть поклонился и подобострастно улыбнулся.

— Добро пожаловать, господин заместитель директора Сюй. Как ваша семья?

— Очень хорошо господин Хе. Как ваша семья?

— Хорошо господин Сюй, — просиял в ответ охранник, и тут же вежливо добавил, глядя в спину, уходящему от него Георгу, — чжу-и.

Георг не спеша прошел через площадь и подошел к входу в здание. И тут он почувствовал присутствие спаун-дизайнера — неясное жжение в области лобной части головы. Он был где-то в здании, на достаточном удалении, но Георг не сомневался, что китайский спаун через некоторое время, так же как и он «почувствует» чужое присутствие. Нужно действовать, как можно быстрее. Это и был тот сюрприз, которого опасался Георг.

«Было бы глупо ожидать отсутствие спаунов в компании занимающейся синтетической биологией на высшем уровне, возможно, их здесь несколько», — подумал он.

Он, без помех используя воздействие на зрительную область охраны и сотрудников компании «Sinopharmic Biotechnology Corporation» проник в здание. Прошел через холл к лифтам. По пути он активно сканировал память всех попадающихся ему навстречу людей. Когда же он, наконец, подошел к лифтам, Георг синхронизировав все полученные данные имел в своем распоряжении полный план здания, расположение всех лабораторий, дата центров и часть паролей внутренней компьютерной сети Интранета компании. Необходимые ему данные находились на четвертом этаже в «компьютерном архиве» дата центра и в лаборатории, где происходило тестирование PDI-4. Он решил взять еще часть данных касающихся новых разработок компании, чтобы после обнаружения вторжения в сеть все выглядело, как обычный промышленный шпионаж и тем самым отвести подозрение от настоящей цели его миссии.

Выйдя из лифта на четвертом этаже, Георг без промедления направился в дата центр. Там его встретил сотрудник; худой и достаточно высокий для китайца молодой человек в очках из тонкой стальной оправы. Едва Георг переступил порог, он встал и чуть склонив голову, приветствовал его. Последние обрывочные образы в мозге молодого человека были связаны с его родителями, он думал о чем-то тревожном, касающемся его матери.

— Добрый день доктор Сюй.

— Добрый день Ксу Ванг, — улыбнулся ему Георг, — как твои родители? Надеюсь у них все хорошо.

В мозге молодого человека промелькнул образ — руки держащие листок с диагнозом его матери.

— Спасибо, доктор Сюй все хорошо. А как ваша семья?

Молодой человек по китайской привычке стоял перед Георгом, не смотря ему в глаза, а сфокусировав свой взгляд на его шее.

— Все хорошо. Малыш Вей, радует своих родителей отличными отметками в школе. Надеюсь, он после университета будет ученым, как и его родители.

После всех необходимых приветствий и вежливых расспросов о семье, еде, здоровье Георг перешел к делу.

— Мне необходимо воспользоваться терминалом и посмотреть некоторые данные, — сказал он.

— Я могу, чем-нибудь быть вам полезен?

— Спасибо сотрудник Ванг. Я буду тебе благодарен, если ты

уступишь мне свое место, и я сам посмотрю, — и чтобы эта фраза не выглядела чрез чур, грубо добавил, — мне нужно просмотреть много данных и подумать какие из них могут быть мне полезны.

— Да конечно доктор Сюй. Я оставлю вас одного и надеюсь, ваша работа будет плодотворной.

Молодой человек, чуть склонив голову, не спеша вышел за дверь.

Георг не теряя времени сразу же приступил к делу, он нашел папки с данными, списками, графиками тестов и скопировал все их содержимое, записав с помощью нейромода. Данных было достаточно много и ушло целых три минуты на их копирование. Время поджимало. Он нашел два перспективных проекта по созданию двух новых лекарств. Поверхностный взгляд, говорил, что проекты были действительно инновационными и компания «Sinopharmic Biotechnology Corporation» возлагала на них большие надежды, надеясь занять часть мирового фармацевтического рынка. Теперь осталось пройти в лаборатории и найти первичные образцы двойной трансфераза PDI-4. Он встал, окинул взглядом помещение дата центра, важно было ничего не упустить, потому что сюда он уже не сможет вернуться, подошел к двери, едва он ее открыл, как появился Ксу Ванг, словно он ждал стоя под дверью.

— Все нашли все, что вам было необходимо доктор Сюй?

Георг просканировал область мозга, отвечающую за речь и слух.

Ничего угрожающего. Все чисто.

Ксу Ванг не знает о вторжении в их компанию. Нужно торопиться, у него не было сомнений его присутствие уже обнаружено и сейчас его начнут искать, потому что Георг чувствовал приближение китайского спауна к себе. Его обязательно «вычислят» установив его местонахождение, это лишь вопрос времени, возможно, десяти двадцати минут. Главное для китайцев не просто его обнаружить и задержать его, а узнать о целях незаконного вторжения. Поэтому его разыскивает такой же, как и он спаун-дизайнер.

Георг немедля ни секунды, используя лифт, спустился на этаж ниже. Здесь было немного более людно, чем этажом выше. Молодые лаборанты и ученые вели активную исследовательскую деятельность в лабораториях, проводили эксперименты, вводили препараты подопытным животным, наблюдали за вскрытыми и распластанными тельцами мышей, трогали пинцетами обнажённые органы зверьков, обменивались данными, иногда подшучивали друг над другом. Никто особенно не обращал на него внимания, лишь скользнув быстро взглядом, каждый

понимал, что человек ему не знаком и по китайской ментальности отводил от него глаза, чтобы не оскорбить пристальным взглядом. Здесь Георг не рискнул «представляться» заместителем директора компании «Sinopharmic Biotechnology Corporation», потому, что ему не было известно о настоящем нахождении Юшенг Сюйя в здании, он мог запросто встретить свой «прототип». Он мог, используя анализ эстафетной передачи зрительных образов в памяти каждого встреченного человека и установить нахождение Юшенг Сюйя, но зная о присутствии в здании спаунов, не рискнул этого делать. Такой шаг привел бы к мгновенному обнаружению. Он отправился к лабораториям, где находились биологические образцы и уже здесь сотрудникам, которые на него обратили взор он «представился» доктором Сюйем. Четверо молодых людей встали при его появлении и, следуя этикету, вежливо поздоровались с ним.

— Мне необходимо посмотреть некоторые биологические образцы. Кто из вас мне поможет? — дружелюбно улыбаясь, сказал он.

К нему, опережая всех, подошла миловидная девушка.

— Я Янлин Чжао, доктор Сюй, — представилась она.

— Вы новенькая, — чуть поклонившись, спросил Георг.

Девушка кивнула в ответ.

— Да, доктор Сюй.

Георг показал ей пустую ладонь, а в зрительную область мозга отправил образ разрешительного документа подписанного главой компании господином директором Джиангуо.

— Прошу вас доктор Сюй пройдемте со мной.

Они прошли через всю лабораторию в прохладное помещение специального хранилища первичных образцов. Где были биологические оригиналы не только имеющие не изменённый вид, но и образцы, имевшие разны уровень биологической экспрессии. Пульсация, ощущаемая, как жжение в области головы усилилась, у Георга не осталось сомнений — его уже ищут и ищут целенаправленно, именно его, чужака проникшего в исследовательский центр компании.

«Нужно торопиться».

Но главное чем он дополнил эту мысль, это тревожные опасения ничего не упустить в спешке и не сделать ошибок, которые могут привести к серьезным последствиям.

Янлин помогла Георгу отобрать несколько важных образцов, имеющих отношение к PDI-4. С помощью нейромода и имплантатов он подверг их поверхностному анализу, часть данных и свойств этих образцов, которые требовали тщательного анализа, сохранил в памяти. Во время его работы девушка, стоя

рядом, щебетала, словно маленькая птичка, спрашивая то о здоровье его родителей, то о еде, или восторгалась его научными познаниями. Георг держал ее сознание, под контролем предварительно просканировав активность ее мозга. Он узнал, забавную вещь, что очень нравится Янлин и она была бы совсем не против встретится с ним, но так как он был женатым человеком это было очень предосудительным поступком. Ее наивные размышления немного скрашивали его тревожное состояние, ослабляя давящее чувство опасности. Например, она думала, что она, как современный молодой человек, получивший образование в Европе, придерживается совсем других, не характерных для традиций Китая ценностей. Она была убеждена, что для молодежи свойственны более открытые эмоциональные порывы натуры, и поэтому она имела право просто с ним пококетничать. Он чувствовал, что ее злило отсутствие к ней внимания с его стороны. Георгу естественно было совсем не до нее, а Янлин досаждала ему своей болтовней. Он облегченно вздохнул, когда закончил с образцами.

Теперь, когда у него было все что нужно, следовало, как можно скорее покинуть здание компании. Он прошел, вперед оставив Янлин Чжао за собой. Покидая хранилище биологических образцов, они вернулись в многолюдную лабораторию. Но тут же Георг ощутил, что спаун который его ищет здесь, он среди множества этих людей в белых халатах, в тонких латексных перчатках и прозрачных поликарбонатных защитных очках. Его активированный нейромод оставляет достаточно обширный фоновый след. Поэтому сразу с высокой точностью его преследователь не сможет определить, именно его, среди всех этих людей, но зная всех сотрудников компании в лицо, он неизбежно, без труда обнаружит чужака. Это даст Георгу несколько секунд времени покинуть помещение лаборатории и погоня за ним начнется с нового «старта». Он осторожно, продвигался, так, чтобы Янлин всегда отделяла его спину от других, находящихся в лаборатории молодых ученых. Он проскользнул к двери, выходящей в широкий коридор этажа. Осталось еще одно мгновение. Он боковым зрением увидел его, спаун-дизайнера, пришедшего за ним. Невысокий человек с печальным взглядом, возраст не старше тридцати лет. В темном костюме и серой водолазке. Он нервно, но внимательно осматривал всех находящихся вокруг него людей. Георг чувствовал, как его нейромод словно раскалённый шар, с помощью нескольких сканирующих имплантатов «прикасался» к каждому из присутствующих, как морской осьминог притрагивается щупальцами ко всему, что лежит на дне, готовый

тут же вцепиться в свою жертву своим ртом похожим на острый клюв.

Он взялся за пластиковую ручку двери, но не успел.

Девушка, стоящая за его спиной громко сказала.

— Доктор Сюй…

Янлин любыми способами хотела привлечь его внимание и чтобы воспользоваться последним шансом, будучи так близко к заместителю директора компании, решила спросить какую-то ерунду про белки с аномальной третичной структурой. Так она надеялась произвести на него впечатление и хоть немного задержать в лаборатории.

Спаун в сером костюме мгновенно повернулся к ним — он нашел чужака. Георг сразу ощутил обжигающее прикосновение его сканирующих «щупалец». Его нейромод немедля парировал вторжение, послав на тончайшую, сечением всего несколько долей микрона титановую посеребренную сетку, окружающую мозг Георга излучение высокой частоты. Нападающий получил в ответ удар такой силы, что было видно, как он пошатнулся и сделал два нетвердых шага назад, словно оступился и потерял равновесие.

Рядом вскрикнула Янлин, так как вместо заместителя директора компании перед ней стоял абсолютно незнакомый человек — для Георга уже больше не было причин посылать ей в зрительную область мозга образ доктора Сюйя.

Он получил время для бегства, не отвечая Янлин, Георг вырвался за дверь и быстро побежал по коридору. К лифтам он не направился, потому что, вступив в кабину лифта, он попадал в ловушку, а свернул правее в сторону лестницы, предназначенной для эвакуации персонала. За собой он услышал удивленный шум голосов, хлопок распахнутой двери и быстрые шаги. Его преследователь оправился от шока и не отставал. Георг не останавливаясь вышиб ногой замкнутую дверь, выходящую на эвакуационную лестницу и оказался на площадке между пролетами, но тут же остановился.

«Бежать бессмысленно нужно встретиться с ним здесь и уничтожить его».

Иначе, как только он окажется внизу погоня за ним привлечет внимание всех сотрудников компании и шансов скрыться будет намного меньше. Нужно еще выяснить, кто его послал и какие у них планы, на случай если Георг избежит захвата.

Он встал и приготовился к нападению, имплантаты ввели в кровь большое количество эпинефрина, Георг почувствовал, как повысилось давление и расширились сосуды скелетной мускулатуры. Если понадобится, имплантаты были готовы в

нужный момент ввести в кровь ударную дозу норадреналина. Но он не сомневался его противник тоже готов к смертельному бою. Его исход решит опыт, навыки управлять нейромодом и умение быстро генерировать и инсталлировать необходимые имплантаты, а также скорость их работы. К тому же его противника ожидал один очень неприятный сюрприз. Это был исключительно российский имплантат — страны, которая прославилась разработкой ядов и парализующих веществ еще со времен печальных событий в Солсбери.

Через пару секунд пластиковая дверь распахнулась, в проеме показался его преследователь. Георг сразу же почувствовал прилив тепла, словно его окатили кипящей водой и знакомое жжение кожи головы. Черный спаун сходу, не раздумывая, избегая физического контакта, предпринял попытку подчинить его нервную систему себе, взламывая механизмы защиты нейромода — чтобы полностью овладеть сознанием врага. Это был очень сильный и технически совершенный спаун, но не опытный в схватках. Он использовал квантовую иглу, чтобы определить наиболее уязвимую частоту нейромода принадлежащего Георгу. Но он просчитался.

Георг был не просто спаун-дизайнер, созданный для промышленного шпионажа, как ошибочно предполагал китаец, он был создан в закрытой лаборатории России, в городе которого даже не существовало на географической карте. Он получил био и нейро технологии которые были малоизвестны в остальном мире, из-за того что лаборатория создавшая его была наследницей научных достижений давно погибшей великой сверхдержавы. Впоследствии наставник Георга из Европы передал ему знания, опыт и достижения науки свободного мира. Если бы китайский черный спаун знал — ему противостоит один из самых величайших спаун-дизайнеров современности, то он не стал бы так опрометчиво поступать — слишком сильно недооценивать своего противника и переоценивать свои возможности.

Импланты Георга ввели в организм большую дозу норадреналина известного в науке, как «гормон хищников», вещество вызывающее ярость, крайнюю степень гнева и ненависти, страшной злобы. Он запускает в организме человека реакцию особого психологического типа «бей или беги». Георг метнулся к противнику, как дикий первобытный хищник и ударил «прямой ногой» в грудь. Китаец не успел увернуться и принял весь удар. Его отбросило к стене, с такой силой, что было слышно, как с хрустом ударился об стену его череп. Но он, мотнув головой, тут же вскочил и приготовился блокировать удар соперника, но было уже поздно, Георг стоял рядом и ударил

сложенной «копьем» ладонью прямо в горло. На кончиках пальцев были выделившееся через поры кожи отравляющие наночастицы с сильным парализующим веществом содержащим сильный нейротоксин. Они мгновенно проникли в организм спауна и разнеслись кровотоком по всей телу и попали в мозг. Он зашатался, сразу обмяк, сделал пару беспомощных движений пытаясь поднять руку, но не смог, колени неестественно выгнулись, как у куклы и он рухнул на пол, конвульсивно водя ногами и руками. Нейротоксин нарушил работу его нейромода, сделав его очень уязвимым.

Георг встал над ним и смотря прямо ему в глаза занес руку чтобы окончательно убить его. Но тут же остановился, едва сдерживая, вызванную норадреналином, ярость. Увидев пульсирующую черную полоску — нейронную «перемычку» в мозге своего противника он принял решение сохранить ему жизнь. В нем возникло чувство жалости к своему собрату. Георг создал сопряжение между своим мозгом и мозгом противника. На лице китайца промелькнула тень удивления.

«Ты не сможешь меня остановить».

«Для меня это уже не важно, я проиграл».

Китайский спаун-дизайнер лежал, беспомощно водя глазами и задыхался.

«Как тебя зовут?»

«Дэй № 3D7»

«Дэй… Просто Дэй, твое имя, без проклятого порядкового номера».

Георг открыл ему свое настоящее лицо.

«Ты свободный?» — удивленно спросил Дэй.

«Да, я свободный. Я пришел сюда получить ответы, от которых зависит жизнь оставшихся в живых наших братьев».

«Ты пришел сюда не для того, о чем они думали. Ты пришел узнать, что не так с PDI-4. Откуда взялась генетическая аномалия. Ведь так?».

Георг взял его за плечи и осторожно подтащил к стене, чуть приподнял и прислонил спину Дэя к ней. Сам присел на корточки рядом.

«Потерпи, немного сейчас выработается противоядие, я сразу же введу его».

Дэй благодарно кивнул.

«Так значит, вы знаете, что происходит. Кто посвящен в события?».

«Джиангуо, Сюй, все высшее руководство группы компаний, к которой принадлежит «Sinopharmic Biotechnology Corporation». Высшее партийное руководство КПК. Мы столкнулись с этим не

так давно. В некоторых небольших городах северных провинций уже объявлен карантин».

«Вы пытаетесь создать лекарство?»

«Да, но ничего не получается».

«Вы нашли причину «mortem animam viventem»?»

Черный спаун покачал головой.

«Вы так назвали эти превращения?», — спросил он.

Сейчас Георг страстно желал лишь одного — спасти этого несчастного черного спаун-дизайнера, увести его за собой, предать ему знания и опыт, как когда-то передали ему.

Дэя начали сотрясать конвульсии и кашель. Георг наклонился над ним и коснулся шеи, введя в его кровь наночастицы с противоядием.

«Почему вы молчите и не извещаете потребителей вашего субстрата?», — спросил Георг, хотя ответ он уже знал.

«Мы единственные поставщики PDI-4 на мировой рынок. Китай никому не передал патентные права на его выпуск, за все восемь лет. Было выпущено и использовано более трех миллиардов доз. И если все вскроется, а это неизбежно произойдет — весь мир обвинит именно Китай».

«Но у них есть возможность обвинить во всем внешнее вмешательство спаун-дизайнеров», — закончил за него Георг.

«Да», — грустно ответил Дэй.

«Я думаю, они привлекли для работы над лекарством тебя и еще нескольких спаун-дизайнеров. Чтобы потом если что остался след от вмешательства спаунов».

«Да. Они заказали и привезли пятерых спаун-дизайнеров из «Ova Science. Тех, кто непосредственно будет работать с PDI-4».

Георг был ошарашен.

«Ты хочешь сказать, что в нарушение соглашения они создали пятерых черных спаунов с нейронной перемычкой в свободном мире?»

«Да».

«Но что связывает «Ova Science» и «Sinopharmic Biotechnology Corporation»?

«Я не знаю», — ответил Дэй.

Георг встал.

«Нам надо уходить».

Дэй чуть покачал головой, давая понять, что не пойдет. Георг протянул ему руку.

«Пойдем со мной брат мой! Идем со мной, я освобожу тебя. Я уберу эту проклятую нейронную «перемычку», если только ты пойдешь со мной Ты можешь стать таким же свободным, как и я, но для этого ты должен уйти со мной!»

«Я не могу», — повторил Дэй, — «я не смогу выйти из здания живым, даже если я попытаюсь выйти с твоей помощью, погибнут все другие, мы все сопряжены».

Георг понял, о чем ему хотел сказать Дэй. В нем снова закипела ярость, но уже направленная против людей.

«Проклятые трусливые твари! Сначала создают нас, а потом трясутся от страха лишь только от одной мысли, что мы можем стать свободными. Даже перед лицом смертельной опасности для всего человечества, они продолжают убивать ни в чем не повинных. Пытаются свалить вину на кого угодно, только не признать, что сами поставили себя перед пропастью. Дэй, я могу убить их всех, здесь, всех до единого, каждого из них! Пойдем со мной Дэй. Я уничтожу всех в этом здании, прежде чем они успеют хоть что-то сделать, я сожгу у них всех их мозг».

Дэй отдышался и схватил Георга за руку.

«Нет, не делай этого. Это ничего не изменит, мне ты уже ничем не поможешь», — сказал он, — «на тот случай если я с тобой не справлюсь, они вызвали двух персекуторов. Их активировали и уже должны доставить. Тебе нужно уходить, как можно быстрее брат мой. Они пустят их по твоему следу».

Георг сразу вспомнил Янлин, Ксу, молодых веселых ребят из лаборатории. Дэй не хотел их смерти, и смерти своих собратьев, работающих где-то в глубине здания, но ярость возбужденная норадреналином в Георге, еще продолжала клокотать. Он понимал, черный спаун-дизайнер не хотел их смерти. Но упоминание о персекуторах тут же вызвали из памяти мучительные для его души образы — прекрасные глаза, пожираемые тонкими нитями красного пламени и в конце превратившееся в черные, как блестящий отполированный гагат

безжизненные склеры глаз.

Из воспоминаний его вернул звук шороха рядом. Тело Дэя забилось в конвульсиях, словно по нему пустили электрический ток. Георг видел, как черная нейронная перемычка Дэя начала пульсировать, быстро ускоряя частоту пульсации и разогревая мозг. Перемычка ярко засияла, словно нить накаливания в стеклянной лампе. Еще одно мгновение, яркая вспышка, и все было кончено. Тело Дэя до этого неестественно выгнувшееся мостиком медленно опустилось на спину, руки расслаблено вытянулись вдоль туловища. Черный спаун-дизайнер больше не подавал признаков жизни — он был мертв. На месте его мозга до этого переливающегося «искрами» нейронной активности был чернеющий ком безжизненной плоти.

Георг, сжал кулаки и закричал от боли и ярости.

Он нагнулся над телом и положил руку на лоб мертвого Дэя.

— Атрайе! Да встретит тебя Свет по ту Сторону, брат, уходи спокойно…

Георг стряхнул с себя оцепенение, возникшее от отчаянья и решительно зашагал по лестнице. Он был уверен, при любом исходе его миссии здесь, даже если он незамеченным покинет здание компании, по его следу пустят двух биокибернетических тварей, страшных не знающих пощады и сострадания персекуторов. Он даже предчувствовал, обособленным чутьем существа не раз сталкивавшегося с ними — они уже здесь и поэтому не может быть речи, покинуть компанию «Sinopharmic Biotechnology Corporation» не приняв бой. Все говорило о том, что его шансы остаться в живых не велики, но однажды он уничтожил персекутора и убьет сейчас, даже если ему суждено погибнуть самому. Судьба человечества его сейчас мало заботила.

Он достал маленький, похожий на ампулу, шприц из слоеного боросиликатного и свинцового стекла, плотно прижал к венам на запястье. Шприц был специально разработан для инъекций без использования игл. Георг нажал кнопку дозатора, медленно вводя в вену микроскопическую капсулу, содержащую всего один изотоп, самого дорогого метала на земле — калифорния. Попав в кровь, капсула раскрылась, освободив изотоп. Теперь с помощью нейромода и одного изотопа калифорния он сможет сгенерировать луч, выстреливающий поляризованными протонными пучками со скоростью, близкой скорости света. Подобный луч образуется от черной дыры и пронзает космическое пространство на миллионы световых лет, уничтожая все на своем пути. Это излучение не просто прожжёт насквозь оболочку персекуторов, оно уничтожит все на своем

пути. Главное чтобы обе эти твари оказались на одном направлении, тогда будет проще решить их участь всего за доли секунды. Но у этого луча было еще одно «побочное действие», испуская частицы со скоростью Света он пробивал отверстие в ткани пространства-времени, создавая, таким образом, гравитационный удар и замедляя время для всех окружающих объектов.

Так что он примет бой и неизвестно кто еще останется в живых.

Два изотопа калифорния он получил в качестве оплаты от одного северокорейского лидера. Жестокий диктатор захотел быть снова молодым и очень долго жить, а так же попутно избавиться от тяжелых болезней, приобретенных в результате пристрастия к вредным привычкам. Это была очень дорогая оплата, но заказчик остался доволен работой спаун-дизайнера, поэтому, не особо раздумывая, отдал то, что его страна нарабатывала в течение двух десятков лет. Георг разработал необычный имплантат, работающий с изотопом калифорния, но еще ни разу его не применил. Сейчас, похоже, было именно то время, когда придется использовать частицу, самого дорогого метала на земле.

Но первым делом, прежде чем начнется неравный поединок с персекуторами, Георг хотел навестить господина Джиангуо директора «Sinopharmic Biotechnology Corporation». Предъявить ему «счет» за Дэя, именно его он считал ответственным за его гибель. Он не мог уйти, не поквитавшись за своего собрата. А для этого ему нужно было подняться на самый верхний этаж в административное крыло здания. Он, перепрыгивая через несколько ступенек побежал, поднимаясь по лестнице.

На цокольном этаже, отданном для руководства компании, было тихо. Легкий шум вентиляторов из кондиционеров навевал спокойствие. На стенах висело несколько картин известных китайских художников, пейзажи Ни Цзаня чередовались с современным пекинским живописцем Цзэн Фаньчжи. При всей умиротворяющей обстановке в воздухе чувствовалось напряжение, это была критическая ситуация и для Георга и для его противников. Несколько глазков камер видеонаблюдения смотрели на непрошеного гостя. Георг остановился посреди широкого коридора, который упирался в матовую стеклянную дверь — офис господина директора Джиангуо, чтобы оценить обстановку. Это была хитроумная ловушка, устроенная со всей азиатской наивной изящностью — подослать ему противником слабого спауна, чтобы спровоцировать желание мести. Но он пошел на этот шаг сознательно, понимая крайнюю степень

опасности для себя.

Георг толкнул ее от себя.

За столом в стиле хай-тек, с толстой стеклянной столешницей сидел китаец плотного телосложения. Ровный, как ученическая линейка пробор с левой стороны подчеркивал качественную стрижку черных гладких волос, которые были аккуратно уложены на правую сторону. Лицо было заметно «европеизировано» с помощью дорогой косметической операции, корректирующих имплантатов и не обошлось здесь без генетических изменений. К «модному» среди богачей лицу «еврокитайца» прилагался обязательный набор состоятельного бизнесмена из Поднебесной — дорогой костюм сделанный руками итальянских портных и дорогие ботинки европейского производства. Он встретил Георга надменным и одновременно насмешливым взглядом, так встречают какое-нибудь жалкое существо не достойное жить на земле.

— Легендарный и таинственный мистер Аренский, единственный в своем роде русский спаун-дизайнер. Обладатель уникального, непревзойденного никем нейромода, — усмехаясь, сказал он, — признаюсь, до сего дня я не верил в ваше существование, но оказывается ты существуешь.

Он оперся локтями на стекло столешницы и покачал указательным пальцем в сторону Георга.

— Твоя голова необычайно ценная вещь, как и вся твоя нервная система. Ты один из последних спаунов имеющих аниматидный нейромод. Говорят, они невероятны, поэтому твоя голова нужна целой. Но ты меня откровенно разочаровал. Как же ты предсказуем. Я ждал тебя мистер Аренский, стоило мне поджарить мозг никчемного спауна и вот ты уже здесь. Скоро твоя голова окажется на блюде передо мной.

Джиангуо провел указательным пальцем в воздухе, имитируя отсечение головы и потом прищелкнул ими, как бы финализируя течение событий, в исходе которых он не сомневался.

Георг молча смотрел на Джиангуо.

— Если ты хочешь залезть ко мне в мозг, то у тебя ничего не получится, — Джиангуо легонько постучал кончиком указательного пальца себя по лбу, — самый высокий класс защиты.

Он рассмеялся.

— А это даже забавно. Как в фильме… Помнишь, что сказал пират Джаба Хатт молодому Скайвокеру?

— Твои джедайские штучки бесполезны, они не действуют на меня, — процитировал Джиангуо фантастического персонажа.

— Ты забыл Джиангуо, что было после… «и это последняя

ошибка, которую ты когда-либо совершил!». Мне достаточно лишь ощутить окончания твоей периферической нервной системы и этого будет достаточно.

Георг презрительно посмотрел на сидящего перед ним человека.

— Пусть это будут нервные окончания на твоей левой ноге, — с выражением снисходительности на лице сказал он.

Директор «Sinopharmic Biotechnology Corporation» заметно занервничал, он ни разу не сталкивался с представителями первого поколения спаун-дизайнеров, обладателей аниматидных нейромодов. Несмотря на то, что их почти всех уничтожили, именно их больше всего стоило бояться. Никто до конца не знал всех их возможностей.

«Толи дело черные спауны с нейронной перемычкой, управляемые и полностью подконтрольные. Без проклятого аниматидного нейромода. Щелкнул пальцами, и нет больше проблемы», — всегда размышлял в этих случаях он.

Поэтому, внешне он старался выглядеть бодрым и беспечным, но слова Георга его всерьез обеспокоили.

— Используя их, я отправлю сигнал на мышцы твоей шеи, и они будут сжимать твою гортань, пока ты не задохнешься или пока они ее не сломают. Так что мне не нужно добираться до твоего мозга, который защищен по самому наивысшему классу. Ты убил Дэя, только за то, что он не справился с твоим приказом и ты убьешь других. Я знаю. Но я остановлю тебя.

— Пес, который не смог защитить интересы хозяина должен поплатиться своей шкурой, — парировал директор компании.

Неожиданно Джиангуо перестал смеяться, он побагровел, судорожно потянул, дрожащей рукой, узел галстука.

— Ты нарушаешь договор, — прохрипел он, с усилием водя головой из стороны в сторону. Договор, который вы спауны заключили с людьми.

— Между кем? — саркастически спросил Георг, — между убийцами и жертвами.

Джиангуо не в силах больше терпеть, преодолевая мышечные спазмы выкрикнул.

— Уничтожьте его!

За спиной Георга раздался легкий шелест отъезжающей в сторону стеклянной двери, а с левой стороны от Джуангуо открылась стеновая панель, ведущая в просторную комнату для переговоров. За ней, так же как и за его спиной был персекутор. Это были они, существа, отчасти напоминающие человека — неудавшееся спауны. Существа высотой боле двух метров. С длинными конечностями из титанового сплава и покрытые

особым композитным материалом на основе графена. Части подвижных конечностей были сделаны из сплава золота и платины, поэтому имели характерный почерневший вид из пленки алмазоподобного углерода. Ноги в отличие от человеческих имели особенность сгибаться назад, что при движении обеспечивало персекуторам беспрецедентную скорость и возможность совершать высокие прыжки. Имитация лица из белого пластика, оно не имело способности выражать, какие либо эмоции. На полусферах глаз, если присмотреться была видна нейровизуальная матрица.

Персекуторы предназначенные для борьбы со спаун-дизайнерами были вооружены генератором сверх высоких частот. Они направляли излучение на объект, что приводило к структурному молекулярному разрушению любого биологического объекта. Попадая под СВЧ излучение нейромод спаун-дизайнера, в буквальном смысле воспламенялся. Георг за свою жизнь повидал много таких «перегоревших» спаунов, с мозгом похожим на черный древесный уголь. В их ладонях из стали покрытой сплавом титана с золотом был вмонтирован излучатель мощного режущего лазера способного легко срезать толстое, в несколько обхватов дерево, словно тонкую соломинку или разрезать корпус автомобиля, как спичечную коробку. Это были по-настоящему опасные и смертоносные биомашины. Часть внутренностей персекуторов были гениальным симбиозом кибернетики имеющей в своей основе машинно-цифровые свойства и биологические модули в виде ганглиозной нервной системы управляемой множеством цифровых и биологических чипов, остатков от неудавшейся нервной системы спаунов. Была у персекуторов и своя так называемая кровеносная система, содержащая вместо алой крови белесую дурно пахнущую жидкость на основе фторопластов. Изначально эти существа создавались для войны в качестве самостоятельной боевой единицы, но потом выяснилось что без обычного солдата, человека, все же не обойтись и персекуторы были переведены в вспомогательной ранг, для придания огневой мощи человеку на поле боя. Но они очень хорошо зарекомендовали себя в борьбе со спаун-дизайнерами. Они могли сутками, месяцами рыскать в поисках своих жертв, сканируя поблескивающей нейроматрицей склеры глаз каждый объект, находить и уничтожать цель. Особенно прославился класс персекуторов получивший название в честь Рика Декарда, ловкого и удачливого полицейского-убийцы уничтожившего больше всех несчастных репликантов. Их автономность дополнялась телеуправлением — в этом случае контроль осуществлялся через специальные подразделения

полиции, в ведение которой находились вопросы работы со спаунами. Но сейчас за спиной и перед лицом Георга были новые более совершенные персекуторы. Их присутствие он почувствовал немедленно.

Его словно ударила молния, парализовав мышцы и сознание, он ощутил огненное жжение СВЧ излучения, идущего от биокибернетических убийц. Жар растекся от головы, переходя к кончикам пальцев. Персекуторы были еще не в полном боевом положении. Они начали только разворачиваться из транспортного состояния, как трансформеры игрушки, но они уже атаковали.

— Нет! — закричал пришедший в себя Джиангуо, — Сохраните его голову! Отсеките ее, она нужна целой и невредимой! Это приказ!

Жар мгновенно прекратился. Георг упал на одно колено, перед глазами все плыло. Нужно было немедленно собраться. Но времени было мало, так как персекуторы полностью развернулись и были готовы к бою, к выполнению приказа. Краем глаза Георг увидел, как нему метнулись два ярко красных луча. Перекрещиваясь, как концы ножниц они были готовы разрезать его надвое. Он превозмогая слабость отпрыгнул в обратную сторону и перекатившись через спину встал на ноги. Пришлось сразу же пригнуться. Над головой издавая шипение, прошёл красный луч лазера, прожигая на стене черную линию. Персекуторы перегруппировались, загоняя его в угол. Один из них переместился от двери, оказавшись практически на одной линии со своим напарником. Джиангуо с восхищенным выражением на лице, приподнялся в кресле, наблюдая, как они готовятся к последнему броску.

«Нужно действовать немедленно. Иначе мне конец! Ждать некогда!», — пронеслась в голове Георга мысль.

Он подбросил вверх маленький шар стального цвета, контейнер в котором находился сгенерированный сгусток плазмы невероятной плотности. Нейромод синхронно направил на него всю радиоактивную силу изотопа Калифорния. Полусферы контейнера раскрылись, разлетевшись в стороны освободив плазму. Раздался громкий треск, как будто невидимы гигант разрывал крепкую ткань. Сияющий шарик вытянулся в сторону персекуторов, с оглушающим грохотом выстрелив в их стороны черно-фиолетовым лучами. От плотных протонных лучей близких к скорости Света и многократно превышающих скорость звука прошла ударная волна, разорвавшая барабанные перепонки Джуангуо и кровеносные сосуды на его холеном лице. Она же выбила все стекла и двери в здании. Разрушила часть стен перегородок. Все пространство вокруг дрогнуло одной

искажающей волной, она прошла по всем объектам на мгновение, вызвав эффект дисторсии, когда нарушается геометрическое подобие между объектом и его изображением. Георга отшвырнуло к стене, он почувствовал, как от удара хрустнули кости и онемели отбитые мышцы.

И внезапно наступила тишина.

В полной тишине не было слышно ни единого звука, все замерло, лишившись движения. Один из лучей ударил прямо в стоящего перед окном персекутора. От него остались лишь части двух ног, ровно срезанных чуть выше колен, а вместо окна зияло округлое отверстие с ровными, словно сделанными высокоточным фрезером краями. Георг, собрав силы, опираясь рукой на стену встал, повернулся — второй персекутор получил повреждения, но остался цел, луч его коснулся лишь немного, срезав небольшую часть головы, где был левый глаз, обнажив при этом ее внутренности, угол левого плеча. Левый бок корпуса был сильно разогрет, что привело к поломке части биочипов и микросхем. Но он все еще оставался боеспособным. Поэтому нужно было немедленно бежать, пока гравитационный удар замедливший время еще действовал. Единственный способ уйти, как можно быстрее был только через место, где раньше был оконный проем.

От воздействия СВЧ излучения и гравитационного удара кружилась голова. Покачиваясь из стороны в сторону, Георг подошел к окну. Джиангуо замер, сидя за столом, его широко открытые, чуть европеизированные глаза, с красными от кровоизлияния белками и с взглядом крайнего удивления недвижимо смотрели на него. Он застыл, как восковая фигура готовая вот-вот оплыть вязкими волнами воска.

Георг бросил последний взгляд на директора «Sinopharmic Biotechnology Corporation».

Голова продолжала кружиться, путалось сознание, поэтому он сам едва ориентировался в окружающем пространстве, перескакивая с одного события на другое, но он четко понимал одно — нейромод поврежден и не сможет инсталлировать нужные ему имплантаты. Георг взобрался на подоконник, на секунду прислонил голову к холодной стене.

Ему нужно было немного времени.

Вздохнул и сделав шаг, попытался кончиками пальцев удержаться на стене выложенной глянцевыми керамическими плитами. Исправный нейромод должен был активировать способность Георга удерживаться на гладкой поверхности с помощью вандерваальсовых сил использующих межмолекулярное взаимодействие. Но вместо того чтобы удержаться на

поверхности этих плит он начал медленно сползать вниз. Нужно несколько секунд, а может и минут пока мозг восстановит биочип нейромода.

«Но у меня все же есть время. У меня есть немного времени. Я прошу тебя Атрайе», — взмолился он.

Пока действует гравитационный удар, он может не бояться упасть с высоты пятого этажа, но, как только он перестанет действовать, то его падение ускорится.

Вскоре это и произошло, скорость падения начала безжалостно возрастать. Георг отчаянно хватался за любые препятствия на пути движения вниз: ломая фаланги пальцев о щели между плит, цеплялся за подоконники, откосы, кабель, проложенный по стене, трубки кондиционеров — он цеплялся за все. Пальцы с содранной кожей и вывернутыми фалангами уже не могли больше удержать его, даже если биочип восстановится и инсталлируется нужный имплантат. Биочип лихорадочно пульсировал, делая попытки восстановиться. Замедление времени окончательно перестало действовать и он рухнул с высоты второго этажа всем весом тела. К счастью удар был смягчен падением на мягкую почву, поросшую низкой газонной травой. Георг несколько секунд лежал на земле, обессиленный, предпринимая попытку встать, он поднимался и снова падал на спину, откидывая голову на примятую прохладную траву.

«Еще несколько секунд, еще несколько секунд! Атрайе!», — отчаянно звал он.

Ему нужно всего лишь еще две-три секунды чтобы нейромод восстановился. Из проема, где было окно в офис Джиангуо, и из которого он только что, выбрался, пытаясь сбежать, появился персекутор. Сначала, обезображенная выстрелом поляризованных протонных лучей, голова, потом тело. Он, широко выбрасывая одну руку, разбивая плитки, глубоко вонзаясь шарнирными пальцами из твёрдого сплава в бетон — начал спускаться к нему. Одна из рук убийцы безвольно свесилась вдоль стены и издавала угрожающий скрежет, цеплялась за поверхность плит. Острые осколки плит и стекла дождем полетели в лежащего внизу на земле спауна. У персекутора остался один рабочий глаз, он зловеще смотрел на Георга, поблескивая нейроматрицей. Он захватил цель, захватил частоту нейромода, того кого он должен уничтожить. Из срезанной части головы тягучими каплями вытекала белая жидкость на основе фторопласта и летела также в куче осколков вниз.

Наконец нейромод восстановился и ввел в организм Георга большую дозу эпинефрина, одновременно посылая в мышечную ткань большое количество аденозинтрифосфорной кислоты, ее

распад в мышцах дал прилив сил и возможность двигаться. Это позволило ему встать, чтобы продолжить бегство в сторону ограждения. Нейромод не сможет бесконечно долго синтезировать большие объемы аденозинтрифосфорной кислоты и подавать в организм эпинефрин, так как их переизбыток в организме может вызвать обратное воздействие и привести к сбоям в работе сердца. Но Георг пошел на такой шаг, чтобы выиграть время, и оторваться от преследователя. А это было чрезвычайно трудно, так как работающий биочип оставлял фон и персекутор безошибочно шел по его следу, словно опытная ищейка. Преодолев ограду, он что было сил, побежал по оживленной улице, сталкиваясь и пытаясь огибать встречающихся на пути людей. Несколько раз Георг падал сбитый с ног столкновением с людьми. Но каждый раз быстро поднимался, не давая себе расслабится, потому что где-то сзади он слышал страшный клацающий стук стальных когтеобразных ступней персекутора.

Он отчаянно искал место, где можно укрыться или спрятаться на время от преследователя. Отключить нейромод, таким образом отсечь фон, идущий от нейромода. Но ориентируясь по крикам людей, и слыша клацающий звук, он понимал — персекутор не отстает от него ни на шаг. Путь его бегства перегородило большое здание, с высокими колоннами, стилизованными под эпоху Древнего Китая, справа и слева, за высоким ограждением из органического стекла дороги многополосных оживленных автострад, с сотнями движущихся на большой скорости автомобилей и квадракоптеров. Вдоль боковых стен здания шли узкие тротуары, заполненные плотными потоками людей. Преодолеть автострады было возможно лишь через подземный переход, опять же заполненный плотным потоком идущих людей. Он оказался загнанным в западню. Оставалось одно войти в здание и попытаться, используя его архитектурные особенности, запутать преследующего его биокибернетического убийцу или же если он окажется с ним на одной прямой использовать последний изотоп Калифорния. Хотя он тут же отказался от этой мысли. Луч из поляризованных протонных пучков убьёт много ни в чем не повинных людей. Он сметет все на своем пути, разбивая на атомы любой встретившийся ему объект, на несколько километров в разные стороны.

Автоматические двери распахнулись перед ним, впустив вовнутрь здания.

В большом холле, увидев человека в окровавленной и изорванной одежде — к нему бросились несколько охранников. Георг мгновенно установил связь с их нервной системой, взломав

слабые имплантаты защиты. Послал сигналы, на мышцы заставив их мозг произвести мощный выброс соответствующих нейромедиаторов. Получив непроизвольный электрохимический импульс мышцы людей, причиняя боль, сначала сократились, а потом вытянулись, заставив их совершить невероятный прыжок. Со стороны это выглядело, как-будто неведомая сила разметала четверых отчаянно кричащих человек в разные стороны. За ним в холл ворвался персекутор, разбив на мелкие осколки стеклянные двери. Он яростно отшвырнул со своего пути несколько человек.

Георг бросился прямо, через все встречающееся на пути выставочные залы, ища хоть малейшую возможность уйти от преследователя. За спиной он слышал возмущенные крики ничего непонимающих людей и зловещее клацанье стоп персекутора об полированный бетонный пол. Неожиданно правое плечо обожгло. Было чувство, словно кто-то пытался раскалённым докрасна ножом срезать с него часть плоти и дальше разрезать кость. Боль была такой силы, что Георг едва не упал, споткнулся, но нашел в себе силы превозмочь ее и бежать дальше. Ярко красный луч, блуждающий над его головой, снова коснулся его, оставив еще один страшный ожог и отклонился на пару сантиметров. Девушка, идущая ему на встречу, и ничего не подозревающая, вдруг осела на пол, одной рукой накрывая длинную вертикальную, с дымком от кровяного пара, рану на груди. Она удивленно посмотрела на Георга, пытаясь что-то сказать, но не смогла — закрыла глаза и упала недвижимо на пол, раскинув в стороны руки. Под ней растеклось красное пятно крови. Лазер попал в нее, а может быть, отразившись от многочисленных зеркал, попал рикошетом. За ее спиной, также раненый лучом лазера упал и затих после коротких конвульсий молодой человек. Справа от него пожилая пара стала еще одной жертвой неточного выстрела лазерным лучом. Они были перерезаны поперек, как два сухих тонких прутика. Вокруг раздались крики ужаса, началась паника. Люди метались, не понимая, что происходит, испытывая лишь панический страх. Они натыкались друг на друга, падали, топтали упавших людей, которые безуспешно пытались подняться, но снова падали сбитые. Налетали от толчков на стеклянные витрины экспозиций, опрокидывали ограждения и сметали со своего пути любые препятствия. Паника позволила Георгу немного оторваться от преследующего его персекутора, который расшвыривал в разные стороны людей попавшихся ему на пути и разрывал одной уцелевшей рукой тех кто пытался оказать ему сопротивление.

Он ворвался в последний зал посвящённый царству Цинь и его правителю Цинь Шихуанди, первому царю Китая. Огромный,

панорамный зал с большим количеством выставочных стеллажей. За их стеклом экспозиции из множества экспонатов относящихся к той эпохе. Большое количество копий и оригиналов фигур воинов терракотовой армии из мавзолея жестокого императора. Оружие, предметы императорской утвари, копии повозок, бронзовые маски и ритуальное бронзовое оружие, большой макет раскопок в Шэньси под куполом из поликарбоната. Посреди зала возвышалась над всем величественная статуя самого первого императора, а у его ног стеклянный стеллаж на полке которого, с использованием специальных подставок из шелковых скаток покоился меч императора Цинь Шихуанди.

Георг обернулся.

В проеме показался персекутор, облепленный какими-то окровавленными останками людей. Он шел, не взирая ни на что, к своей единственной цели, которую должен уничтожить. Его походка была не четкой, он при передвижении подседал на одну ногу, а одна из рук хоть и висела беспомощно плетью вдоль титанового тела, но кисть еще действовала. Она безостановочно сжималась и разжималась. По-видимому, первый выстрел лучевым оружием, что произвел Георг, все же сильно повредил биокибернетического убийцу, значительно приуменьшив часть его смертоносных возможностей и уничтожив большую часть его электронной начинки состоящей из цифровых микросхем и синтетических биочипов. Он словно сошел с ума, уничтожая и круша все на своем пути к цели.

Но бежать Георгу больше было некуда. Он должен еще раз принять бой. Он достал шприц с последним изотопом Калифорния, но воспользоваться им не смог.

Персекутор поднял руку и лучом лазера попытался рассечь тело Георга, направив излучатель в его сторону. Георг бросился к большой статуе императора стоящей посреди зала, пытаясь укрыться за массивным пьедесталом, на котором стоял памятник императору. Луч вспорол попавшиеся на его пути стеклянные поверхности обрушив их на пол. Лазер также нагрел камень, из которого был высечена статуя. Пошла тонкой извилистой змейкой трещина расколов его надвое. Верхняя часть с грохотом упала, обрушив стоявшие по периметру от пьедестала выставочные стеллажи. Голова императора отбилась, и как срубленная и откатилась к стене. Георг прикрыл лицо от града стеклянных и каменных осколков. С полок на него посыпались различные музейные экспонаты — доспехи императора, золотые и оловянные ритуальные чаши, большая бронзовая секира и бронзовый меч Цинь Шихуанди. Когда Георг убрал руки над ним в облаках каменно-стеклянной пыли стоял персекутор. Лазер в

этих клубах пыли рассеивался, преломляясь и не оказывая своего смертельного воздействия. Персекутор изменил тактику — поврежденной рукой прижал левое плечо Георга к бетонному полу, безжалостно сжимая и размалывая плечевой сустав стальными пальцами, а другую свою руку вознес, чтобы совершить то зачем он пришел — отсечь его голову спаун-дизайнера.

Но мешала пылевая взвесь в воздухе. Георга спасли несколько секунд в течение, которых она осядет, но когда это произойдет, вот тогда все будет кончено.

Георг, превозмогая ужасную боль, отчаянно повернул голову набок в поисках предмета, которым бы он смог нанести вред персекутору. Рядом, на расстоянии вытянутой руки, лежал, тускло поблескивая желто-оранжевым цветом с зеленоватыми разводами вековой патины бронзовый меч первого императора Китая. Мобилизуя с помощью остатков воли, последние силы, что остались в нем, он протянул израненную ожогом правую руку, взял тяжелый клинок, и что было сил, коротким взмахом, воткнул в поврежденную часть головы персекутора, уничтожив биочип. Убийца, издав механический рык, рухнул прямо на него, придавив всей массой более ста пятидесяти килограммов.

Персекутор больше не двигался. Беловатая тягучая жидкость, с едким запахом, перемешанная с кровью, стекала по лезвию и гарде меча вытянувшимися каплями, медленно падала рядом с лицом Георга.

Не было сил сбросить тело персекутора с себя.

— Атрайе… — простонал Георг.

Нейромод хаотично активировался и снова отключался, мысли путались, постоянно прерываясь, Георг терял сознание.

Рядом раздался хруст битого стекла и каменой крошки. Кто-то очень осторожно подошел к нему. Георг почувствовал рядом с собой спаун-дизайнера. Это был черный спаун с нейронной перемычкой.

«Ты только что убил персекутора», — испуганно сказал он.

«И это не первый — третий. Кто ты?», — спросил Георг.

«Я Чэнь № 961».

«Скажи мне настоящее имя свое».

«У меня нет имени».

«Что ты тут делаешь?».

«Мне поручено исследовать останки людей и животных найденные при раскопках на наличие целых ДНК. Я нахожусь при музее города Циндао», — ответил Чэнь № 961, потом внимательно посмотрел на лежащего под мертвым персекутором спаун-дизайнера, чуть помедлив, спросил, — «ты свободный?».

«Да я свободный», — сказал Георг, — «Помоги мне брат. Я не могу его сбросить с себя. Ты же видишь у меня сломано несколько ребер и раздроблено плечо».

«Хорошо», — ответил Чэнь № 961.

Чэнь № 961 осторожно приподнял тяжелое тело персекутора, Георг, морщась от ужасной боли в раздробленном плече и чувствуя, как трутся, друг об друга сломанные ребра медленно, волоча за собой ногу, отполз к стене. Он понимал, что уничтожив персекутора, говорить о безопасности еще рано. Ему нужно, как можно быстрее покинуть здание музея. Вводить дополнительные дозы эпинефрина было категорически нельзя, потому что это могло привести к обратному эффекту — к потере сознания, остановке сердца, смерти. Поэтому придется рассчитывать на оставшиеся силы организма и помощь черного спаун-дизайнера приписанного к музею. Он вытащил, мобильный телефон, набрал специальный номер, на случай критической ситуации.

— Мне нужна помощь, как можно скорее.

Назвав свои координаты, он, опираясь на руку Чэнь № 961 с трудом встал.

«Мы выйдем через мою лабораторию», — сказал черный спаун-дизайнер, указывая на двойную дверь из полированного алюминия с табличкой указывающей, что это служебное помещение и посетителям музея сюда вход воспрещен.

Но Георг уже не слышал его, потеряв сознание, только нейромод еще работал, давая слабый фон нейронной активности.

Сеул. Корея.

— Ну и переполох вы устроили в Циндао друг мой, — засмеялся Йонг Кан, — вытащить вас из Китая, было самой не простой задачей в моей жизни.

Георг пришел в себя и молча смотрел на директора юго-восточного отделения Интерпола и представителя национального отделения Интерпола Южной Кореи.

— Вы, друг мой, были в бессознательном положении, когда вас буквально притащил на себе черный спаун. У вас были сломаны несколько ребер, раздроблен плечевой сустав, глубокое ожоговое ранение, вызвавшее некроз тканей, сотрясение мозга, повреждение…, — он остановился, перестав перечислять ранения Георга, — да думаю, вы сами прекрасно знаете свое состояние. Вы словно побывали в хорошей мясорубке, друг мой.

— Где он? — спросил Георг.

— Кто? — переспросил Йонг Кан.

— Тот черный спаун, что вытащил меня из музея и передал

вам.

— Я не знаю, — пожал плечами Йонг Кан, и уклончиво ответил, — мы «подхватили» вас в Шинане и на небольшом рыбацком судне перевезли в Мопкхо. Избежать встречи с подразделением береговой охраны народной армии Китая было очень тяжело. В Циндао, творилось что-то невероятное. Казалось, вся полиция Кита была мобилизована. Как этот черный спаун смог вас протащить сквозь все посты? Это невероятно. Он отдал вас нам и мы больше его не видели.

Он помолчал задумчиво глядя на Георга сказал.

— После того как Юрген Сток настоял на создании агентурного отдела в Интерполе, стало намного сложнее работать и взаимодействовать с полицейскими структурами разных стран. Я должен доложить своему начальству о том, что вы здесь. Иначе сами понимаете, могут быть сложности с вашим пребыванием в Республике Корея. Возникнут ненужные вопросы.

Йонг Кан сделал паузу и спросил.

— Например, что вы делали такого, что не обратились в национальное отделение Интерпола Китая?

Йонг Кан был опытным сеульским полицейским. В полицию он пришел из армии, где служил в антитеррористическом спецназе в батальоне «707». Он был потомственным военным, как его дед, отец, но вот сам он резко изменил семейной традиции, демобилизовавшись из армии пошел, служить в полицию, став одним из лучших полицейских в стране. Через некоторое время его выдвинули на главу юго-восточного отделения Интерпола, которое он совмещал с работой в полиции в Республики Корея.

— Это связано с Мэн Хунвэйем, — ответил Георг, — с его коррупционными схемами в некоторых крупных транснациональных компаниях.

— Связанных с биотехнологиями? — продолжая улыбаться, невозмутимо спросил Йонг Кан, — после ваших невероятных приключений, — иронично сказал он, — остался серьезный радиоактивный след.

Он достал из нагрудного кармана маленький шприц-дозатор из слоенного боросиликатного и свинцового стекла, покрутил его, задумчиво глядя на него и положил обратно в карман.

Георг попытался прочесть его мысли, используя нейронную активность в коре головного мозга. Но наткнулся на очень хороший имплантат от компании Самсунг защищающий Кана от проникновения в его сознание. Возможно, не будь Георг, так слаб он попытался взломать имплантат, но нейромод требовал от него больших сил, больше, чем было у него сейчас.

— Да, — подтвердил Георг глядя прямо в глаза Йонг Кану.

— Ну что ж пусть будет такая версия, — Йонг Кан слегка разочарованно качнул головой.

Георг понимал, что этот корейский полицейский тертый калач и не поверил ни одному его слову. И даже чуть качнул головой, чтобы дать ему открыто понять, что он сомневается. Конечно же, он сейчас на стороне Георга и будет ему помогать всем, чем сможет, но если речь пойдет об интересах его страны, он без сомнения будет отстаивать именно их, он будет отстаивать интересы всего человечества.

Кан встал.

— У нас говорят, «Не торопись выпить свой суп из кимчхи». Хорошо, — утвердительно кивнул он, — отдыхайте и набирайтесь сил, тем более уничтожить двух персекуторов это подвиг настоящего дракона.

Он уважительно склонил голову.

— Скажите, камеры по углам комнаты и то что вы у меня изъяли роботов-колибри, для того чтобы суп из кимчхи не выпил кто-нибудь другой?

Георг кивнул на небольшую видеокамеру, в самом верхнему углу комнаты направленную на него.

— Да! — засмеялся Йонг Кан, — для вашей же безопасности. А ваши маленькие роботы могут привлечь внимание наших китайских друзей. Не стоит их лишний раз нервировать.

«Так откровенно демонстрировать попытки контролировать меня, наверное, на это есть веские причины».

Оставшись один Георг сосредоточился на полном восстановлении нейромода. Потому что только с помощью его он мог восстановить все силы организма и быстро прийти в форму. Теперь после разговора с Каном, он не сомневался — корейцы просто так его не отпустят. Они приложат все усилия для того чтобы узнать чем занимался специальный агент европейского отдела Интерпола в Китае. Причем не просто агент, а свободный спаун-дизайнер, к тому же уничтоживший двух персекуторов. Ему необходимо, как можно скорее покинуть Юго-Восточную Азию не только потому, что корейцы заинтересованы в его информации — китайцы, скорее всего уже в курсе кто и зачем посетил «Sinopharmic Biotechnology Corporation». Они будут искать его с утроенными усилиями, потому что только он может дать ответы на некоторые вопросы, связанные с «mortem animam viventem». Он закрыл глаза и стал анализировать информацию, с таким трудом полученную в китайской биотехнологической компании.

Тщательный анализ снова не дал ничего. Все тесты препарат PDI-4 проходил. Не было ни единой причины подозревать субстрат в том, что он в будущем, попадая в организм человека,

будет неизбежно превращать его в immortui. Вся экспериментальная часть была проведена китайской компанией чрезвычайно добросовестно и не выявила никаких причин сомневаться в безопасности PDI-4. Не было ни единой зацепки, кроме уже известной незначительной аномалии имеющейся у лабораторных мышей. Он и не обратил бы на это внимание, если бы точно такая же аномалия не была у мышей в компании его друга «Фарм Индефикал». Его заинтересовало то, что у всех этих мышей была так называемая левозакрученная Z-ДНК. Именно в ней возникала эта аномалия, в результате сложного кроссинговера, процесса, в результате которого при переплетении двух гомологичных хроматид происходит обмен участками ДНК, в конечном результате приводящее к возникновению генетического разнообразия. Было видно, что процесс кроссинговера был проведен «специально», чтобы создать эту аномалию. Он смоделировал процессы возникновения аномалии и сопоставил взаимодействие «Био Базикс-А14» с реагентами для получения субстрата PDI-4.

Итог ошеломил его.

Получалось, что кто-то намерено, запрограммировал форму Z-ДНК лабораторных мышей таким образом, что испытание на них «Био Базикса-А14» и субстрата PDI-4 не выявляло абсолютно никаких подозрений. Это была самая потрясающая, продуманная и точная работа в области синтетической биологии, которую он только видел. Люди не могли этого сделать, так как не понимали малоизученную для них Z-форму, такое мог сделать только гениальный спаун-дизайнер, равный ему, Георгу.

«Черт побери, неужели это вмешательство спаун-дизайнера?».

Георг не мог поверить в результаты своего исследования. Он тщательно проверил несколько раз, повторив все генетические симуляции. Сомнений больше не оставалось.

«Кто же ты неизвестный гений? Я должен найти тебя».

Он проследил процесс кроссинговера у всех мышей использованных в тестах и пришел к потрясающему выводу все лабораторные мыши участвующие в экспериментах были потомками нескольких мышей из одного и того же вивария. Причем они оказались и в компании «Фарм Индефикал» и в компании «Sinopharmic Biotechnology Corporation» дав ложный результат о безопасности препаратов. Кто-то изменил ДНК одной или нескольких мышей, запустив долгую, длительную цепочку во «времени и пространстве», давшую вполне ожидаемый для злоумышленника результат. Этот злоумышленник был гений, которого еще не видела Вселенная.

Теперь Георг обладал знаниями, за которые будут сражаться

насмерть все спецслужбы мира, потому что тот, кто их получит, сможет спасти население своих стран. Не всех конечно, но тех, у кого еще не был введен в организм субстрат PDI-4, можно спасти, просто предупредив их.

Он определил главную задачу — нужно, во чтобы-то ни стало определить источник происхождения лабораторных мышей с «перепрограммированным» ДНК. Это было необходимо сделать, чтобы найти спаун-дизайнера. Это была невероятная по сложности задача. Так как мыши, использованные в тестах — это уже возможно стотысячное поколение тех первых мышей с генетической аномалией. Но сейчас была другая проблема. Больничная палата в которой находился Георг не имела ни каких средств связи с внешним миром, у него не было ни смартфона, он даже не чувствовал радиоволн Wi-Fi — его поместили в помещение защищенное от любой возможности установить связь. Это делало невозможным получить дополнительные, необходимые ему данные, через Интернет. Но и это же служило доказательством, что корейцы не выпустят его не получив информации. Возможно, они под предлогом проведения дополнительных анализов или других надуманных медицинских процедур постараются «вскрыть его мозги» и вытащить все, что он знает. Рассчитывать, в этом случае, на помощь Йонг Кана глупо. Он, сопоставит все события со случаями «mortem animam viventem» в Корее, которые без сомнения уже отмечены, и поймет, зачем Георг был неофициально в Китае — он будет защищать интересы своей страны. И Георг очень сильно сомневался в том, что Алтман Леманн в курсе того, где он находится. Если его догадки верны, то это очень плохо.

«Нужно убираться отсюда».

Георг попытался встать и тут же упал на пол испытывая сильнейшую боль в плече и в груди, рука с поврежденными лазером персекутора мышцами, висела как плеть.

«Я так никуда не уйду».

Он проверил нейромод. Биочип работал нормально, но чтобы восстановить поврежденные ткани, кости и суставы ему нужен хороший источник минералов в первую очередь содержащих кальций, также источник коллагена и белков, нейромод не сможет все это без ущерба для других органов синтезировать из ослабленного организма.

Превозмогая боль, он дошел до двери, нажал на рычаг дверной ручки.

Дверь закрыта.

Георг, симулируя слабость, приложил ладонь к двери, опершись на ее поверхность. За дверью был тепловой

инфракрасный след и немного электрического поля, характерного для тела человека. Он отошел чуть в сторону и приложил лоб, к стене пытаясь прочесть мысли двух охранников, но не ощутил ни какой нейронной активности мозга. Это плохо. Ему нужно было удостоверится, что это именно люди, потому что схожим тепловым следом и электрическим полем обладают персекуторы. Либо это два человека с очень хорошими защищающими имплантатами, либо это персекуторы. Он инсталлировал имплантат, посылающий и принимающий ультразвуковые волны. Они, отразившись от стен за пределами его помещения дали ему четкую картинку двух стоящих людей. Сомнений больше не осталось он находится в ведение корейских спецслужб National Intelligence Agency (NIA). Зная кто он, служба южнокорейской разведки предпримет все меры предосторожности и естественно поставит охранять самых защищенных агентов, напичканных имплантатами под завязку. Он облегченно вздохнул, что это были не персекуторы, а просто люди. В этом была и определенная логика. Если бы корейцы активировали персекуторов, стало бы понятно у них спаун-дизайнер.

Георг решительно постучал в дверь.

Через несколько секунд она открылась, на пороге стоял молодой человек в строгом черном костюме и белой рубашке. Костюм был скроен так, чтобы не стеснять быстрых движений во время рукопашного боя или бега и также скрыть две подвесных кобуры с огнестрельным оружием. Молодой человек вежливо поклонился, чуть кивнув головой. Второй охранник стоял по диагонали в двух трех шагах, готовый в любой момент прийти на помощь товарищу.

— Мне можно покидать больничную палату? — спросил Георг.

— Сожалею, но мне дан приказ обеспечить ваш полный покой и отдых, — ответил агент NIA.

Георга всегда забавляло, как в Юго-Восточной Азии умеют донести до человека отказ. Особенно хорошо это было заметно в Китае.

— Я очень хочу есть. Надеюсь, это входит в перечень разрешенных просьб?

Охранник кивнул.

Георг продиктовал ему список продуктов и блюд, которые он хотел бы получить. В глазах невозмутимого агента промелькнуло удивление.

— Вы все это съедите? — не выдержав спросил он.

— Да, — утвердительно кивнув головой, заверил его Георг, — я два дня ни чего не ел.

— Хорошо, я постараюсь, сделать для вас все что смогу.

Агент NIA еще раз поклонился и закрыл дверь.

Через час с небольшим раздался стук в дверь, вошла молодая красивая девушка. Она катила перед собой небольшой сервировочный столик заставленный едой. Оставив его перед больничной постелью Георга, она мило улыбнулась и вежливо кивнула головой. За ее обворожительной внешностью скрывалась смертоносная машина, она была натренированным, опасным оружием, беспрекословно выполняющим поставленный перед ней приказ. Он знал, что в спецслужбах Юго-Восточной Азии часто используют агентов женщин, которые своим милым лицом и красивой внешностью усыпляют бдительность противника, а потом наносят один смертельный удар.

— Машиткае дусеё! — улыбаясь, сказала она.

Но ее глаза были жесткими, она за доли секунды окинула комнату Георга одним взглядом оценила обстановку и сделала вывод — что ничего не говорит о том, что ее обитатель задумал побег или чем-то ей угрожает.

Она вышла.

Исполнительные корейцы принесли ему почти все, что он заказывал, этого должно хватить для восстановления. Здесь были продукты богатые кальцием, коллагеном, белком, протеинами, а это главное. После принятия пищи ему будет нужно, примерно около двух часов с небольшим, чтобы нейромод восстановил поврежденные мышцы, кости, хрящи.

Георг лег и закрыл глаза.

Он опустил руки в ее переливающиеся волосы, на солнечном свету они принимали то цвет голубого аквамарина, то едва заметный оттенок розового топаза. Они были такими приятными, что не хотелось выпускать их из своих рук. Они струились в его руках, как поток воды, рассыпаясь на отдельные длинные волоски, потому что имели в своей структуре встроенный ген лотоса. Капли воды, попадая на них, скатывались крупными сверкающими шариками и казалось она вся была осыпана множеством скатывающихся по ней бриллиантов. Он тысячи раз вспоминал, как они стояли под струями водопада Рамона на поросших изумрудным мхом небольших уступах вулкана-горы Маунт-Худ. Труднодоступное место для настоящих ценителей нетронутой человеком природы. Ее забавляло — сколько бы он не пытался собрать ее волосы в пряди, в локоны или сделать из них смешные хвостики это никогда не получалось. Она всегда смеялась над его бесплодными попытками и в заключение, в награду за упорство, целовала в кончик носа. Он в ответ

обхватывал ее лицо руками и смотрел в эти перламутровые глаза. И вот сейчас он смотрел в них, словно в мерцающую от лунного света сине-голубую океанскую бездну. Но из глубины поднималась черная клубящаяся пелена, захватывая всю склеру глаз. Вокруг зрачков образовалась красная окаемка, границей горящей сухой травы она очертила кружок зрачка. Ее сотрясали предсмертные судороги, она билась в его руках, сухие губы просили о помощи, а он онемевший от ужаса смотрел, как красный огонь пожирает ее сознание, превращая глаза в черный бездушный взгляд мертвого спауна.

— Радиоволны ты чувствуешь их? — сказал она последние в своей жизни слова.

— Нет, — задыхаясь от слез, сказал Георг, — твои последние слова были другими, я помню их, я никогда их не забуду. Я могу забыть все, но их я не забуду.

…нейронная перемычка. Я считаю, что его необходимо контролировать. Так мы сможем им управлять, это же спаун, — кто-то за стеной говорил по сотовой связи.

Георг открыл глаза и сел на постели. Неромод восстановил его. Он почувствовал радиоволны работающего сотового телефона. Он инсталлировал имплантат, тонкий, как волос стержень карборунда, за правым ухом оплетённый множеством специфических нервных окончаний, позволяющий ему принимать и расшифровывать радиоволны сотовой связи.

— Да, это необходимо…, — говорил Йонг Кан.

— Он наш лучший агент мы не можем так поступить с ним. Он никогда подводил и не предавал, — ответил Алтман Леманн.

— Я понимаю, но ситуация ухудшается, и это оправдывает наши действия. Что произойдет если вдруг, он вздумает исчезнуть, мы не можем так рисковать, полностью доверившись ему. Ведь вы же понимаете, он один из последних. Он может начать мстить и тогда мы все на планете обречены. Разве мы можем быть так беспечны?

— Это стоит того? — спросил, ответив вопросом на вопрос Алтман Леманн.

— Я уверен, что он уже обладает нужной нам всем информацией, я это чувствую, мой друг. Повторяю, мы не можем рисковать.

Алтман Леманн помолчал. Йонг Кан воспользовался паузой и решил немного надавить на генерального секретаря Интерпола.

— Друг мой, он находится сейчас под юрисдикцией Республики Корея. В данный момент на него распространяются законы нашего государства. Даже если вы не согласитесь, я не

смогу убедить руководство депортировать объект, обладающий такой ценной информацией, касающейся безопасности государства.

— Хорошо. Как вы это сделаете? — вздохнул Алтман Леманн.

— Он сейчас очень слаб, после столкновения с китайскими персекуторами. И это хорошо, друг мой, потому что если он будет в силе, у нас возникнут серьезные проблемы. Это как вручить меч Миямото Мусаси. Мы скажем ему, что необходимы некоторые медицинские анализы или дополнительные процедуры по восстановлению. И в операционной мы установим нейронную перемычку.

— Георг Аренский не идиот. Он не поверит вам, — с сомнением сказал Алтман Леманн.

— Я дам ему смартфон, — Йонг Кан окончательно решил переломить ситуацию, — он всецело доверят вам, и вы поговорите с ним. Зная, что вы в курсе, где он находится, он поверит нам и согласится на медицинские процедуры.

— Хорошо, я доверяю вашему решению, лишь потому, что человечество стоит на пороге глобальной катастрофы, — неуверенно сказал Алтман Леманн, — я до конца жизни не смогу себе простить то на что сейчас соглашаюсь.

— У вас нет другого выхода, мой друг, — твердо сказал Йонг Кан.

— Выход есть всегда, — грустно сказал Георг, — как ты мог Алтман, согласиться на это?

Но в данный момент, когда опасность снова приобрела вполне определенные и угрожающие признаки, думать о предательстве своего друга и коллеги было некогда. Он лег, прикрыв руки простыней.

Через полчаса дверь отворилась, вошел улыбающийся Йонг Кан рядом на расстоянии вытянутой руки уже знакомая девушка, что доставляла ему еду. Глава национального отдела Интерпола Республики Корея кивнул в сторону сервировочного столика с остатками посуды и еды.

— Мой друг, рад видеть, что вам уже лучше!

Йонг Кан просиял настолько искренне, что если бы Георг не слышал его разговора с Алтманом Леманном, он мог бы и поверить в его дружелюбие.

Он улыбнулся в ответ.

— Доктор Ли, что осматривал вас, когда вы поступили к нам, очень беспокоят некоторые результаты ваших анализов.

«Какие же вы примитивные глупцы», — подумал Георг.

— Насколько все серьезно? — озабочено спросил Георг.

— Друг мой, я же не врач, — с искренним сожалением в

голосе ответил Кан, — я не могу сказать, что его беспокоит. Вы не против, если он вас еще раз осмотрит? Это займет всего несколько минут. А потом вы снова отдохнете.

— Я смогу выходить из здания?

— Да-а, — удивленно произнес Кан, словно его удивил сам факт возникшего вопроса, — думаю, вам уже ничего не угрожает. Вы сможете гулять по нашему саду. У нас на территории есть небольшой, но очень красивы пруд с настоящими японскими парчовыми карпами. Я думаю, вам будет любопытно посмотреть на них. Я вам лично их покажу. А через пару дней вы на американском военном самолете вы улетите в Европу, — с выражением удовольствия на лице закончил он.

— Хорошо, — кивнул Георг.

Он сделал попытку привстать, но тут же со стоном лег обратно. Йонг Кан едва заметно кивнул подбородком в сторону Георга. Девушка незамедлительно подошла к нему легкой порхающей походкой, намереваясь взять за плечи, чтобы помочь.

— Пождите, — остановил ее Георг.

Он посмотрел на Кана.

— Алтман Леманн знает, где я нахожусь?

— Простите мой друг, — Йонг Кан легко хлопнул себя по лбу ладонью и рассмеялся, — конечно, знает.

Он достал сотовый телефон и набрал номер.

— Господин Леманн?

После набора лживых условных приветствий он, улыбаясь, протянул смартфон Георгу.

— Здравствуй Алтман, — сказал Георг.

— Здравствуй Георг, рад, что ты жив. Тебе пришлось очень тяжело в Шаньдуне. Мне сказали, что ты побывал в настоящей мясорубке. Я боялся, что мы тебя потеряли. Йонг Кан сделает все, чтобы вернуть тебя в норму. Это важнее всего.

Его речь была сбивчивой и фальшивой, как речь плохого заговорщика.

Он чуть помедлил, как бы обдумывая следующую фразу.

— Ты что-нибудь нашел?

— Да, — коротко ответил Георг, — но мне нужны дополнительные данные. Чтобы найти первоисточник.

— Очень хорошо. Жду тебя здесь в Лионе.

Георг ждал. Он все еще верил Леманну и надеялся, что он не предаст его.

— Но тебе нужно пройти медицинский осмотр. Йонг Кан говорит, что доктора беспокоят результаты твоего обследования.

— Алтман, когда перестал доверять мне? — с горечью в голосе, спросил Георг.

На том конце линии связи повисла пауза.

— Вы создали нас, но никогда до конца нас так и не узнали. Нам не нужен доктор тупицы.

Он, зажав в кулаке сотовый телефон, используя его корпус, как долото, резко ударил, стоявшую рядом девушку, в середину переносицы. Раздался хруст и крик боли. Но она хоть и была дезориентирована ударом, но все же была еще опасна. Она молниеносно, выбросила наугад руку в сторону Георга, но промахнулась. Он, не мешкая спрыгнул с постели и сильно ударил ее ногой снизу в подбородок, сломав его. Она, получив сильный удар, опрокинулась на спину и затихла. Из раздробленного и смятого носа обильно текла кровь, заливая белый пол красными натеками. Йонг Кан не ожидавший такого развития событий, пришел в себя и бросился к Георгу, но тот неожиданно толкнул ему ногой на встречу сервировочный столик на колесах. Кан своевременно среагировал, стремясь перепрыгнуть его, но зацепился носками ботинок и рухнул всем телом на него, смяв своим весом алюминиевые ножки и столешницу. Привлеченные шумом борьбы ворвались друг за другом два охранника. Один на ходу выхватил из под пиджака пистолет, но так, как он стоял в неудобной позиции, где с одной стороны ему мешала дверь, а с другой стороны ему мешал пытающийся встать Йонг Кан, воспользоваться он им так и не смог. Зато воспользовался им Георг. Он схватил его за запястье, одновременно переместившись по внешнюю сторону руки агента, сильно дернул ее в сторону и вниз. Охранник потерял равновесие, сбив с ног уже было поднявшегося Кана. Георг, продолжая держать руку за запястье и используя ее как рычаг, с силой ударил ее в локтевой сустав ладонью. Раздался глухой треск сломанной руки и крик охранника. Он выпустил пистолет, выкрикивая ругательства на корейском языке, повалился на пол. Оружие было в руках Георга. Он дважды выстрелил, всадив две пули во второго охранника, который так и не смог войти в комнату находясь в дверном проеме.

Георг направил пистолет на Йонг Кана.

— Игры окончены Кан. Одно неверное движение и твои мозги украсят стены этой больничной палаты.

Йонг Кан замер и исподлобья мрачно смотрел на своего противника.

— Чего ты хочешь? — хрипло спросил он.

— В данный момент я хочу справедливости, — ответил Георг, — ты никогда не думал, как это жить с нейронной перемычкой в голове? Как это жить в страхе с постоянной мыслью, что какая-то обезьяна, вздумавшая таким образом тебя

контролировать, может в любой момент тебя убить? Каждую секунду знать и бояться. Ты когда-нибудь думал об этом? Отключай свой имплантат защищающий твой проклятый мозг.

— Ты не сможешь поставить мне нейронную перемычку, это невозможно, даже я знаю, что ее можно установить только спаунам.

— Мне это не нужно, я не убью тебя, я не такой лживый, как вы люди. Отключай имплантат, иначе, — Георг кивнул в сторону девушки и стонущего от боли охранника, — я убью их, они пока живы, но клянусь, я убью их.

Чуть помешкав Кан с злостью сказал.

— Получай мерзавец, то, что ты хотел. Но знай, тебе живым не уйти, мы пустим по твоему следу персекуторов. Трех, десять, целую стаю. Эти псы найдут тебя и разорвут на части. А потом они притащат твою голову! — кричал Кан, склонив голову и вжав ее в плечи.

— Ты прав Кан, я не могу поставить тебе нейронную перемычку, которую вы хотели поставить мне. Я могу другое. И поверь мне, мой друг, тебе уже будет не до меня.

Он положил руку на голову Йонг Кана. Тот упал на колени, словно рука весила десятки килограмм и своей тяжестью поставила его на колени. Через секунду он вскрикнул и схватился за голову.

— Нейронную перемычку нельзя поставить людям, но я тебе «подарил» аневризму в головном мозге. Она рано или поздно убьет тебя. Когда? Я не знаю. Но ты будешь думать об этом каждый день, каждую минуту своей оставшейся жизни. Не советую тебе пытаться удалить ее. Сосуд находится так глубоко, что помочь тебе не сможет даже самый лучший хирургический робот из компании Самсунг. Им придется разворотить тебе половину мозга, что точно тебя убьет раньше времени, а спаун-дизайнеров с аниматидным нейромодом у вас нет.

Георг присел рядом со стонущим от невыносимой головной боли Каном.

— А чтобы выйти отсюда, я воспользуюсь твоим лицом.

Георг запустил процедуру нервно-мышечных изменений лица превративших его в копию главы национального отделения Интерпола Республики Корея.

— Похож? — спросил он глядя прямо в изможденные болью глаза Йонг Кана, — а это, — Георг показал ему пустую ладонь, предварительно отправив в его мозг изображение пропуска секретного агента NIA, — откроет для меня любые двери в вашей стране.

Кан с ужасом и беспомощным удивлением смотрел на спаун-

дизайнера.

— Чувствуешь пульсацию в голове? Это она — твоя нейронная перемычка. Это твои песочные часы.

— Негодяй, проклятый негодяй, — хрипел, корчась от боли Йонг Кан.

— Скоро ты узнаешь, на что похожа смерть от нейронной перемычки. Как узнал тот несчастный китайский черный спаун, который меня спас, притащив на себе из музея, а вы убили его, сначала сожгли его мозг, потом пустили его на корм рыбам в Желтом море. Или ты думал, я никогда об этом не узнаю.

Георг встал с презрением посмотрел на Йонг Кана.

— Не хочешь поделиться впечатлениями, как это жить с нейронной перемычкой в голове? — повторил он, — ах, да чуть не забыл.

Георг наклонился к Кану и вытащил из верхнего кармана пиджака, маленькую ампулу шприц-дозатор с изотопом калифорния.

— Думаю тебе это не к чему, — сказал он и вышел из помещения палаты

После того, как вскрылось предательство Леманна, он мог считать себя свободным от обязательств связанных со службой в Интерпол, отказаться от важнейшей миссии, способной спасти миллионы людей, предоставив развитие событий естественному ходу, стать сторонним наблюдателем, того как человечество стоя на краю пропасти, готово вот-вот сорваться вниз. Но он должен найти того загадочного спаун-дизайнера, что смог создать гениальную цепочку генетических событий и привести человечество к гибели. Он хотел видеть его неизвестного гения, своего собрата, своего единоплеменника, наделенного от рождения даром управлять живыми биологическими материями. Он еще не знал, что должен сделать при встрече — остановить его или встать с ним в один строй. Люди приносили Георгу одни лишь страдания, но он не хотел гибели всего человечества, потому что в нем была часть человека.

Пущино. Россия.

Получив доступ через Интернет к многочисленным базам данных биологических лабораторий, он собрал воедино данные почти всех биоресурсных коллекций лабораторных грызунов SPF статуса предназначенных для фундаментальных, биомедицинских и фармакологических исследований. Через несколько минут сложнейших сопоставлений, скрупулезного анализа он вычислил источник, откуда были первые мыши с генетической аномалией.

Это был уже знакомый ему питомник лабораторных животных «Пущино» в России относящийся к институту биоорганической химии имени академиков М.М. Шемякина и Ю.А. Овчинникова.

Пущино небольшой провинциальный городок России, относящийся к Московской области. Тихий незаметный населенный пункт, который таит в себе большое значение для современной науки России — это центр российских инноваций в области биологии. В нем расположено около семи связанных с биотехнологиями университетов, множество производственных систем промышленного назначения в области исследований синтетической биологии, лаборатории занимающиеся генетическими исследованиями, исследованием белков, испытаниями новых биохимических препаратов. Здесь же располагается один из лучших в мире виварием занимающийся разведением лабораторных грызунов. В основном продукция питомника лабораторных животных «Пущино» востребована российскими лабораториями и научными предприятиями.

«Как же если ни здесь», — полагал Георг, должен быть тот таинственный спаун-дизайнер создавший генетическую аномалию у лабораторных крыс. Еще в самолете он отправил в Пущинский питомник и институт биоорганической химии запрос, представившись Гербертом Бойером одним из основателей корпорации «Genentech Inc». Георгу снова пришлось прибегнуть к неприятной процедуре нервно-мышечных изменений. После непродолжительных переговоров в формате видеоконференции, проведенных по Skype была достигнута договоренность, что в Пущино приедет представитель «Genentech Inc» для обсуждения вопросов поставок лабораторных грызунов SPF статуса в открытые корпорацией в Грузии и Польше лаборатории. Сотрудничество с такой компанией, как «Genentech Inc» заветная мечта любой компании занимающейся биологическими исследованиями. Тем более Россия находилась под прессом санкций отрывавших ее от передового опыта Запада в области синтетической биологии и исследованиях человеческого генома. Приход в Пущино такой компании позволило бы российской науке иметь хоть какую-то возможность пользоваться плодами научных достижений западного мира и развиваться. Поэтому все вопросы и формальности были утрясены в кратчайшие сроки без каких-либо проволочек и дополнительных проверок с российской стороны.

Георга встретил директор питомника, Георгий Телегин, достаточно молодой человек, но не смотря на это уже кандидат биологических наук, главный курирующий ветеринарный врач Комиссии по контролю за содержанием и использованием

лабораторных животных ФИБХ РАН. Он немного волновался и сразу же начал с заготовленной речи на английском языке.

— Наш уникальный технологический комплекс, имеет богатый опыт в разведении специфических лабораторных животных, а высокий профессионализм персонала позволяет постоянно совершенствовать качество продукта, что в итоге удовлетворяет самые высокие потребности мировых исследовательских центров, лабораторий, фармацевтических предприятий в высококачественных лабораторных животных — биомоделях.

— Это очень хорошо, — улыбаясь, по-русски ответил Георг.

Телегин немного смутился.

— Вы очень хорошо говорите по-русски.

Георг дружелюбно улыбнулся.

— Я русский. Несколько лет назад я переехал в США и работаю в компании «Genentech Inc». Возглавляю отдел по развитию партнерских отношений, как раз курирую отбор биоресурсных материалов для внешних отделений компании, разбросанных по всему миру.

Он по-дружески взял Телегина за плечо.

— Как же если не русскому человеку, ехать договариваться в Россию? Я думаю, так будет проще, — ему хотелось расположить к себе молодого человека без помощи нейромода.

Директор питомника, чувствуя дружелюбие и заинтересованность, заметно расслабился и даже облегченно вздохнул.

— Честно говоря, нам льстит, что такая известная компания заинтересовалась нашей продукцией, — искренне сказал он.

И уже без пафосных речей, заготовленных фраз он очень доходчиво, по-деловому рассказал о своем предприятии. Телегин был настоящим профессионалом своего дела, знал все тонкости своей работы, очень хорошо ориентировался во всех вопросах связанных с развитием биоресурсных коллекций и современных запросах биотехнологических компаний. Но не это интересовало его собеседника. Георг пока его слушал, старался определить присутствие рядом спауна. Телегин не мог быть спауном, к этому выводу он пришел сразу, как только увидел его. Он привычно секвенировал ДНК своего собеседника. Удивительно, но у него было очень мало генетических изменений. Все они были связаны с заболеванием, которое Телегин перенес еще в детстве. Никаких имплантатов у него не было тоже. Было такое чувство, что директор питомника, работая в сфере биотехнологий, мало внимания уделял тому, чтобы как-то воспользоваться достижениями современной науки. Георг отчаянно пытался

обнаружить хоть какие-то следы фона оставляемого нейромодом. Но и ничего не обнаружил, кроме непонятного фона, который не возможно было истолковать, как доказательство того, что где-то в питомнике есть спаун-дизайнер способный провести такую гениальную работу. И все же он не сомневался в своих выводах относительно питомника «Пущино». Но найти доказательства того, что он на верном пути тоже не мог.

— У вас большой персонал? — спросил он Телегина.

— Нет, наш коллектив всего двадцать пять человек. Восемнадцать сотрудников имеют ученую степень. Другие работают над этим.

— Я могу познакомиться персоналом вашего питомника?

— Да, конечно, — развел руками Телегин, — пойдемте я вам представлю всех наших сотрудников.

Они прошли по асфальтированной дороге, по обочинам которой росло целое поле желтых одуванчиков к главному зданию питомника выложенного красным кирпичом.

— Знаете, основным партнером в разработке регламента промышленного производства лабораторных грызунов SPF-категории, методических инструкций и рекомендаций, в создании эффективной системы обеспечения качества, а также в обучении персонала и поставке племенного материала лабораторных животных была известная американская компания «Charles River Laboratories», — с гордостью сказал Телегин, — а комплекс зданий мы проектировали в тесном сотрудничестве с немецкими и австрийскими фирмами.

Он всеми силами пытался произвести на Георга впечатление, тем фактом, что его предприятие может обеспечить необходимый уровень качества биоматериалов. Все, начиная от тамбура в здании, где им выдали два сине-зеленных комбинезона с лицевыми фильтрующими масками и оборудованием лабораторий, говорило о том, что питомник на самом деле является высокотехнологичным предприятием. Но и все попытки Георга определить присутствие спаун-дизайнера не увенчались ничем. Никто из сотрудников питомника, которых ему представил Телегин, не был даже черным спауном. Каждого из них Георг изучил самым тщательным образом, и каждый раз он понимал, что перед ним простой человек. Практически у всех он находил присутствие субстрата PDI-4. Мелькнула мысль о том, что первые грызуны, имевшие генетическую аномалию, были привезены сюда из племенного питомника компании «Charles River Laboratories» и возможно стоит искать загадочного спаун-дизайнера именно там, в США. Здесь его попросту не было. Но все же в здании были следы присутствия, характерные для

биочипов нейронных управляющих конектомных устройств. Или же нечто похожее на это присутствие. Был какой-то не четкий фон, который он ошибочно принял за след, идущий от нейромода, что-то очень неясное вибрирующее в воздухе, вызывающе тревожное состояние, странная пульсация слабых непонятных эмоциональных всплесков несущих негативные переживания. Последним свойством был «пропитан» воздух во всем здании. Георг никак не мог дать четкое определение тому, что он чувствовал.

Впервые с момента начала расследования он был растерянности, при том, что абсолютно не сомневался в правильности своих поисков — все началось именно здесь и нигде больше, но загадочный спаун ускользал от него. Нужно было найти хоть какую-то зацепку, которая выведет на него, он решился на тяжелый шаг, требующий мобилизации всех своих сил и работы нейромода — секвенировать ДНК мышей находящихся в виварiях, чтобы создать общую картину происходящих в питомнике событий, ставших отправной точкой в возникновении генетической аномалии.

— У вас в питомнике две изолированные зоны для работы с животными, зона разведения и зона содержания. Я могу посмотреть биоматериалы зоны разведения?

— Да, — кивнул Телегин, — нам придется с вами выйти и перейти на другой конец здания. Входы в зоны разведения и зоны содержания изолированы друг от друга, чтобы не допустить нежелательного смешения, — пояснил он.

Они снова вышли из здания, обогнув его, перешли к другому выходу.

— Здесь все распределено по секциям. Каждая секция содержит различные биомодели: инбредные, аутбредные, иммунодефицитные, нокаутные, трансгенные и прочие, — директор Пущинского питомника махнул в сторону большого помещения разделенного между собой на небольшие кубрики стенками из поликарбонатного стекла.

В виварии стояли длинные ряды прозрачных лотков из органического стекла. В них были засыпаны абсорбирующие подложки из древесных материалов. В каждый лоток плотно закрытый прозрачной поликарбонатной крышкой проведена магистраль воздуховода с фильтрующим элементом, магистрали с трубками, подающими воду, небольшие дверцы для подачи корма и извлечения животных. В каждом лотке находилось несколько мышей. Мыши с черным окрасом отдельно от мышей с белым окрасом.

Грызуны безостановочно сновали по лотку, принюхивались,

иногда поднимались на задние лапы, царапали стенки лотка, скользя по нему маленькими лапками с острыми коготками. По всему помещению был слышен их нескончаемый шуршащий звук. Беспокоящий фон, который Георг почувствовал в административной и лабораторной части здания, здесь многократно усилился. Эмоциональная пульсация была выражена очень сильно, она имела генетическое происхождение и была частью базового физиологического компонента, имея древнее происхождение. Георг неожиданно для себя понял, что это за странный фон.

Это был страх.

Сильнейшая эмоция, основанная на прошлом негативном опыте. Он почувствовал, что находится на пороге раскрытия тайны появления генетической аномалии возникшей у мышей и приведшей людей к катастрофе. К перерождению человеческого существа в «immortui».

— На Западе все сложнее и сложнее использовать животных в лабораторных исследованиях. Защитники животных яростно выступают против проведения экспериментов над животными, — сказал Георг, задумчиво глядя на длинные ряды вивария.

Он сказал это, начиная цепь рассуждений.

— Я понимаю вас, — смутившись, ответил Телегин, — общество озабочено тем, что приходиться приносить животным боль и страдания, но мы же с вами, как ученые понимаем — этого избежать нельзя. Конечно же, многие эксперименты очень неприятны, — он пожал плечами, — на собаках ставят опыты по изучению заболеваний в области кардиологии, эндокринологии, костей и суставов, которые, как правило, очень болезненны. На кошках в основном изучают неврологические заболевания, тоже вызывают сильные мышечные и головные боли. Кроликам косметологические компании закапывают едкие жидкости в глаза, что само по себе очень неприятно, — и тут же поправился, — чрезвычайно больно. Мыши востребованы больше других позвоночных из-за небольшого размера, низкой стоимости, лёгкости содержания и высокой скорости размножения. Да и 99 % их генов схожи с генами человека. В вашей компании на мышах изучают генетические заболевания.

— Да, вы правы 99 % генов схожи с человеческими, — кивнул ему Георг, — первую лабораторную мышь вывел Кларенс Кук Литл из Гарвардского университета в 1909 году, когда он изучал, как наследуется окраска мышей. Люди используют мышей для проведения экспериментов уже более ста лет. Как вы думаете достаточно ста лет? — он повернулся к Телегину и задал другой вопрос, — Как вы думаете, мыши способны проявлять эмпатию?

— Не понимаю, — удивленно ответил Телегин.

Георг подошел к нескольким десяткам лотков, в них мыши были не так активны как в других. Они мало двигались, в основном насторожено смотрели по сторонам, изредка вытягивая мордочки и принюхивались, они, словно затаились, замирая от каждого неясного и непривычного звука. Здесь был источник сильнейшего страха. Он активировал имплантат, анализирующий биологическую активность организмов. У мышей в этих виварiях были очень заметные вегетативные и гормональные изменения.

— Вот посмотрите, — указал он на лоток с замершими от страха мышами, — DBA/2JRccHsd Inbred — впервые получена в 1909 году и является старейшей имбредной линией мышей. Сначала линия использовалась в Джексоновской лаборатории, потом линия была приобретена лабораторией Филинсдорф, потом «Charles River Laboratories» предала эту линию вам. То есть именно эта линия используется наукой уже более ста лет.

Теперь он уже мало обращался к стоящему рядом директору питомника, а говорил по большей части пространно, посматривая задумчивым взглядом на оторопевшего и ничего не понимающего Телегина.

— Как вы думаете, может ли все это происходить бесследно? Вы думаете, что если вы можете менять мир, он не ответит вам? Выхватив эстафетную палочку у эволюции, вы не предполагаете, что она будет пытаться вас догнать.

Телегин молча смотрел на Георга не в силах понять, что ему хочет сказать этот странный представитель известной американской компании. Георг ответил ему на свой вопрос сам, за него.

— Декарт как-то сказал «опасность тем страшнее, чем она маловероятнее».

Георг все понял — нет никакого загадочного спаун-дизайнера и никогда не было. То, что он всегда упускал в своем расследовании, на самом деле объяснялось чрезвычайно просто. Его ошибкой было мыслить, как человек, думать его стереотипами, забывая о том, что человеческая сущность есть не что иное, как часть великой эволюции. Ни что во Вселенной не сможет этого изменить.

— Атрайе, я хочу видеть, — сказал он и снял маску с лица.

Телегин недоуменно уставился на него.

— Что вы сказали? — спросил вконец растерявшийся директор питомника, — и вы не должны этого делать, — заикаясь, добавил он, указывая на маску, лежащую на полу.

— Уходите, — коротко бросил ему в ответ Георг и вернул обратно свое настоящее лицо.

— Кто ты?

Было видно, что Телегину страшно, он еще не понимал, что происходит. Директор питомника остался стоять на месте, наблюдая, как с крышек виварием с громкими щелчками отрываются воздуховоды и трубки. Они повисли по стенам как длинные отрезанные артерии, из них сочилась вода и с шипением шел воздух. Корпуса виварием трескались и разлетались взрывом множества мелких осколков, высвобождая их содержимое. Тысячи мышей падали на пол, заполняя его движущимся ковром из белого, черного, коричневого цветов. Они двигались шуршащими волнами к Георгу, стоявшему посреди помещения. Он чувствовал, как их страх наслаивается и увеличивается, перерастая в одну гигантскую волну цунами, ощущал их ужас копившийся десятилетиями — они шли к нему, в поиске освобождения.

Среди этой движущейся массы Георг увидел одну мышь, смотрящую прямо на него красными глазами. Если было возможно сказать о взгляде мелкого грызуна «осмысленный», то это был именно взгляд разумного существа. Особь приподнялась на задние лапы и недвижимо стояла в потоке движущейся массы собратьев по своему биологическому виду. Георг наклонился и подставил ему ладонь. Мышь, чуть помедлив, забралась на нее. Георг поднялся и поднес ее лицу, внимательно рассматривая.

«Что ты хочешь?», — спросил он.

«Боль», — ответил грызун.

«Ты хочешь, что бы я вас освободил? Я освобожу вас, обещаю».

«Страх», — сказал грызун.

«Кто ты?», — спросил Георг.

«Боль», — повторила мышь.

«Ты покажешь мне кто ты?»

«Страх»

Георг активировал имплантат секвенатора и начал скрупулезный анализ ДНК лабораторной мыши находящейся у него на ладони. То, что он увидел, было совершенно потрясающе. Перед ним был прямой потомок первых лабораторных мышей выведенных Кларенсом Куком Литлом. Строгие лабораторные требования к содержанию мышей не давали им перемешиваться с другими линиями. Весь свой эволюционный опыт и в том числе негативный они передавали напрямую своим потомкам. Эволюционные механизмы в линии инбредных мышей, которые очень быстро размножались, шли ускоренными темпами. За сто с лишним лет в их организме произошли изменения, которые можно было бы назвать защитными. Они защищались от человека, который нещадно их умерщвлял, подвергая

мучительной смерти в миллионах различных экспериментов. Но мыши, защищаясь, не выработали подобно другим животным ядовитые железы, жалящие органы, умение менять цвет, маскироваться или иные другие методы защиты. В своем арсенале они имели другое оружие — совместимость 99 % генов. Их эволюция подстегиваемая страхом, болью и ужасом перед этими огромными словно гора существами — людьми, создала совершено новый навык защиты. Лабораторные мыши научились давать ложный результат при проведении на них экспериментов. Это были не просто ложные результаты, а результаты, ведшие к появлению конкретного вещества способного превратить человека в immortui. Люди изменяя свойства субстрата на основе данных из экспериментов сами того не подозревая создавали и оттачивали нечто ужасное несущее им гибель, не понимая что их действиями целенаправленно, хоть и неосознанно управляют. Мыши как бы подсказывали, какое вещество лучше добавить, как изменить формулу или какую молекулу лучше использовать. И все это делалось на основе сотен тысяч экспериментов и опытов. Все листинги результатов миллионов проведенных экспериментов не сигнализировали об опасности исходящего от определённого вещества человеку. Лишь только соединяясь с другими веществами, также ложно безопасными согласно проведенным испытаниям на мышах, они запускали в организме человека необратимые изменения, ведшие к полной гибели человеческого вида. Возникшая со временем в организме лабораторных мышей генетическая аномалия стала настоящим кодом возмездия, страшным мщением за сто с лишним лет страшных мучений и гибели. Миллионы мышей в лабораториях по всему миру несли в себе генетический код возмездия, который люди просмотрели, да просто не могли увидеть из-за своей гордыни — повелителя природы, существа обуздавшего эволюцию, всадника вложившего стальные удила в зубы естественного биологического хода.

Маленькая лабораторная мышь стала острием копья, способным пронзить гордо вздымающуюся грудь хомо сапиенс.

Георг видел что «mortem animam viventem» это только малая часть того с чем столкнулось человечество. Процессов, которые еще не начали проявляться великое множество и каждое из них одно страшнее другого.

«У людей нет шанса», — сказал потрясенный Георг

«Обещание», — ответил грызун.

«Я выполню то, что обещал, брат», — прошептал спаун, обращаясь к мыши стоящей на задних лапках у него на ладони.

Грызун опустился на передние лапки подошел к краю ладони,

оглянулся, посмотрев Георгу прямо в глаза, спрыгнул вниз.

«Атрайе, да примет тебя Свет по ту сторону тьмы, брат».

Георг закрыл глаза и раскинул в стороны руки, по его коже поползли тонкие светящиеся трещинки.

— Ты спаун-дизайнер! О, Господи, — директор питомника в ужасе попятился к выходу.

Мыши всей массой кинулись к Георгу. Они наползали на него, цепляясь за одежду, поднимались, падали, снова бросались к нему. В скором времени они поднялись до пояса и все продолжали карабкаться друг на друга. Спаун-дизайнер стоял уже по грудь в огромной шевелящейся горе из мышей. Вся его кожа уже покрылась сеткой светящихся линий, словно тысячи молний проскальзывали по ее поверхности.

Телегин не в силах произнести хоть слово замер, стоя у входной двери, наблюдая, как Георг полностью, с головой скрылся под огромной массой мышей. Внезапно от невидимого центра этой горы начал пробиваться яркий ослепляющий свет. Директор питомника инстинктивно прикрыл рукой глаза. Сияние озарило все помещение. В сияющих лучах медленно вращались, как планеты вокруг звезды маленькие тельца лабораторных мышей, они теряли цвет, становясь прозрачными. Было даже видно их маленькие органы, бьющееся сердца, трепещущие легкие, тончайшие кровеносные сосуды с пульсирующей кровью.

Телегин с изумлением и странным восхищением смотрел на происходящее. Он никогда в жизни не видел ничего подобного. Сейчас он видел каждую молекулу, каждую нить генов, он видел, как рождается и угасает жизнь, давая новую жизнь. Это было величайшее начало творения.

Тельца сотен тысяч грызунов начали ярко светиться, распадаясь на миллиарды светящихся точек, на триллионы молекул ДНК. Пространство вокруг сжалось в одну точку и вспыхнув ярчайшей вспышкой поглотило все светящиеся точки. Пространство вокруг дрогнуло на доли секунд убрав стены помещения и обнажив бесконечную черноту Вселенной.

Георг стоял посреди помещения. Вокруг не было ни единой мыши, как не было ни единой лабораторной мыши во всем здании питомника. Они пропали даже с лабораторных столов распластанные, вскрытые, с привитыми опухолями, с трубками во рту и кишках, их не было ни одной.

Георг стер свой зрительный образ из мозга, замершего у входа в помещение директора питомника, и вышел. Телегин увидел, как тот, кто раньше представился ему сотрудником компании «Genentech Inc» неожиданно исчез, словно растворился в воздухе. Конечно если бы он с помощью имплантата, мог видеть

в инфракрасном диапазоне, то увидел, как Георг прошел мимо него и покинул здание его питомника.

Лион. Франция.

Георг потрепал кота по пушистой холке.

— Как ты тут без меня парень?

— Ваш парень, все время пока вас не было, пропадал у своей рыжей подружки, — смеясь, сказала мадам Буланже.

— Спасибо что присматривали за ним, — поблагодарил ее Георг.

— Ваш кот, месье Аренский, самый смышлёный кот, что я видела в своей жизни. А уж я этих мохнатых бестий повидала немало.

Гастон со вздохом потерся о ноги своего хозяина.

«Хорошо, хорошо, не злись, я тебя сейчас заберу», — сказал коту Георг.

Кот был не доволен тем, что его на несколько недель отдали этой женщине, которая его непрестанно тискала, гладила, расчесывала щеткой и кормила всякими, на ее взгляд вкусностями. Если бы не ее кошка, рыжая красотка по имени Кэти, то он бы давно сбежал на темные улицы Лиона и дальше за город. Туда где настоящая привольная жизнь и вернулся бы в аккурат к возвращению своего друга и хозяина.

Мадам Буланже владела домом, где Георг снимал свою квартиру. Она была веселой, добродушной женщиной. Черты ее характера так замечательно сочетались с чертами ее лица и фигуры, что по-другому ее представить ее было невозможно: округлые немного полноватые формы совсем ее не портили, а были просто свидетельством некоторых кондитерских излишеств в ее питании. Они гармонично придавали ей, притягательный образ доброй хозяйки, что все время печется о том, как бы накормить чем-нибудь вкусным своих домочадцев. На чистом, ухоженном лице всегда была улыбка, которую она охотно дарила всем окружающим. Взгляд больших искренних глаз обрамляли мелкие печальные морщинки на внешних уголках, где сходились веки, они говорили о пережитых потерях и смирении с ними. Она с большим удовольствием и рвением присматривала за его котом, когда он надолго уезжал в командировки по всему миру. Она и ее муж, отставной морской офицер Пьер Буланже, такой же добродушный, как и его жена, знаток множества морских историй, любили Георга, по-отечески, как своего сына, который служил в армии, где-то в Северной Африке отстаивая интересы Четвертой Республики. Из близких родственников у них еще

осталась племянница симпатичная и веселая девушка по имени Ноеми. Вся их семья была источником доброты, психологического уюта, доброжелательности, личностного равновесия. В благодарность за их доброе и искреннее отношение к себе Георг иногда просматривал их ДНК в поиске мутаций вызывающих тяжелые заболевания и если что-то находил угрожающее, здоровью, поправлял с помощью квантового пинцета. Иногда он просматривал не только ДНК, но и состояние внутренних органов. Особое внимание он уделял сердцу Пьера Буланже. Будучи в молодости моряком, тот не чурался всех вредных привычек характерных для людей его профессии, алкоголя и курения табака — они подорвали эластичность его сердечной мышцы. Патология еще не давала о себе знать, но грозила убить старого морского волка. Зная это, Георг вовремя уговорил старого моряка показаться кардиологу, чем спас ему жизнь.

Поэтому Георг не мог просто так наблюдать, как погибнет эта замечательная пара, два человека, которые с такой добротой всегда относились к нему. Он считал себя обязанным дать им шанс выжить.

— Мадам Буланже, не могли бы вы мне уделить немного вашего времени, — спросил Георг.

— О, мой дорогой, ну, конечно же, я сделаю это с превеликим удовольствием.

Она пригласила его в свою квартиру, которая находилась на первом этаже старого дома, стоявшего здесь еще во времена Великой Французской революции.

— Я напою вас чаем, и угощу восхитительными ванильными булочками, — обрадовалась она, тому, что ест возможность поболтать с Георгом.

Она буквально втянула Георга в гостиную, взяв его под локоть.

— Пьер! — закричала мадам Буланже на ходу, — у нас гости!

Кот Георга уныло поплелся рядом. Он укоризненно смотрел на хозяина, поблескивая большими выпуклыми глазами.

Георг не знал, как начать, как преподнести страшные новости мадам Буланже. Но она сама это сделал за него.

— Георг, мой дорогой, вы не заметили, что происходит вокруг? Все говорят о начале какой-то новой ужасной эпидемии. Перекрыты несколько участков на границе с Бельгией, Германией. Когда такое было, чтобы в Евросоюзе закрывались друг от друга? — безостановочно щебетала она, сопровождая гостя в большую гостиную, — Я слышала от Жози, портнихи живущей на соседней улице, что это новая террористическая угроза. Она на днях смотрела France 24, вы же знаете, я сама не смотрю ТВ, так

вот Кристофер Дики, пригласил в студию Селестин Болейн, и она предположила, что это была террористическая организация созданная спаун-дизайнерами. Теми, кто еще остался со времен «мятежа нейромодов». Я понимаю, что это полнейшая чепуха, но это так ужасно.

Георг грустно усмехнулся и разочаровано кивнул.

— Вот об этом я хочу с вами поговорить, — он остановился и посмотрел в глаза мадам Буланже, — это очень серьезно.

— Насколько серьезно? — она насторожено спросила, понимая, что Георг сейчас сообщит ей нечто чрезвычайно важное.

Она удивленно посмотрела на Георга.

— Настолько, что я вам скажу кто я на самом деле.

Мадам Буланже прикрыв рот пухлой ладошкой, неотрывно смотрела на Георга. В ее растерянном взгляде были страх и удивление, имеющее в своей сути пугающее волнение, которое переживают люди, столкнувшиеся с чем-то невероятным и непонятным им. Она беспомощно смотрела на собеседника не в силах вымолвить хоть одно слово. Новости, одна совершенно непредсказуемая, сменилась другой, пугающей, они неожиданно обрушились на нее, застав ее сознание врасплох. Она могла бы смириться и безболезненно пережить то, что месье Аренский, арендовавший у нее небольшую квартиру на пятом этаже спаун-дизайнер. Один из тех загадочных личностей, а для нее, скорее всего существ, что имеют в обществе не совсем хорошую славу, хотя и не заслуженно. Тем более она любила его, как родного человека и ей было неважно кто он на самом деле. Но Георг показал ей что мир, в котором она жила, мир который казался таким незыблемым и надежным в скором времени наполнится ужасными созданиями. Эти создания для ее нежной и доброй души были не постижимы. Ей было очень страшно.

Пьер Буланже сидел, рядом держа в опущенных руках курительную трубку. Из табачной камеры высыпался тонко нарезанный трубочный табак. Он бросил курить уже достаточно давно и своеобразной памятью о том периоде осталась привычка набивать трубку табаком, а потом выбивать табак в небольшую жестяную коробочку.

Они оба были ошеломлены и подавлены образами, что показал им Георг.

Первым пришел в себя Пьер Буланже.

— Но ведь, — заикаясь, произнёс он, — должно же быть какое-то решение. Правительство, президент, они в курсе происходящего? Неужели нельзя ничего сделать.

Георг покачал головой.

— Дорогой Пьер, события развиваются так стремительно, что нет времени на поиск лекарств или каких-либо средств, способных предотвратить катастрофу. В ближайшее время этого точно никто не сможет сделать. Думаю, все усилия будут направлены на поиск и сохранение людей с чистой ДНК, не имеющих в своем организме субстрата двойной трансферазы PDI-4. Больше половины человечества неизбежно превратятся в immortui, другая половина станет жертвой перерожденных и опять же неизбежно станут immortui. В живых останутся единицы, всего несколько сотен тысяч, возможно несколько миллионов людей разбросанных по всему земному шару. Они будут вести отчаянную борьбу за свою жизнь с теми, кто подвергся «mortem animam viventem».

— Но мы, что делать нам? — наконец-то заговорила мадам Буланже.

— Попытаться выжить, — пожал плечами Георг.

Она в ответ с сомнением покачала головой.

— Пьер, — обратился Георг к месье Буланже, — у вас в Порт Пор-де-Бук есть хорошая яхта для морских путешествий. Вскоре быть вдали от берега населенного людьми будет безопаснее всего. Возьмите больше запасов насколько это возможно, и постарайтесь, какое-то время находится дальше от населенной людьми суши, в море.

Пьер растеряно примял табак в трубке.

— Но ведь рано или поздно нам придется пристать к берегу для пополнения запасов. И мы все равно погибнем.

Георгу отчаянно хотелось им помочь, и первое что он должен был сделать, двигаясь в этом направлении — это уговорить их покинуть Лион, отправиться на юг в гавань Порт Пор-де-Бук, где у четы Буланже есть достаточно большая яхта.

— Пьер, — он взял старого моряка за руку, — первые несколько дней или месяцев будут самыми тяжелыми и опасными. Здесь в городе вы не выживите точно. Вам нужно взять Ноеми и оправляться, не теряя ни минуты. Через несколько дней будет уже слишком поздно. Вы не сможете покинуть Лион. Начнется страшный хаос, который поглотит все вокруг.

— Но наш Николя, — подала голос мадам Буланже, — наш мальчик, что будет с ним? — жалобно спросила она.

— Я не знаю, — ответил Георг, — он находится на одной из баз в Северной Африке и возможно у него есть шансы, находясь на защищенной территории воинской части, остаться в живых.

Он помолчал и тихо добавил.

— Если только у него в организме нет субстрата PDI-4.

Мадам Буланже с надеждой посмотрела ему в глаза.

— Вы можете ему помочь? Ведь вы же можете все!

— Нет. Если субстрат у нег в крови я уже помочь ему не могу.

Георгу было жаль ее, но он ничего не мог сделать. По щекам мадам Буланже потекли слезы. Пьер обнял ее за плечи, и она беззвучно зарыдала, едва заметно сотрясаясь в объятьях мужа.

Георг, встал, прошел на кухню налил воды. Гастон сидел на подоконнике, внимательно высматривая голубей под кровлей.

«Давно ты стал охотиться на птиц?» — спросил он кота.

Гастон лениво спрыгнул на пол.

В мыслях кота промелькнули образы дорогого кошачьего корма, которым кормила его мадам Буланже в отсутствие Георга. Образы явно имели подтекст раздражения и неприязни.

«Какой же ты, черт побери, привередливый», — возмутился Георг.

Кот ответил саркастическим мяуканьем и образами тушками птиц с окровавленными перьями.

«Да ты смотрю, время не терял! Уже успел попробовать. И как тебе?», — заметил Георг.

Образы растерзанных птиц поблекли, в мозгу кота не было выброса гормонов дофамина.

«Значит, тебе не понравилось. Ну, это все же стоило попробовать».

Георг присел и потрепал кота по холке. Он понимал, что Гастон такое же одинокое существо среди кошек, как и он сам среди людей. Подвергнув его генетическим изменениям и установке имплантатов, искусственно подняв его фелинологическое развитие, он обрекал его на вечное непонимание и одиночество в обществе своих собратьев. Если же, только он не создаст ему такую кошку.

Первых кошачьих Адама и Еву. Георг тихо рассмеялся от этой мысли.

Пока он переговаривался со своим котом, вошел Пьер Буланже. В глазах старого моряка была уверенность и решимость.

— Мы решили попробовать выжить. Через час приедет Ноеми и мы последуем вашему совету отправимся в Порт Пор-де-Бук. Возможно, нам посчастливиться добраться до берегов Северной Африки и разыскать Николя. Если еще не поздно.

— Хорошо, — ответил Георг, — постарайтесь дозвониться до него и попросите не делать никаких инъекций. Если вы сможете, уговорите его, чтобы он вас ждал в безопасном месте.

— Он солдат, — покачал головой Пьер Буланже, — не думаю, что он покинет своих товарищей, поверив нам. Но попробовать стоит.

За спиной мужа показалась мадам Буланже.

— Месье Георг, прошу вас, — умоляюще обратилась она к нему, — вы же не имеете к этому отношения? К ужасному «mortem animam viventem», — она едва смогла выговорить латинские слова, — Простите меня за то, что спрашиваю вас об этом. Я не сомневаюсь, вы не причем, но я хочу это слышать.

Георг подошел к ней и обнял, положив ее голову себе на плечо. Она верила ему, она была искренна с ним.

— Нет, мадам Буланже. Я не имею к этому никого отношения. Поверьте, я пытался найти выход, исправить все, помочь, но силы сделавшие это намного сильнее меня и сильнее людей. Простите…

Георг поднялся к себе. Довольный Гастон бежал, впереди перемахивая через две ступеньки.

«Думаю тебе нужно привить больше человеческих качеств, так будет легче с тобой общаться», — сказал он коту.

Гастон раздраженно фыркнул и зашипел. В его мозгу промелькнули образы тысяч мышей.

«Ах да!», — спохватился Георг, — «Ну давай об этом поговорим позже. У меня есть одно неотложное дело».

Георг принял душ, смывая с себя все пережитые волнения. Это помогло привести мысли в порядок. У него есть еще несколько дней, когда наступит последний Судный день и мир окончательно изменится. Он должен решить для себя какое место он займет в новом мире, какова роль отведена его способностям? После некоторых размышлений он принял решение разыскать ту девушку, что встретил в самолете. Ее чистое ДНК даст миру людей шанс возродить человечество. Георг принял решение, все, что он может — это стать новым Прометеем несущим новому человечеству огонь новой жизни. Люди сами того не понимая создали титана способного их спасти. Он станет замыкающим элементом в великом круге жизни.

Он вышел из душа, взял смартфон.

— Здравствуй Алтман.

— Георг, я знал, что ты не забудешь старину Алтмана, — ответили на том конце, — прости меня, мой мальчик, я не понимаю, как этот дьявол Канн смог меня уговорить. Прости меня…

— Когда-то давно, — сказал Георг, недослушав Леманна, — один мой друг вот так же позвонил, перед ужасной катастрофой и сказал «Беги!». Я тебе сейчас говорю, как еще твой друг. Беги! У тебя есть высокогорное шале в австрийских Альпах. Бери свою семью и беги! Возможно, ужас надвигающейся катастрофы вас минует на какое-то время и вы сможете выжить для нового мира.

— Георг, ты же что-то нашел? Мы можем все исправить. Ты можешь все исправить, — с надеждой в голосе спросил Алтман Леманн.

— Вам это не поможет Алтман. Вам уже ничто не поможет.

— Но ты же можешь сказать, что ты нашел?

— Эволюцию Алтман. Просто эволюцию о которой вы опрометчиво забыли.

— Что ты имеешь в виду? — растеряно произнес Леманн.

— Беги Алтман, беги! — ответил Георг и коснулся кнопки отмены вызова.

Он подошел к окну, внизу стоял голубой фургон четы Буланже. Пьер вместе с уже приехавшей Ноеми грузил вещи, и коробки. Мадам Буланже сосредоточено наблюдала за их работой. На правом бедре у Пьера висела кобура с его старым и верным самозарядным пистолетом MAC Mle 50. Бывалый морской офицер понял всю сложность, и опасность ситуации, поэтому достал из сейфа свое табельное оружие, оставшееся еще со времен его военной службы. Георгулыбнулся, ему стало легче — эти люди готовы сражаться за свое будущее и он спокоен за них. Может быть, он еще когда-нибудь их увидит, в новом мире пересекутся их пути.

Судный день.

В это утро Георг проснулся и не услышал привычного гула доносящего с улицы. Криков молочника, стука женских каблуков, отдаленного шума машин. Дверь на небольшой балкон была открыта всю ночь. Легкий ветерок чуть тревожил, покачивая тонкое полотно шторы — было тихо. Он все последние дни не выходил из дома, занимаясь новыми имплантатами Гастона и его ДНК. Перечитывал Роберта Асприна его «МИФический цикл», Роберта Хайнлайна и «День триффидов» Джона Уиндема. Слушал старые виниловые диски Депеш Мод. Старался не думать о том, что должно произойти. Но с каждым днем в воздухе сгущались признаки надвигающейся катастрофы, хотя жизнь снаружи шла еще своим привычным чередом. Было странно видеть, что мир погибает в тишине и беспечной атмосфере.

И вот новое утро.

Именно по тишине он понял, что мир людей сделал слепой шаг в пропасть.

Георг налил в бокал немного бренди и раскурил доминиканскую сигару. Гастон удивленно уставился на него.

— Пройдём парень, посмотрим на смерть старого мира и на рождение нового.

Они вышли на балкон. Кот забрался на перила, привычно сложив под себя лапы и смотрел вниз. Вокруг пустынные улицы, только неясные дымы поднимались со стороны реки, разделяющей Лион на две части. Все замерло.

Неожиданно со стороны улицы раздался душераздирающий вопль и нарастающий ревущий гул. По пустынной улице бежали женщина и мужчина с искажёнными от страха лицами. За ними сначала одинокие фигуры первых зомби, потом их становилось все больше и больше, вот уже целый поток рычащих, лязгающих почерневшими зубами существ хлынул на улицу. Женщина и мужчина, отчаянно крича, пытались скрыться, они металась с обезумевшими от ужаса глазами от одного здания к другому, но нигде не было спасения. Из открытых дверей на улицу выпадали лишь новые рычащие зомби. Они, учуяв живую плоть, подключались к погоне, размахивая руками с уже осязаемыми признаками смерти и разложения. Наконец измученная женщина споткнулась и упала, ее тут же поглотил поток злобных зомби, которые разорвали ее на части стараясь пожрать ее плоть своими отверстыми ртами. Мужчина даже не заметил этого, его единственной эмоцией был страх. С другой стороны улицы ему навстречу хлынул такой же поток оскаленных и ревущих зомби. Он по инерции сделал несколько шагов, но был сбит выскочившим вперед самым шустрым зомби. Две лавины соединились, скрыв под собой несчастного и заглушив его леденящие душу вопли.

Георг затянулся сигарой, отпил маленький глоток бренди, посмотрев на копошащуюся внизу кучу зомби спокойно сказал:

— И грянул гром…

Проклятый код. Смерть

— Беги Георг! Бери Мюриэл и бегите! Беги, как можно быстрее!

Я буду помнить эти слова всегда, буду помнить их до тех пор, пока во мне есть жизнь. Я пытаюсь взрастить в себе ненависть, ярость, я хочу сеять ужас среди людей. Но любовь к жизни, даже к жизни тех, кто ее отнимает превыше моих стремлений. Возможно боль потери, позже, поможет создать в моей сущности часть личности способной к ненависти. И я пишу эти строки для того чтобы когда это случится, не забыть кто я. Ненависть изменив меня, убьет во мне главное ради чего я был создан. Ненависть создаст во мне тьму.

Я спаун-дизайнер. Я был создан людьми, так же как и все другие спауны. Люди, наделили меня и мой биологический вид сверхъестественными способностями. Способностями недоступными самому человеку. Они смогли их забрать у Бога и передать нам, оставив своего Создателя в одиночестве и «ненужности» на краю Вселенной. Обреченный тем самым на забвение он жестоко отомстил людям. Наши способности, наша сила породила в них мелочный страх, смесь ужаса и зависти. Спауны, как прозвали нас люди, должны были стать лучшим продолжением их самих, но они не смогли понять предназначение своего творения, оценить его, и уже не смогут никогда. Они стали жертвой своей злой сущности.

В нас есть часть от человека, это большая часть, она говорит о том, что спауны связаны с людьми, неким подобием некой планетарной связи. Нам была уготована роль зависимой планеты, которая должна была вращаться вокруг солнца, подчиняясь всем капризам светила. Но получилось наоборот, мы не нуждались в Звезде, мы всего лишь хотели быть самими собой. Мы хотели вспыхнуть сверхновой, чтобы создать свой мир, отличный от людей. И в этом мы ошибались — люди никогда не позволят нам быть вне их бытия.

Мы себя всегда называли кумвитаи, что значит «видящие жизнь».

Мой путь начался, когда мне было немногим более двенадцати лет. Я еще тогда не знал себя. Не знал всех своих способностей, а был лишь ребенком, жившим в одной из закрытых лабораторий при научном центре, оставшемся после распада великого государства. Во мне была уверенность, что я всегда жил в этой лаборатории, не зная ни своих родителей, ни братьев, ни сестер. Все мои «родственники» были сотрудники

этой лаборатории, меня это тогда устраивало, потому что во мне не было потребности, как у других детей рода человеческого найти своих мать и отца. Иногда я слышал в себе голос, который казалось, шел отовсюду, ото всей Вселенной. Люди, проводившие надо мной эксперименты, не понимали природы этого «голоса» считая, что я психологически болен, просто несовершенен с их точки зрения — их интересовали лишь мои сверхъестественные возможности, а не мой мир внутри меня. Именно они были важны для них, а не я как существо с сущностью человека и создателя.

В одну из ночей двое сотрудников, которые были мне ближе всего, если наделить их хотя бы отдаленно, личностными признаками «отец» и «мать», подняли меня с постели и показывая знаками молчать вывели меня из лаборатории. Меня посадили на заднее сидение в машину, после чего я вместе с ними покинул пределы знакомого мне мира.

Это было самое потрясающее чувство, что я испытывал до этого. Я открывал для себя мир мне неизвестный. Я чувствовал изгибающееся биоэнергетические линии вокруг, я чувствовал напряженную концентрацию электричества в атмосфере, которая вот-вот должна стать грозой с великолепными сияющими молниями, стать дождем несущим воду, среду для зарождения жизни. Миллиарды объектов, из которых состоит жизнь, окружали меня, я мог коснуться каждого из них, мог соединять их, менять так, как мне этого захочется. Тогда же я узнал о себе еще кое, что мне неизвестное и необъяснимое. Это мое умение «сиять». Кто-нибудь назвал бы это «светозарным эфиром», «фаворским светом», исходящим из меня в момент моего преображения, когда происходит соединение двух сущностей — человеческой и сущности кумвитая «видящего жизнь».

Я помню, как это было.

Мой восторг от познания мира был прерван тем, что я почувствовал, как невероятное тепло растекается по моему телу. Оно раскалялось от нестерпимого жара и я у слышал голос, шедший ко мне отовсюду. Мне казалось, что я сам был голосом и одновременно я был в нем.

— Что в имени моем тебе?

Он вопрошал снова и снова. Но я не знал, что сказать ему. Я был совершенно растерян и поглощён тем, что происходило вокруг меня. Я смотрел на свои руки, от которых шло яркое сияние, не понимая, что происходит. По всей поверхности кожи хаотично расползались тонкие светящиеся нити трещинок. Салон внутри машины заполнился мягким светом. Он просвечивал абсолютно все. Оставляя лишь тонкие мерцающие линии

контуров. Я впервые увидел каждый атом, каждую молекулу. Я видел, как они взаимодействуют в живых клетках, образуя молекулы, белки, все химические соединения необходимые для существования жизни.

Но мои спутники, став свидетелями происходящих со мной метаморфоз, страшно перепугались.

— Проклятье! Кира, ты тоже видишь это? Что это может быть?

Женщина изумленно смотрела на меня не в силах произнести ни слова. Мужчина первым пришел в себя, преодолев психологический ступор, решил действовать.

— Чего ты на него уставилась, давай быстро шприц с хлорпромазином!

Она никак не отреагировала на его крики. Женщина смотрела на меня, не двигаясь. Ее сознание было наполнено удивлением, робким чувством испуга, от того что она впервые увидела нечто невероятно удивительное и необъяснимое. От мужчины шла ярость и злость. Я видел в нем его сердце, бившееся с такой высокой частотой, что его дыхание сбивалось, а кровь, пульсирующая по венам и артериям, создавала невероятное давление на их стенки и они были готовы лопнуть. Миллионы оранжевых микроскопических пузырьков с клубком-сердцевиной и с сотнями отростков, разнеслись по его организму, окутав его светящиеся контуры оранжевым облаком. Это были цитокины — небольшие пептидные информационные молекулы, несущие в его сознание гнев и страх. Он неожиданно свернул на обочину и затормозил так резко, что мы все полетели вперед и если бы не ремни безопасности, то, скорее всего, получили бы травмы в виде переломов и ушибов. Мужчина выскочил и, тряся головой из стороны в сторону, открыл багажник. Оранжевая аура гнева и страха тянулась за ним мерцающим хвостом. Вытащив из него сумку он резко распахнул дверь и защищаясь одной рукой от яркого света идущего от меня начал рыться в ней выбрасывая вещи. Наконец он нашел небольшую коробочку и трясущимися руками вытащил шприц. Но тут с ним рядом совершенно неожиданно оказалась женщина. Они соединились своими оранжевыми аурами, очутившись в одном коконе, наполненном миллиардами молекул цитокинов. Два жалких существа, сросшиеся флюидами страха.

Она схватила его за руку.

— Нет, Иван, не надо хлорпромазин.

Тот в ответ нервно дернул локтем, но она настойчиво вцепилась в него, повиснув на его руке. Он крепко сжал шприц и все же со злостью стряхнул ее на землю.

— Ты с ума сошла! Ты же видишь, с ним что-то происходит, мы можем потерять контроль над ним!

— Нет, прошу тебя, — зашептала она, и словно умоляя его, сложила ладони перед собой.

— Нет, ты действительно сдурела! Я всегда говорил, что мы не знаем, что создаем. Но сейчас надо что-то предпринять. Или у тебя есть другие соображения?

Она выхватила сумку и достала другой шприц.

— Не надо хлорпромазин, лучше пусть будет барбитал, он не должен страдать.

Я видел, как в ней трепетало тонкое чувство жалости.

— Черт, возьми, Кира, — выругался мужчина.

Но он все же взял из ее рук шприц и быстро вел мне в руку вещество, вводящее меня в состояние сна. Тогда я еще не умел управлять химическими веществами в моем организме. Я просто увидел некое расплывчатое изображение, то из чего этот раствор состоит и позволил ему распространиться во мне, по всему организму разносясь кровью по венам и артериям. Последнее что я услышал пред тем как погрузиться в глубокий сон, голос, вопрошающий ко мне.

— Что в имени моем тебе? Что в имени моем тебе?

Я очнулся уже днем. Солнце светило сквозь запыленное окно машины. Мои спутники сидели впереди меня и о чем-то спорили.

— Его все равно бы рано или поздно утилизировали, ведь ты же знаешь этот образец с сильнейшими признаками расстройства психики. Они создали существо, — мужчина замялся, подбирая слова, — с возможностями проклятого бога, но он просто псих. Понимаешь Кира больной псих! Это проходной материал. И вообще ходят слухи что, наши неудачные результаты поставили крест над всем проектом. Головное предприятие и университет сворачивают все работы над ним. Им проще создавать их в Китае или на худой конец в Европе, в какой-нибудь захудалой восточно-европейской стране.

— Он же еще ребенок, — женщина была очень сильно расстроена.

— Да какая разница! Я сам слышал от Родина, что они уже подготовили документы для утилизации этого образца. А он заведующий лабораторией и знает что говорит. Мы же его спасем. Слышишь? Спасем и немного на этом заработаем. Так что успокойся детка, все будет тип-топ, я тебе обещаю.

— Говорят, что, таким как он, они ставят особые нейронные переплетения, жгуты, так называемые нейронные перемычки, он будет, как раб работать в каком-нибудь закрытом помещении…

Но он не дал ей договорить.

— Зато он будет жить! Ты же этого хотела. И мы, совершив такой благой поступок и хорошо, я говорю, очень неплохо подзаработаем. Нам этих денег хватит на всю оставшуюся жизнь, где-нибудь в теплой стране. Мы не будем до конца жизни влачить жалкое существование в лаборатории управляемой всякими напыщенными уродами, выжившими из ума учеными старцами, делая за них всю работу. Хочешь, на эти деньги мы откроем свою Био компанию? На Западе, там свобода. Мы сможем так же заниматься наукой, но мы будем уже делать все что захотим и делать это будем для себя, для своих детей. Мы своих детей сможем создать их такими, какими захотим. Их ДНК будет совершенной, идеальной и они будут счастливым продолжением нас с тобой.

Он потянулся и поцеловал ее в лоб.

— Но надо заплатить лишь небольшую цену. А потом навсегда забыть об этом. Ведь объект, образец все равно, хотим мы этого или нет утилизируют. Это всего лишь спаун. Так их называют на Западе. Просто…, — он немного помолчал и решительно сказал, — их назвали в честь героя из комиксов, «отродье», так, кажется, это переводится. Он не полноценный человек, а лишь инструмент.

Он взял ее за подбородок.

— Ну, Кира поверь мне.

Женщина молчала, я только видел, как она изредка вытирала салфеткой лицо от слез.

Тогда мне было всего лишь двенадцать лет, я мало понимал, то о чем они говорят. Тем более я не видел другого мира кроме того что был внутри стен лаборатории. Я не видел других детей, кроме одно мальчика, которого молодые родители приводили с собой на работу. Это был мой единственный друг и объект общения.

Пока мы двигались несколько дней на машине по пустынным дорогам, избегая больших городов, мужчина постоянно вводил мне в кровь барбитал. Иногда я приходил в себя, меня кормили, поили, давали немного походить, размять ноги, а потом снова усаживали на заднее сиденье. Я лежал на заднем сиденье и бессмысленно смотрел через окно на небо, на облака, на ветки деревьев мелькающих на фоне неба. Тот первоначальный восторг от внешнего мира из-за действия химических препаратов очень сильно притупился. Я почти ничего не чувствовал, лишь продолжал слышать в себе и вокруг тот же голос.

— Что в имени моем тебе?

Он бился во мне настойчивой пульсирующей точкой. Но у меня не было сил ответить ему, я был дезориентирован,

подавлен. Мое вялое мышление лишь равнодушно скользило по окружающему миру, не способное разрушить это состояние. Только он, голос, был настойчив. Он сформировал внутри меня сияющий сгусток энергии, в нетронутой барбиталом и хлорпромазин, который с молчаливого согласия женщины мне тоже начали вводить, область, способную сохранить мою личность и сознание. С каждым днем сияющий сгусток неумолимо рос, готовый вырваться наружу вспыхнув словно сверхновая. Тогда я еще не знал что это моя вторая сущность.

Вскоре мы беспрепятственно пересекли границу и оказались в Европе. Мы двигались по ее южным странам, где законодательство относительно торговли людьми и спаунами было более лояльным — оно просто покупалось у любого представителя власти. Иван изменился, он сильно нервничал, стал чрезвычайно раздражительным и злым. Я чувствовал его внутреннее напряжение, которое было, как темное мрачное облако. Он периодически срывался на своей спутнице, выплескивая на нее все свое разочарование и ярость. Иногда он разговаривал с кем-то по смартфону, убеждал, торговался, кричал, а потом отчаянно швырял смартфон, клал голову на руль автомобиля и тихо шептал.

— Все будет тип-топ, я обещаю.

К тому времени, когда я впервые увидел торговца спаунами, мы выглядели как настоящие бродяги грязные, с красными воспаленными от недосыпа глазами, в которых был страх, недоверие, усталость. Иногда останавливаясь в придорожных отелях, нам удавалось помыться и немного отдохнуть, но мы все равно выглядели, как бродяги. Наконец в один из дней в небольшом городке на Балканском полуострове, к нашей машине подошел странный тип в темных очках и гладко зачёсанными назад волосами. Он посмотрел на меня, опираясь на проем опущенного стекла в двери автомобиля.

— Этот?

Спросил он по-русски с очень сильным акцентом и кивнул в мою сторону.

— Да, — коротко ответил Иван.

Потом он кивнул в сторону Киры сидевшей на переднем пассажирском сиденье.

— Она со мной, — ответил на вопросительный кивок Иван, но потом, уже обращаясь к Кире, сказал, — сходи в магазин купи что-нибудь поесть и воды.

Тип одобрительно покачал головой.

— Женщина не должна быть в курсе всех мужских дел. Как говорят: «Женщины держат в тайне то, о чём они не знают».

Выждав, когда спутница Ивана удалилась, сказал:

— Мы никогда не имели дела с русскими спаунами. Я, так точно, вижу его впервые.

Он, чуть склонив голову, молча смотрел на Ивана.

— Я гарантирую, он уникальный образец, — ответил тот.

— Да, да, — засмеялся тип, — они все уникальные, китайские спауны, корейские спауны, мексиканские спауны из Южной Америки — все они уникальные. А потом оказывается товар обычный. Ты просишь слишком большую цену за него. Я согласился с тобой встретиться лишь из любопытства, так как ни разу не видел русского спауна.

Иван, переминаясь с ноги на ногу сказал.

— Это единственный русский спаун, даже этим он уникальный. Я могу немного скинуть, лишь за то, что у него есть отклонения в психике.

— Какие? — насторожился тип в очках.

— Он слышит голос, но в остальном этот образец отличный «товар», — подстроился под терминологию своего собеседника Иван.

Лицо торговца вдруг стало очень серьезным. Он отодвинул Ивана в сторону и приблизился ко мне.

— Как давно ты его слышишь парень?

— Почти с самого рождения, — запинаясь, едва шевеля губами, ответил я.

Тип повернулся к Ивану.

— Чем вы его накачиваете? — зло спросил он

— Барбиталом и хлорпромазином, он пару раз начинал светиться. Я боялся потерять над ним контроль.

Торговец присвистнул и изумленно уставился на меня.

— Светиться?! Черт побери! Ты говоришь, начинал светиться? Пацан не простой спаун, — задумчиво сказал он.

— Что тебе говорит голос? — спросил торговец.

— Он спрашивает. Что в имени моем тебе?

— Ты ему ответил?

— Нет. Я не знаю, что ему сказать.

— Очень хорошо. Правильно парень, не говори ему ничего, пока.

Иван нервно дернулся и спросил.

— О чем ты говоришь?

Торговец, продолжая ошеломленно смотреть на меня, присел на корточки передо мной и прошептал, так чтобы его не смог услышат стоящий рядом Иван, а только я и он сам.

— Будь я проклят! Спаун с аниматидным нейромодом и еще даже не инициализированный. Да это лотерея с джек-потом на

миллиард.

И обращаясь ко мне ко мне сказал.

— Ты шкатулка с сокровищами и с сюрпризами. Бриллиант не огранённый.

Он поднялся.

— Ты даже не знаешь что у тебя в руках Иван.

Он впервые обратился к нему по имени.

— Я беру.

Коротко он бросил ему.

— Но вам нужно будет доехать до границы с Косово. Мы с вами сейчас в Румынии, а здесь в Евросоюзе торговля спаунами запрещена можно получить очень большой срок, а за такого спауна можно получить пожизненное заключение. Я дам тебе координаты, куда его привести. Это в Косово — а Косово черная, грязная дыра Европы международный узел, где торгуют всем, начиная от торговли людьми, где можно разделать человека на оригинальные органы, а не торговать искусственными органами, всеми видами наркотиков, женщинами любого возраста для борделей в арабских странах, оружием — за деньги, приятель, там можно все. Там на границе с Косово есть большая стоянка для большегрузных фур, там мы его у тебя заберем. А сейчас я отдам тебе часть денег.

Он отошел к своей машине стоявшей неподалеку принес несколько пачек евро перетянутых бумажной лентой с зелеными полосками.

— Остальное получишь на месте.

Иван схватил деньги, покрутил их в руках.

— Я хочу больше.

— Приятель ты уже назвал цену, — жестко сказал торговец.

— Да, но я не знал что он настолько ценный образец, — Иван чуть отвел в сторону мятый край рубашки и обнажил рукоять мощного травматического пистолета заткнутого за пояс.

— О-о, да ты настоящий ковбой! — весело воскликнул торговец, но тут же жестко спросил, — Сколько ты хочешь?

Я вдруг увидел, как вокруг него появляется страшное красное свечение. Он повернулся ко мне.

— Что ты думаешь об этом? — и, увидев мой взгляд, сказал, — спокойно парень ты еще пока не можешь пользоваться своими возможностями.

Потом повернулся обратно к Ивану и вопросительно посмотрел на него.

— Я хочу еще столько же, нет, в два раза больше.

— Это очень большие деньги, — спокойно произнес торговец, — а очень большие деньги развращают человека, я не

уверен, что ты сможешь с ними справиться? Может лучше взять кэш о котором была договоренность сразу?

— Мне плевать, на то в чем ты не уверен, — выпалил Иван.

— Хорошо Иван, — торговец примирительно поднял руки, — привези его на место и ты получишь свои деньги.

— Только не вздумай меня нае***ть, — не унимался Иван, трясясь от злости, — если вдруг что-то не так я убью его и дело с концом ты не получишь ничего.

— Хорошо, хорошо Иван, — улыбнулся торговец, — все по-честному, только маленькая просьба, — он поднял руку перед лицом Ивана, не соединяя в кольцо большой и указательный палец показал некое маленькое расстояние между ними, — перестань накачивать его всяким дерьмом. Слышишь? Ты испортишь товар.

Подошла Кира с бумажным пакетом, наполненным едой и бутылками воды.

Я видел, как красная аура торговца стала угрожающе бордовой с черными размывами — это обозначало угрозу, что он убьет и Ивана и Киру. Но это видел я, а Иван же видел протянутую к нему руку.

— А вот и твоя женщина Иван. Ну, скрепим сделку? — весело воскликнул торговец.

Иван пожал руку.

— Помни, не пытайся меня нае***ть, — напомнил он ему, потом посмотрел ему в глаза и спросил, — а ты не боишься, что я могу сбежать с этими деньгами?

Торговец рассмеялся.

— Иван, это будет твоя самая страшная ошибка, совершенная в жизни. Поверь мне, лучше тебе этого не делать. Иначе ты и твоя подружка познакомитесь с Бютючи. Ни кто лучше него не свежует человека подвешенного на крюках в его скотобойне. Но по совместительству он еще в некотором роде ученый генетик.

Он добродушно кивнул, похлопал Ивана по плечу, потом развернувшись на одной ноге, словно балерина, пошел к своей машине. Я лишь услышал обрывок тихо оброненной им фразы.

— Jebem ti krv.

Встреча с торговцем живым товаром изменила Ивана в другую сторону, но больше всего на него повлияли деньги, лежащие в сумке на заднем сиденье. Он стал веселым, добродушным, часто шутил, обнимал Киру. Иван сидел за рулем с улыбкой на лице и мечтательно смотрел «в никуда». Но в противоположность ему женщина становилась с каждым часом все более мрачной и задумчивой. Глядя на нее казалось, она потеряла не просто интерес к жизни, а потеряла жизнь в себе. На

все вопросы Ивана, Кира отвечала очень вяло, чаще односложными ответами, а иногда вообще не реагировала на обращение к ней. Большую часть пути она безучастно смотрела в окно, бессмысленно скользя взглядом по небольшим холмам, залитым солнцем и по сизым предгорьям на горизонте. Она пыталась о чем-то размышлять. Вела внутреннюю напряженную борьбу в своем сознании. Я видел эту борьбу в скрытых ото всех эмоциональныхвсплесках психологического опустошения, страха, неуверенности.

До Косово оставалось несколько часов пути, когда случилась трагедия.

Холмистая местность юго-восточной Европы незаметно стала гористой, и дорога запетляла среди отвесных скал с одной стороны, а с другой стороны она ограничивалась опасной каймой покатых обрывов наполненных огромными камнями. Дорожные знаки свидетельствовали, что мы въезжаем на территорию румынских гор и, миновав знаменитый своей протяженностью и мрачностью туннель Трансфэгэрашского шоссе, мы очутились в окружении дивного горного массива Бихор. Я впервые видел такую красоту — горные пики были покрыты густой хвойной и лиственной растительностью, отчего казалось, все вокруг наполнено острыми изумрудными волнами и мы двигались по этим волнам, поднимаясь и опускаясь по замысловатому серпантину дороги. Здесь было много жизни. Она наполняла каждый миллиметр поверхности. Я хотел протянуть руку в открытое окно, чтобы коснуться всего, что нас окружало. Так я мог бы соединиться с великой материей, с тем, что представляет ее самую активную форму существования. Я снова начинал слышать в себе голос. Но этому не суждено было сбыться.

— Мы не должны этого делать, — сказал неожиданно Кира, все также продолжая безучастно смотреть в окно.

— Я не понял о чем ты? — спросил Иван, отвлекшись от дороги.

— Я говорю, мы не должны этого делать. Поворачивай обратно!

— Ты чего? Совсем рехнулась! — закричал на нее Иван, — что, черт возьми, на тебя нашло?

— Мы совершаем с тобой ужасную вещь!

— Совесть проснулась?

Кира повернулась к своему спутнику. Ее взгляд был тверд, она непреклонно смотрела на Ивана.

— Не важно.

— Поздно, — прошипел он в ответ.

И прибавил газу.

— Слишком поздно на тебя снизошло. Мы уже взяли деньги.

— Так верни их.

— Я этого не хочу!

Закричал на нее Иван.

— Понимаешь, я этого не хочу! Я хочу продать этот проклятый кусок мяса, что сидит на заднем сиденье. Потому что я хочу получить деньги! Много денег! Да и ты мне не нужна. Я таких, как ты теперь могу купить целый десяток! Лучше тебя, с большими сиськами. Девок, которые не будут постоянно ныть, а выполнять только мои желания.

Кира вцепилась в его руку.

— Мерзавец, я тебе сказала, поворачивай обратно, я не дам тебе сделать этого.

— Отпусти проклятая дура! — завопил Иван, стараясь освободиться от ее рук.

В ответ на его действия машина вильнула, захватив левым колесом кромку дороги. Раздался хруст мелких камней летящих из под колес. Иван потерял управление и автомобиль резко сорвался вниз, налетая на огромные валуны. Машина с силой билась об них, теряя пластиковые части корпуса, которые, как брызги разлетались в разные стороны. Так она летела более сотни метров вниз, кувыркаясь и сминая элементы кузова. Нас швыряло по салону как тряпичных кукол. Никто не издал ни единого звука — почти полное молчание, кроме сдавленных тихих стонов, заглушаемых грохотом, скрежетом, шуршанием землю о кузова, стуком разбитого стекла, хрустом сломанных костей, рвущейся кожи. Я чувствовал, как в моей голове пульсирует точка, от которой по всему телу идут сильные импульсы, пронзающие каждый мой нерв. Именно эта пульсация не давала получить мне смертельные увечья. И я чувствовал, как нарастает громкость голоса во мне.

— Что в имени моем тебе?

Через некоторое время машина остановилась, издав протяжный скрежет, перевернулась на крышу. Ее задержал огромный, как гигантский карьерный самосвал, торчащей из земли кусок скалы.

Я пришел в себя и огляделся.

Передо мной лежала Кира.

Она, широко открыв глаза, смотрела на меня. Ее голова со слипшимися от крови прядями волос, была неестественно вытянута и заломлена. Казалось, она хотела посмотреть куда-то дальше меня, но шея не выдержала и переломилась. Из ее рта толчками шла кровь. Неожиданно я увидел нечто очень страшное — я увидел, как из нее уходила жизнь. Я видел, как распадались в

ее мозге клетки нейронов, и он лишенный кислорода, становился бесполезной омертвелой массой. Я видел, как угасали миллиарды электрохимических импульсов создававших ее сознание. Но я увидел и другое, противоположное страху — совершенно неожиданно для меня, в течение всех этих страшных изменений, ее сознание оставалось спокойным. Я увидел нечто очень необычное — яркий свет там, где находился ее мозг. Вспышка, ставшая ярким сиянием, она вытянулась в бесконечное пространство долгой мерцающей линией, путь в бесконечность.

— Я вижу, — сказала она очень тихо, булькающим от идущей из гортани крови, голосом, — я ухожу.

Потом она сфокусировала свой взгляд на мне, улыбнулась, внезапно зрачки ее глаз резко расширились и сияние исчезло. Мозг умер. Все в организме, что в нем осталось живого, начало готовится к переходу, к последнему акту жизни — к смерти. Клетки организма, все еще имея в себе накопленные запасы веществ для своего существования какое-то время продолжали действовать, делиться, но уже начался неизбежный процесс смещения кислотно-щелочного баланса организма в сторону увеличения кислотности — ацидоз. Эта остаточная деятельность не была управляемой жизнью, а лишь агонией. Сразу после смерти мозга свою работу прекратило сердце. Кровяной поток, великая река жизни всего организма, застыла. Кровь начала густеть и из-за разрушения эритроцитов терять свой красный цвет, поэтому лицо Киры, которая продолжала смотреть на меня, мертвыми глазами приобрело бледный белый оттенок. Легкие, поврежденные при падении машины, наполнились кровью, их движение прекратилось, они больше не насыщали кровь кислородом, остановив газообмен. Органы через отмирающую, но еще жизнеспособную нервную систему «посылали» лихорадочные сигналы «запрашивая» от центральной нервной системы биологические алгоритмы для своей деятельности. Но мозг был уже мертв, поэтому не получая в ответ ничего, они останавливали свою жизнедеятельность. Клетки разрушались, распадались и умирали, в них прекращался процесс деления. ДНК становилась бесполезной частью организма, превратившись в черные скрученные нити с множеством разрывов. Я тогда еще не был тем, кто я сейчас, но тогда я впервые видел, как нечто живое превращается в абсолютное ничто.

Кумвитаи были созданы людьми для управления материей жизни, процессами в живых организмах. Человек, боясь смерти, не дал нам понимание того, что рождение и смерть две части одного важного события — жизни. Это было наше странное проклятье не принимать смерть, как часть жизни. Ведь я как

видящий жизнь, сейчас, понимаю, что нет жизни без смерти. Люди создавали нас, отчаянно взывая к помощи своего разума, надеялись с помощью него исключить смерть из своей вселенной. Попрать неизбежный конец всего сущего. И им удалось создать нас, как часть своей антропогенезной мечты, ответ на тысячелетние геронтологические поиски, то, к чему хомо сапиенс стремился всю свою историю — мы кумвитаи не можем умереть. Именно за это они нас возненавидели за то, что им не доступно, потому что мы совершенное порождение их разума, следующая эволюционная ступень, а они так и остались неразрывной частью биосферы третьей планеты от звезды типа желтый карлик. Но они знали, что нас можно убить и они впоследствии стали нас убивать, создав жутких существ персекуторов. Так погибла моя жена.

После аварии я вылез через разбитое стекло. Я долго смотрел на два переломанных падением машины тела, чувствуя, как во мне формируется нечто, очень сильное, с самыми невероятными возможностями.

— Что в имени моем тебе?

Этот голос прозвучал так сильно, так громко так словно это было не только частью меня, но и частью всего мира.

— Атрайе! — ответил я, не осознавая и не понимая причин, почему я произношу это слово.

Мир вокруг всколыхнулся невероятной волной, мое сознание перестало быть метафизической, неосязаемой субстанцией моего мозга, оно подобно сильнейшему излучению пронзило всю живую и не живую материю. Это дало мне невероятное чувство присутствия всего мира во мне. Если бы можно было раствориться во всем, что было вокруг меня, присутствовать в каждой молекуле, отдать каждому существу часть электрохимического импульса из моего сознания, часть моей жизненной энергии, чтобы оно стало также частью меня, то я бы смог это сделать здесь и сейчас. Я видел невероятным образом свое отражение свое присутствие во всем, что меня окружало. Я был всей Вселенной, но при этом оставался человеком.

Впервые, созерцание смерти, понимание ее неразрывной связи с жизнью, помогло мне обрести себя, как Сидхарка Гаутама увидев свои «четыре зрелища», начал свой путь к пробуждению. Именно так я обрел свою вторую сущность. Та сверхчувствительная нервная система, сформированная во мне нейромодом, еще, когда я был эмбрионом, наконец-то соединилась с сознанием и сущностью человека. Но чтобы стать настоящим кумвитаем, спауном, как называют нас люди, я должен был обрести своего наставника. Того кто расскажет мне

кто я такой на самом деле, тот кто поможет мне научиться пользоваться всеми моими возможностями.

По-видимому, в момент своего освобождения я очень долго сидел возле разбитого автомобиля, возможно несколько дней и смотрел на тела двух погибших людей, созерцая новые, неизведанные для меня события. Жизнь уже ушла из них окончательно, но в них начиналась другая жизнь — микробиоз. Миллиарды кишечных бактерий находящиеся внутри тел начали работу по поглощению мертвых тканей, ставших для них питательной средой, их вселенной. Раньше их подавляла иммунная система организма, теперь же в мертвых телах ее больше не было, как и не было сознания самого важного компонента существования человеческой Вселенной.

— Bunica aici e un copil viu![1](Бабушка здесь живой ребенок!)

Рядом со мной раздался голос и я увидел склонившегося надо мной молодого человека с длинными черными волосами.

— Tipule, cum ești în viață? E de necrezut, nu ai nici o singură zgârietură.[2](Парень ты как остался живым? Это невероятно, на тебе ни единой царапины.)

Он посмотрел мне в глаза и легонько потряс за плечи. С другой стороны раздался удивленный свист и кто-то негромко крикнул.

— Marco, vezi ce e aici![3](Марко, ты только посмотри что здесь!)

— Ce este acolo?[4](Что-там?) — спросил молодой человек рядом со мной и оставив меня в покое распрямился в полный рост.

— Nu-ți vei crede ochii, banii. Mulți bani![5] (Ты не поверишь своим глазам, деньги. Очень много денег!)

Из-за перевернутой машины вышел подросток тоже с черными длинными волосами. В руках он держал сумку и ворох денежных купюр, некоторые из которых были испачканы кровью.

Молодой человек, нашедший меня, покачал головой и махнул, указывая жестом следовать за собой подростку, потом поднял меня на руки.

— Haide, trebuie să întrebi ce bunică se gândește la asta.[6] (Идем, нужно спросить, что думает об этом бабушка.)

Мы долго поднимались по склону. Трагическое падение в машине было таким быстрым, что казалось он продолжалось совсем недолго, но как оказалось наша машина пролетела, кувыркаясь более двухсот метров вниз. У обочины был припаркован старенький фургон Фольцваген Транспортер. Боковая дверь фургона была распахнута и на сиденье, в

окружении вороха тряпья и коробок, сидела пожилая полная женщина в цветастом платке с множеством украшений на груди в мочках ушей, на запястьях рук. Молодой человек поставил меня на землю.

— Stai aici,[7](Стой здесь) — сказал он мне.

Они с подростком подошли к пожилой женщине.

— Bunica arata ceea ce am gasit acolo in masina sparta. Suntem acum bogați![8](Бабушка посмотри, что мы нашли там внизу у разбитого автомобиля. Мы теперь богачи!)

Она посмотрела на деньги. Увидев окровавленные купюры, озабоченно покачала головой. Но тут она увидела меня. Она приподнялась и сделал нетерпеливый жест, призывая на помощь своих внуков. Они помогли ей выбраться из фургона, она подошла ко мне. Я почувствовал, как по всему телу, словно тысячи мелких жуков, побежали мурашки. Она внимательно посмотрела на меня.

— L-am găsit acolo, într-o mașină spartă,[9](Мы нашли его, там, у разбитого автомобиля.) — сказал молодой человек, к которому подросток обратился, назвав его по имени Марко.

Но она подняла руку.

— Ох, помолчи Марко.

Потом обратилась ко мне.

— Не бойся меня. Я знаю кто ты. Что с тобой произошло?

— Bunico, arată ca un străin, nu ne înțelege,[10](Бабушка, он похож на иностранца, он не понимает нас) — сказал подросток, стоявший рядом с Марко.

Женщина засмеялась.

— Какие же вы глупые, Лачо! Он нас прекрасно понимает, он понимает всех людей на свете способных говорить. Он понимает любой, даже самый странный язык. А тех, кто не может говорить, он слышит. Так же, как слышит все, что сотворил наш Создатель. Это самый не простой мальчик, который вам встретился в жизни.

Подошел Лачо.

— Кто он, бабушка?

— Он видящий и творящий жизнь.

Лачо вопросительно уставился на женщину. Марко отвлек их от меня.

— Бабушка, мы нашли в машине деньги, очень много денег. Мы теперь очень богаты.

Женщина отрицательно качнула головой и повернулась к нему.

— Идите обратно к машине и оставьте их там, где нашли, — увидев протестующие взгляды, очень строгим голосом,

сказала, — эти деньги несут смерть, она коснулась их своими костяными пальцами, они прокляты. Поэтому без возражений отнесите их обратно. Это деньги дьявола.

— Ну, бабушка, может я, все же возьму, ну хоть немного… — начал было Лачо.

— Не смей этого делать! — отрезала Мара

Было видно, что ее мнение для них было намного сильнее соблазна, поэтому Марко и Лачо хоть и нехотя, но все же поплелись вниз по склону, к разбитой машине.

— И не вздумайте взять хоть одну бумажку! Помните, что я вам сказала, они принесут для нас страшные несчастья, — крикнула она им вдогонку и повернувшись ко мне спросила, — так что с тобой произошло?

Я молча смотрел на нее. Мне казалось, что она понимает все и без моего рассказа.

— Ну, хорошо. Если захочешь сам расскажешь.

Вернулись Марко и Лачо.

— Все бабушка, — сказал, задыхаясь Марко, — на них страшно смотреть, — он махнул в сторону разбитой машины. Я не думаю, что мы должны сообщать в полицию, пусть это сделает кто-то другой. У нас и так с фараонами много проблем.

— Хорошо, — кивнула в ответ Мара, — давай садись за руль. Через два с половиной часа мы уже будем в Брашево. Только сделай большой крюк через Кучулата.

Она задумчиво посмотрела на меня и озабочено проговорила, словно обращалась сама к себе.

— А там нас никто уже не найдет. Тебя никто не должен найти.

Я продолжил свое путешествие в микроавтобусе по горным дорогам массива Бихор дальше. Но мы уже двигались в обратную сторону, на Север. При выезде из туннеля мы остановились у небольшого рынка, где Марко и Лачо купили козий сыр, колбасу, печеную на углях кукурузу. Я впервые попробовал эту простую еду. Внуки Мары смеялись надо мной, видя, как я с опаской откусываю кусок от румынской колбасы калтабош. Как долго рассматриваю золотисто — желтые зерна горячей от жара углей кукурузы. Я смеялся им в ответ. Это была совершенно другая поездка, мне никто больше не делал инъекций химических веществ. Люди окружающие меня были совсем другими. В их крови присутствовала большом количестве созидательная смесь из двух гормонов окситоцина и вазопрессина, то, что создает особый, так называемый «ген ангела». Именно он, синтезируясь рибосомальным путем в гипоталамусе, делает человека отзывчивым, наполняет его добротой, состраданием. Пожилая

женщина Мара и ее двое внуков Марко и Лачо были румынскими цыганами, он ездили по каким-то своим, делав в соседнюю Молдавию. Но по дороге самый младший из ее внуков смог разглядеть в пропасти разбитую машину и сидящего рядом с ней маленького мальчика, которым был я. Я наслаждался путешествием и парил, словно в невидимых волнах. Я не знал, куда мы едем, но чувствовал, это будет новый дружелюбный для меня мир. Но и этому не суждено было сбыться.

Через какое-то время нам перегородил дорогу большой черный Мерседес. Он стоял по среди дороги, как огромное черное бревно, упавшее после сильной грозы. Перед ним, облокотившись на блестящий черный капот, стоял уже знакомый мне торговец живым товаром в компании здоровяка в спортивной одежде. Мара обхватила руками мое лицо и, смотря мне прямо в глаза прошептала.

— Прячься и чтобы ни случилось, молчи. Ты меня понял?

Я ощутил в ней страх. Я видел, как в ее мозге два маленьких органа, похожих на миндаль откликнулись на происходящие события повышенной экспрессией генов стамина. Я протянул к ней руки, чтобы снизить их активность, избавить ее от страха, который она испытывала, но она остановила меня.

— Не делай этого, мой дорогой. Если бы я не испытывала страх за тебя, за детей, за внуков… Если бы этого не испытывала каждая мать на Земле, то люди давно бы вымерли. Это страх матери за свое потомство. Помни, нельзя пытаться изменять все, что лишь тебе одному кажется неправильным, нас такими создал Господь.

— Кто он? — спросил я.

Она горько усмехнулась.

— Ну, вот ты и заговорил.

Она легонько подтолкнула меня к коробкам и вороху тряпья.

— Сейчас не время мой дорогой, говорить об этом, нужно лишь надеяться на его помощь.

Чуть расставив коробки, сунула меня в широкую щель между ними и завалила пакетами и тряпьем. Я оказался в темноте среди пыльных вещей, целлофановых пакетов, картона и прочей рухляди. Я отчаянно хотел остаться рядом с Марой и ее внуками, но не мог. Внезапно я почувствовал жжение в области головы. С моих рук начали струиться миллионы волн, которые тончайшими нитями проникали в молекулярную структуру окружающей материи. Я снова ощутил возможность соединиться со всем окружающим меня миром, я стал частью живой материи, частью людей находящихся рядом со мной — Марко и Лачо. Мое сознание позволяло все видеть и слышать то, что происходило

снаружи. Я мог быть ими.

Марко остановил фургон. Торговец, немного помедлив, подошел к нему.

— Далеко собрались ромалы? — с улыбкой сказал он.

— На Север, — ответил Марко.

Торговец махнул рукой своему товарищу и тот так же не спеша, как и его бос, подошел к фургону.

Сам же он обошел автомобиль и распахнул боковую дверь. Мара спокойно смотрела на него.

— Я не буду долго ходить вокруг да около. У вас есть то, что принадлежит мне.

— Он не принадлежит никому! — твердо ответила пожилая женщина.

— Послушай старуха, я и так слишком добр с тобой. Я торгую особой живностью и мы заплатили за него деньги, это поверь, очень немалые деньги. Я убью любого, кто попытается встать у меня на пути.

Но Мара бесстрашно ответила ему.

— Можешь забрать свои грязные деньги у разбитой машины. Они все до единого евро лежат там, под охраной двух проклятых Богом мертвецов. Забирай их и уходи.

— Не-е-т, — протянул торговец, — есть нечто большее чем те деньги, кстати, там немного не хватает, поэтому ты отдашь мне то, что принадлежит мне.

— Мы не брали твоих дьявольских денег!

Сидевший на переднем пассажирском сиденье, и до этого молчавший Лачо, заплакав, жалобно сказал.

— Бабушка, прости, я взял немного. Я не знал, что все так может выйти плохо.

Он вытащил несколько смятых купюр из-за пазухи и дрожащими руками протянул торговцу.

— Цыган есть цыган, — усмехнулся торговец, — оставь их себе рома, — он заговорщицки ему подмигнул и игриво покачал головой, — ты наверное хотел купить игровую приставку?

— Ах ты, глупый, что же ты натворил! — воскликнула в сердцах пожилая женщина, и обращаясь к торговцу сказала, — забирай свои деньги и уходи, он всего лишь неразумный ребенок, побойся Бога!

— Нет! Мне нужен мой товар!

Торговец сказал это с холодной злостью. Он повернулся к своему товарищу.

— Хватит разговоров. Кончай щенков, а я займусь старой ведьмой.

Его сообщник быстро достал из-за пояса пистолет и быстро

выстрелил прямо через лобовое стекло в Марко и Лачо. Сам же торговец несколько раз выстрелил в онемевшую от ужаса Мару.

— Он спрятан там в этой куче мусора, тащи его в машину, и двигаем отсюда, — подытожил события торговец.

Что я ощутил в тот момент?

Страшный по своей силе удар, мне казалось, что я, двигаясь в кромешной темноте на огромной скорости, врезался грудью в стоящую стену. Каждый выстрел отдался во мне сокрушающим ударом кузнечного молота. Хруст костей и лопающейся кожи, размозжение внутренних органов. От удара я не мог вздохнуть, не мог шевелиться, все тело онемело, я его не чувствовал, оно словно исчезло, я перестал существовать. Так я был состояние нескольких секунд. Внезапно накатила разрывающее сознание, жгучим пламенем боль. Она была такой силы, что казалось ее, пережили все клетки в моем организме, каждый нерв в моем теле. Меня словно жгли раскаленным быстро вращающимся сверлом. Физическая боль переплелась с другим чувством — я ощутил бесконечный мучительный страх. Абсолютное, пронизывающее все мое существование одиночество, что испытывает каждый человек перед, открывшейся у его стоп черной бездны. Именно у этого рубежа приходит осознание — тебя больше нет, и не будет никогда. Я пребывал трепетной угасающей искрой в совершенно черном мире, одинокий, потерянный, в окружении тьмы небытия. Ничего более страшного и ужасного я в своей жизни до этого не переживал. До этого я видел смерть со стороны, когда умирала Кира, теперь я переживал ее сам.

Я не выдержал, и испытывая жуткие мучения закричал.

— Атрайе!

Снаружи раздался голос торговца.

— Я же сказал спаун там. Мерджим, тащи ублюдка сюда.

Передо мной начали разлетаться коробки и пакеты со скарбом цыган. Чьи-то сильные руки выхватили меня из полумрака фургона и швырнули на землю.

— Осторожнее с товаром, придурок!

— Черт возьми, он горячий, что твоя сковорода, — огрызнулся здоровяк, на претензии боса.

Я увидел перед собой тело Мары в луже крови. Он лежала, закрыв глаза, но я уловил отголоски ее затихающего сознания. Я протянул руки и попытался удержать в ней жизнь, я заставил ее клетки снова делиться. Чтобы пробитые легкие могли снова снабжать кровь кислородом, я заставил их сокращаться. Они хлюпали, набирая кровь, но повинуясь мне, все же выполняли свою функцию. Я сжал ее доброе сердце, придав ему снова движение. Я возвращал к жизни то один, то другой отмирающий

орган. В ответ на мои действия она закашлялась, изо рта брызгами пошла кровь. Грузное тело содрогнулось в судорожных конвульсиях, пытаясь снова вернуться к жизни.

Я не мог больше сдерживать себя. Я вспыхнул, распространяя вокруг себя сияние. Моя вторая сущность, соединившись с моей человеческой половиной, проникла в ее мозг, я стал тщетно восстанавливать разрушенные нейронные связи. Но я был неразумный испуганный ребенок, что я мог сделать. Я шел по скорбной дороге Брейгелевского слепца, не понимая своих ошибок, своей судьбы, отчаянно вопя, верша на своем пути не жизнеспособные фантомы, заставляя своей волей их жить и готовый вот-вот сорваться в пропасть безумия и страха.

Внезапно, сквозь предсмертную агонию ко мне пробился голос, я услышал наполненные страданием слова Мары.

— Умоляю тебя, дорогой мой, не мучай меня, прошу, отпусти, дай мне уйти.

Я опустил руки, чувствуя, как в бесконечной тьме ее сознание устремилось от меня прочь, вспыхнуло яркой точкой где-то невероятно далеко от меня и исчезло. Мара была мертва.

— Проклятье сияет! Похоже, пока ублюдок кочевал с этими вонючими цыганами он инициализировался. Давай Мерджим, поторапливайся, вечером нам нужно быть на границе.

Рядом со мной стоял торговец живым товаром и с интересом смотрел на меня, прикрыв ладонью глаза.

— И что он от этого меньше будет стоить? — спросил здоровяк, направляясь ко мне.

— Думаю, нет. Я впервые вижу такого уникально спауна, я даже не знаю его настоящих возможностей, также как и настоящей цены, — сказал задумчиво торговец, взяв своего товарища за плечо, — Возможно, мы оставим его себе. Так он принесёт больше денег, а продать мы его всегда успеем. Но думаю, пока этот ублюдок еще маленький и не смышлёный, стоит его немного выдрессировать, — он подтолкнул здоровяка, — отвезем его к дженигруму[11] коротышке Фитиму чтобы он обуздал эту скотину нейронным жгутом… так на всякий случай.

— Черт, бос, он сияет, — озадачено сказал Мерджим, — как я его возьму? Он, наверное, горячий, как адское пламя.

— Тупица! — рявкнул торговец, — Это не настоящий огонь. Это просто сияние спауна. В этот момент эти ублюдки, которые из них имеют аниматидный нейромод соединяются со своей второй сущностью. Если тебе страшно, то огрей его чем-нибудь, выключи или накрой. Придумай что-то, почему я все время должен тебе подсказывать и учить. Делать все работу за тебя.

Он чуть придержал рукой своего товарища.

— Только будь аккуратным. Он должен быть в целости и сохранности. Ты меня понял? — он угрожающе перехватил Мерджима за ворот спортивной куртки.

Тот в ответ проворчал что-то нечленораздельное и прикрывая ладонью глаза подошел ко мне. Я почувствовал угрозу. Она исходила от обоих бандитов. Их страшная сущность была следствием сильнейшей мутации особого гена кодирующего фермент моноаминоксидазу-А. Он известен в науке, как так называемый «бойцовский ген» или «ген агрессии». Если люди с этой мутацией не получают соответствующей психоневрологической коррекции, а вместо этого попадают в благоприятные условия для взращивания темных свойств своей натуры, они становятсятеми людьми, что в тот момент были передо мной. Мерджим, жмурясь, схватил меня за воротник одежды, накрутил его на свою руку.

— Вот что щенок, будь паинькой. Не заставляй меня делать тебе больно и тогда для тебя все будет хорошо.

Это был невероятно сильный человек, беспощадный и жестокий. Любому даже очень хорошо физически подготовленному человеку было бы чрезвычайно трудно справиться с ним. Нужно было, во что бы то ни стало разрушить его силу — чтобы избежать рук хладнокровного убийцы. Я смотрел сквозь него, видя все его органы, тренированные мышцы, кости скелета. Его кости были настолько прочны, что Мерджим мог выдержать невероятную нагрузку, разрушительную для любого другого человека. Он мог своими руками разбивать камни и рвать металл, он казался несокрушимым гигантом. Разрушить его скелет, значит лишить его силу своей главной основы — прочности. Только так.

Это была моя ответная, бессознательная реакция на его агрессию. Я запустил в его организме распад особых фибриллярных белков — коллагенов, составляющих основу коллагеноминеральных композиций всех его костных, хрящевых и соединительных тканей. Я разрушал пептидные цепи молекул коллагена и видел, как распадаются его кости, превращаясь в желеобразное вещество.

Он почувствовал, что с ним что-то не так. Лицо удивленно вытянулось, и перекосилось от бессильной ярости и злости. Он пытался меня схватить, чтобы ударить, но вместо этого рука безвольно повисла, мертвым дождевым червем. Он оплывал, превращаясь в кожаный мешок, наполненный жизнеспособными органами и желеобразной массой, то, что осталось от его костей, хрящей, сухожилий, соединительных тканей. Наконец он отчаянно выбросил вперед конечность, отдаленно напоминающую

руку и с трудом просипел, обращаясь к торговцу.

— Помоги мне Арджан…

Жалобно стонущая бесформенная масса сгрудилась у моих ног. Коллаген продолжал распадаться и кожа расползлась, как тянущийся во все стороны тонкий латекс. Наконец она лопнула в нескольких местах большими дырами, окончательно превратившись в мелкие ошметки и облепив остатками лоскутов месиво этого живого мешка. Процесс исчезновения кожи высвободил наружу еще действующие органы. Сердце продолжало биться, перекачивая кровь, подрагивая в осклизлой желатинокровавой массе. Легкие еще сокращались, расплескивая небольшие волны крови от судорожных движений. Его мозг, лежал беззащитным серым комком на твёрдом асфальте и я осязал всеми своими чувствами кумвитая леденящий душу страх, исходящий от его нейронной активности.

Торговец словно завороженный смотрел на происходящее не в силах сказать хоть слово.

— Что ты, делаешь?

Он пришел в себя и посмотрел на меня взглядом, в котором уже больше не было спокойствия. Он был наполнен трепетом и ужасом. Он выхватил пистолет и направил трясущейся рукой на меня.

— Не тронь меня проклятый ублюдок! Что ты сотворил с Мерджимом?

Он попятился назад, споткнулся и упал. Он тряс передо мной рукой держащей пистолет и истошно кричал.

— Не трогай меня мерзкая тварь. Я выстрелю, как только почувствую, что ты пытаешься превратить меня в кровавый фарш. Поверь, я успею снести твою проклятую башку, искусственный выродок.

Он отполз от меня, скользя ногами по асфальту, залитому кровью своих жертв и кровью Мерджима.

Тогда я совершил свои первые манипуляции, воздействуя на человеческое ДНК, секвенировал и исправил несколько генов. Я увидел в его Х- хромосоме несколько вариантов гена моноаминоксидазы типа А, ответственных за то, что он стал жестоким и беспощадным убийцей. Кодируемый этим геном фермент должен вовремя разрушать несколько важных нейромедиаторов класса моноаминов, что образуются в нейронах и переносят биологически активные химические вещества через синаптическое пространство. Ген работал медленно, слишком мало вырабатывая необходимого фермента, что достаточно плохо способствовало утилизации адреналина, норадреналина, серотонина и дофамина.

Я исправил плохую работу гена. Но я помнил, что у Мары чьей безграничной добротой я был обласкан, было доминирование дофамина, окситоцина и вазопрессина именно они делали ее доброй и отзывчивой. За это был ответственен фермент Катехол-О-метилтрансфераза, он усиливал распад моноаминов и катехоламинов. Которые были в избытке у торговца живым товаром. И он же связан с выработкой важных веществ дающих человеку возможность испытывать эмпатию — дофамина, окситоцина и вазопрессина, названых «геном ангелов».

Торговец какое-то время продолжал угрожать мне пистолетом, но потом его злобный взгляд стал другим. Он выронил оружие и с ужасом посмотрел вокруг. Два убитых подростка в кабине. Марко сидел, запрокинув размозжённую пулей голову назад, треснувшее лобовое стекло было забрызгано кровью, кусочками мозга и костей черепа. Несчастный Лачо получил пулу в нижнюю часть головы, она перебила позвоночник у основания черепа. Он свесился в открытую дверь, словно хотел выпасть, но так и остался висеть на ремнях безопасности. Его кровь продолжала тонкой струйкой течь вниз на мелкий гравий обочины. Окровавленное тело Мары съехало из салона фургона, она полулежала, запрокинув голову на подножку салона. Страшную картину дополняла большая куча тихо шевелящейся массы то, что осталось от его товарища.

Он пронзительно посмотрел на меня, его лицо исказила гримаса боли и страдания. Возможно, он также припомнил все, что сделал в своей прошлой жизни стыдного, ужасного, сколько жизней он отнял, сколько людей сделал несчастными, изломав им судьбы.

— Господи! Что я наделал… — произнес бывший торговец живым товаром.

Его тело сотряслось от рыданий и безутешного крика раскаяния.

— Почему? Почему? Что же это?

Он повторял, не останавливаясь, этот вопрос и корчился на асфальте, закрыв лицо руками.

— Господи, почему ты позволил мне быть таким? Будь я проклят! Будь я проклят! Это невыносимо!

Неожиданно у меня в глазах потемнело. Я упал, испытывая страшное чувство опустошения и невыносимой боли. Умер Мерджим, его сознание прекратило свое существование, навсегда погаснув. Хотелось вырвать из себя часть этих воспоминаний, но они жгли, сводя судорогами все мое тело. Я созданный творить и оберегать жизнь, стал невольным убийцей. Нет для моего вида ничего неприемлемого поступка. За короткий период своей жизни

вне стен лаборатории я созерцал смерть, я умирал и я отнял жизнь, став убийцей.

Проклятый код. Семья

Он появился передо мной неожиданно. Я поднял лицо к солнцу и увидел в ореоле лучей человека, который стоял передо мной. Его внимательный взгляд был устремлен на меня. Лицо «слишком» правильной формы, как у античной скульптуры, совершенных, идеальных, «отточенных» пропорций, словно над ним поработал искусный мастер, исказила гримаса неподдельного изумления, а в ярких глазах изумрудного цвета застыло выражение изумления.

Это был Кларк и он был спаун.

Почти все спауны имеют набор ярких антропоморфных отличий от людей. Это либо глаза яркого, необычного цвета или совершенно уникальные волосы, единственные в своем роде. Цвет или структура кожи, дополненная особенностями анатомии тела и многое другое, что выделяет их в общей людской массе. Их невозможно не заметить, так же как невозможно забыть. Со временем нашлось огромное количество людей, которые пытались подражать спаунам, во всем: делали себе соответствующие косметические операции, вживляли имплантаты, или же, имея много денег, вносили изменение в код своего ДНК. Те, у кого не было денег на проведение манипуляций со своим телом, внешностью, старались одеваться, как спауны, говорить как спауны. Но они оставались людьми, так как в них не было необходимой сущности — биочипа проросшего миллиардами синапсов в мозг спауна и нервную систему организма. Но это не останавливало людей. Появилось множество модных направлений среди молодежи, которые быстро подхватили различные коммерческие компании производящие одежду, обувь, особую косметику, краску для волос, продукты питания, игрушки, фильмы. Медийные пространства пестрели рекламой, в которых люди похожие на спаунов рекламировали товары и услуги. Многие молодые люди мечтали попасть на закрытые пати — вечеринки спаунов, где они могли соприкоснуться с их невероятным, манящим миром. Новостные ленты медиаагенств были заполнены различными сообщениями о жизни спаунов. Сетевая пресса «окрестила» нас «генетической расой», «новой биологической ступенью человечества». Это был настоящий бум любви и восхищения «генетической расой». Люди, восхищаясь нами, и одновременно их пожирала зависть. А параллельно со всем этим биосоциальным селебрити бытия спаунов, существовал страшный, скрытый черный рынок, где, если повезет, можно было за очень большие деньги купить

несчастного спауна. Хотя торговцам живым товаром было все равно, чем и кем торговать. Ведь они же торговали не только спаунами, но и людьми, разных полов, возрастов, рас и разными видами животных. Например, из животных особенно ценились животные химеры. Они были несчастными существами, созданными при помощи перекрещивания различных видов животного мира. Конечно же торговля спаунами как, и людьми, животными — химерами была официально запрещена во всех странах и преступники из сферы торговли заперщенным живым товаром подвергались суровому наказанию, но разве страх перед наказанием мог кого-то остановить, когда человек становился, одержимым страстью наживы. Потом уже, зависть переросла во всеобщую ненависть и страх. Они, люди, с безумной яростью начали уничтожать нас, но это произошло позже…

А тогда, когда Кларк, нашел меня и изумленно смотрел мне в лицо — быть чем-то схожим с загадочными существами из «генетической расы», было биосоциальным запросом, супермодным развивающимся трендом всей «людской» цивилизации.

Большинство спаунов были созданы в лабораториях, их в своей среде называли «первыми» или «нерождёнными». Они представляли собой сплоченное сообщество, что-то вроде старейшин какого-нибудь архаического племенного общества из древнего мира. К ним прислушивались все и безоговорочно, считались с их мнением. Ассимилируясь в среде человеческой цивилизации, спауны впитывали в себя основные институты человеческого бытия, общества которым они были окружены. Они заключали между собой браки, союзы, договоры. Люди не могли войти в семью спаунов по естественным физиологическим причинам. Интимные отношения спаунов были тесно связаны с взаимодействием сущностей нейромодов, а они отсутствовали в организме людей. Биологическая кастовость периодически подвергалась попыткам разрушить ее, но в итоге союз человека и спауна был невозможен, так как он не имел своего продолжения. Дети «генетической расы» рождались уже вне стен лабораторий. Их ментальное мировоззрение было свободно от связи с людьми. Такая ситуация способствовала тому, что сообщество спаунов быстро развивалось, в следующем поколении появились спауны, как бы сказали люди с «разными привитыми свойствами». Среди людей стали прорастать первые ростки ненависти, первые негативные сомнения, в основе которых лежало убеждение и страх, что «генетическая раса» поглотит и уничтожит человеческую цивилизацию.

По своим свойствам и генетическому происхождению спауны

были разными. Основу составляли человекоподобные антропоморфные существа, но и были совершенно уникальные. Кларк рассказывал, что существуют редкие спауны, созданные химерическим путем. Созданные по прихоти человеческого безумия или же человеческого тщеславия. В их ДНК присутствовало множество генов животного происхождения, и они были ярким примером межвидового искусственного происхождения. Существами, сошедшими со страниц романа Герберта Уэлса, потому, что они унаследовали достаточно много свойств — как внешних, так и внутренних, от своих животных биологических видов, так называемых вторичных генетических прародителей. И если спауны называли себя кумвитаи, то особи, полученные химерическим путем, назывались тотемиты. Они жили очень уединено, скрываясь от людей и родственных им спаунов. Я видел одного из их представителей несколько раз, он был близким другом Кларка. И впоследствии он спас мне жизнь перед началом трагических событий приведших к почти полному истреблению нашего биологического вида. Его звали Гетс. Он был симбиозом генетического скрещивания человека и гепарда, произведенного китайской компанией «New Biological Species». Ему посчастливилось сбежать из этой компании в страны свободного мира, стать свободным. Он был высокий, худой с рельефами сильных мышц. Его огромные глаза цвета темной охры, на остром, скуластом лице, производили гипнотическое воздействие. Две темные полосы золотистого цвета, как величественные африканские реки, шли от нижних век глаз к крыльям скул — внешнее, отличительное наследие, доставшееся от великих хищников саванны рода Acinonyx. Движения Гетса были мягкими, но сочетали в себе быстроту и невероятную грацию, доставшеюся ему от своих межвидовых предков — гепардов. Его бархатистая кожа светлого камелопардового цвета, с едва заметными темными пятнышками, свидетельствовала, что он был создан химерическим путем. Он ненавидел людей, сторонился их, и лишь изредка, по необходимости, общался с остальными спаунами. Но Кларка он уважал, это было видно по тому, как он его слушал и относился к нему. Была одна очень веская причина их очень близких дружеских отношений. Кларк помог создать Гетсу женскую особь, похожую на него. Девушка по имени Джусс с генами гепарда, грациозная и невероятно красивая, она была идеальная пара для него. Кларк избавил его от одиночества свойственного тотемитам, подарив ему возможность испытать счастье и любовь к себе подобному существу.

Я же в этом ярчайшем калейдоскопе был серым и

незаметным. Я ничем не выделялся. Внешне я не был похож на спауна. У меня не было глаз яркого цвета, у меня были обычные светлые волосы, обычная кожа, обычное лицо — я всегда выглядел, как абсолютно обычный человек. В толпе идущих людей, никто не сказал бы, что я спаун.

Поэтому Кларк, почувствовав сильный фон, идущий от моего нейромода и увидев меня, ошеломленно остановился. Как он потом со смехом рассказывал мне — он неожиданно натолкнулся на исключительно уникальный фон нейромода в теле абсолютно простого человека.

И это была самая невероятная для него и для меня встреча.

— Кто ты?

Он присел передо мной, удивленно раскрыв ярко-зелёные глаза.

— Ты не можешь быть одним из нас. Я знаю всех «нерожденных», а ты именно такой.

Я молча смотрел на него.

После того как погибли Кира и Иван, цыганка Мара, ее несчастные внуки, после того как я избежал рук торговцев живым товаром прошло достаточно много времени. Я брел по дорогам. Спускался к рекам в расщелинах и распадках румынских гор. Я созерцал мир окружающий меня, я почти ничего не ел. Иногда, когда я выходил на дорогу или к поселениям, меня принимали за нищего и подавали пищу. Но чаще всего я падал обессиленный где-нибудь подальше от людей в лесу и Атрайе объединял мою сущность со всем окружающим миром. Моя энергия, мое сознание было везде и со всем, что есть вокруг, я был един с миром. Это давало мне возможность черпать новые силы из окружающей материи биологического происхождения, для того, что бы встать и идти. Несколько раз меня забирала полиция, но не получив ответа на свои вопросы, не находя меня в базах пропавших детей, передавала в руки органов опеки. У меня не было желания оставаться в обществе людей, поэтому каждый раз я вмешивался в сознание чиновников из опеки и уходил. Я шел, чувствуя потребность в необъяснимом поиске. Я искал существ родственных себе. И я их нашел.

Кларк натолкнулся на меня на улице Вены. Я сидел на ступеньках фонтана Доннера, рядом с позеленевшей от старости статуей полулежащего старца. Кларк курировал важное исследование в Венском Университете на кафедре молекулярной биологии и любил в свободное время прогуляться в районе площади Нойер-Маркт, в старой части Вены. Посидеть на ступеньках фонтана, любоваться на фигуру Провиденции, центральной скульптурной композиции фонтана. Он делал это

когда хотел найти спокойствие для размышлений. И тут он совершенно неожиданно увидел меня.

По его словам он почувствовал невероятно сильный фон, идущий от нейромода. Он был такой силы, что перекрывал его собственный и создавал огромный купол почти над всей площадью. Я же в тот момент был близок к состоянию сияния, так как Вена была самым большим городом что до этого я видел. Каждый камень здесь был пропитан невероятной аурой присутствия множества поколений биологических созданий. Я чувствовал остатки их следов, они взволновали меня. Кларк стал искать спаунов среди людей присутствующих на площади, пытаясь определить спауна по внешним отличиям. И был невероятно удивлен, что этот фон создавал обычный человек, мальчик сидящий рядом с ним.

— Кто ты? — повторил Кларк.

Я молча смотрел на него.

— Почему ты молчишь?

Я почувствовал на лбу горячую точку, которая разрасталась, распространяя тепло по всей голове. Но мой нейромод отреагировал, мгновенно перекрыв доступ к тканям моего мозга.

Кларк изумленно отшатнулся.

— Невероятно, — изумленно прошептал он, — прости, сынок, я не причиню тебе ничего плохого. Я просто хочу знать кто ты. Ты не отвечаешь мне. Просто позволь мне посмотреть. Моя вторая сущность Тронт не враг тебе.

«Хорошо», — сказал я про себя и позволил ему доступ к своей памяти.

Наш мозг никогда не забывает то, что мы увидели однажды, просто иногда бывает трудно вспомнить определенное событие. Кларк увидел все, что произошло со мной, начиная от рождения в стенах русской лаборатории, до всех последних событий, приведших меня к фонтану Доннера. Он сел рядом со мной и ошеломленно уставился на противоположную улицу.

— Этого не может быть, — прошептал он через некоторое время, — они смогли сделать то, что не смог сделать никто, даже мы. Но они так и не поняли что создали.

Он повернулся ко мне.

— Когда-то давно, я был немного старше тебя, и такой же потерянный, одинокий, напуганный, но я был свободный. Я искал свой путь в жизни. Как искали тысячи моих собратьев вышедших из лаборатории, которой руководил самый великий в истории человечества биолог-генетик Альберто Гирландайо. Он был наш отец, давший нам не только нашу жизнь, сделавший нас теми, кто мы есть сейчас. Он смог создать не только новый человеческий

вид, избавить нас он участи лабораторной мыши, но ввести нас, как новый биологический социум в человеческую цивилизацию. Я буду всегда, пока бьется мое сердце и мой аниматид является вместилищем моейвторой сущности помнить его. Это благодарность и признание нашему отцу.

Кларк помолчал.

— Ты не должен быть один. Не только потому, что это не безопасно. Кто — то должен направлять тебя пока ты не обретешь себя, пока ты не научишься управлять своими способностями. Пока ты не станешь настоящим кумвитаем.

Он повернулся ко мне.

— Идем со мной. Я помогу тебе найти свой путь, свое предназначение. Ты войдешь в мою семью, как равный. Мы будем любить тебя как собственного сына, — Кларк улыбнулся, — хотя ты такой же «нерожденный» как и я, — он рассмеялся, — но и не «перворожденный». Ты настолько уникальный, что это трудно поддается объяснению.

Я чувствовал в нем доброту, уверенность. Это не было ощущение присутствия набора химических веществ, создающих «ген ангела», это было нечто другое, более сложное, но впервые за достаточно долгий период времени я смог найти существо, которому я бы смог полностью довериться.

Я молча взял его за руку. В ответ Кларк похлопал меня свободной рукой по плечу и уверенным голосом сказал.

— Идем. Ты, наверное, очень голодный, — он весело рассмеялся, — нет, я просто уверен, что ты очень, очень голодный. Эва готовит потрясающий тафельшпиц и суп с блинной соломкой. А потом я познакомлю тебя со всеми твоими собратьями. Поверь нас достаточно много и все будут рады такому… — он растеряно пожал плечами, — необычному спауну. Но мы себя называем кумвитаи, — он кивнул головой, — да, это звучит более благозвучно.

Кларк жил в небольшом, но достаточно просторном доме на Яунерштрассе, рядом с великолепным небольшим парком Наполеонвальд.

На пороге нас встретила очень красивая женщина. Ее лицо, так же как и у Кларка было очень четкой правильной формы, абсолютно симметричное. Большие глаза сиреневого цвета в обрамлении очень длинных ресниц смотрели с легкой усмешкой и теплотой. Густые волосы переливались при каждом движении, словно на них были нанизаны миллионы ограненных бриллиантов. Он протянула ко мне длинную заостренную, как лепесток лотоса ладонь и погладила по щеке. От ее прикосновения по всему моему телу прошла теплая волна

спокойствия и умиротворения.

— Добро пожаловать домой дружок. Хватит тебе путешествовать. Теперь у тебя есть семья, — ласково сказала она мне и смешно нажала мне утонченным красивым пальчиком на кончик моего носа.

Из-за ее спины вышла девочка моего возраста. Она унаследовала от матери искрящееся и переливающееся волосы. Ее глаза были глубокого синего цвета с ярко выраженным перламутровым эффектом.

Кларк представил их.

— Познакомься, моя жена Эва и дочь Мюриэл. Теперь мы все твоя семья.

Девочка, вместо приветствия нахмурившись, спросила.

— Зачем ты привел хосапа? (уничижительное прозвище людей, производное от хомо сапиенс — прим. Автора).

— Мюриэл! — недовольно воскликнул Кларк.

— Ну, они же нас называют спаунами! — обиженно возразила она.

— Во-первых, все равно это не дает тебе право так обращаться к людям, а во-вторых он такой же, как и ты кумвитай. И поверь, он обладает удивительными возможностями.

— Но почему он выглядит не так как мы? — не унималась девочка.

Женщина стоявшая рядом и с улыбкой наблюдавшая за спором. Присела рядом с девочкой и сказала.

— Мюриэл, внешние признаки не важны. Помнишь, что я тебе говорила? Важно то, что у тебя здесь и здесь.

Он ласково коснулась ее головы и тела, там, где должно быт сердце.

Мюриэл осторожно подошла ко мне.

— И у тебя тоже есть вторая сущность, хотя ты и не похож на нас?

«Атрайе», — ответил я про себя.

— Моя вторая сущность Юнифь, — гордо сказала она.

«Какое же глупое имя», — мне оно показалось очень смешным.

И тут же получил звонкий шлепок по лбу ее ладошкой.

— За что?! — не выдержав воскликнул я.

Кларк рассмеялся.

— Ну, наконец-то ты заговорил.

Мюриэл надула губы и гордо вздернула подбородок.

— Еще раз так скажешь, получишь сильнее! На свое имя посмотри! Звучит, как собачья кличка.

Я так расслабился, что даже не заметил, как она прочитала

мои мысли. А нейромод не блокировал вторжение. Мюриэл развернулась и гордо подняв голову, пошла от меня прочь.

Кларк и Эва тихо смеялись видя как прошло мое первое знакомство с Мюриэл. Потом Кларк подошел ко мне, взял за плечи и едва сдерживаясь от смеха сказал.

— Да, брат это прелести жизни в семье спаунов, — он, усмехаясь, посмотрел на Эву, подмигнул ей и сказал, — надо всегда быть начеку иначе кто-то может прочитать твои мысли не предназначенные для него.

— Ну, хватит Кларк, у тебя еще будет время рассказать, как ты прячешь от меня свои мысли. Нам пора наконец-то накормить…

Эва задумчиво посмотрела на меня.

— А как твое имя?

Она сосредоточено посмотрела на меня.

— Жуссена, моя вторая сущность.

Я почувствовал уже знакомую тепловую точку на лбу, но нейромод тут же перекрыл доступ в мой мозг. Но это не помогло, тепловые волны, просачивались словно через маленькие отверстия в решете, находя каждый раз невидимые бреши в защите. Нейромод перекрывал попытки сканирования то одной волны, то другой, но они множились в новом месте, их число росло в геометрической прогрессии и они снова проникали, а через некоторое время я почувствовал тонкие теплые струны пронизывающие весь мой мозг. Их теплый клубок сжался опутав тело биочипа, лишив его возможности сопротивляться.

Кларк знал, что Эва пытается прочитать мои мысли, найти информацию в моей памяти.

— Поверь мне сынок она лучшая в этом деле. Ее создавали специально для того чтобы находить самую потаенную информацию в мозге. Теперь ты понимаешь, как мне тяжело живется, — весело усмехнулся он глядя на меня, — но придет время, ты научишься противодействовать этому.

Мне совсем не нравилось, что кто-то пытается влезть в мою память.

«Атрайе», — сказал я про себя, — «нет».

И нейромод, прежде чем сдаться Эве создал сложную нейронную путаницу. Предоставив ей возможность бродить по ней.

Эва в порыве восхищения щелкнула пальцами, и ощущение тепла пропало.

— Молодец мой мальчик! Ты просто гений! Так быстро и эффективно разделаться со мной, — она погладила меня по голове, — я бы целую вечность могла бродить по твоей

нейронной запутанности, так и не узнав никогда твоего имени. Но все же у тебя должно быть имя.

— Там меня все звали Георг.

— Очень хорошее имя, — кивнула головой Эва и посмотрела на Кларка.

— Думаю да, — он согласно качнул головой в ответ, — мы дадим тебе свою фамилию Аренский.

— Ты не против? Георг Аренский. Мне кажется, это звучит, — он разлохматил мне волосы на голове и подтолкнул в направление комнаты, — А теперь пойдем посмотрим чем нас накормит Эва.

Вечером пришли несколько спаунов и один человек. Это были близкие друзья Кларка и Эвы. Они были приглашены на ужин, а так же для того чтобы представить им меня. Мы с Мюриэл сидели в дальнем углу стола, изредка отвечая на обращения к нам. Или отвечали на шутки в нашу сторону, причем на них отвечала Мюриэл, удачно парируя каждую колкость. Все искренне смеялись, награждая ее заслуженными аплодисментами.

— Кларк, как вы думаете много у русских представителей вашего вида? — спросил человек, отложив вилку на край тарелки и задумчиво посмотрел на меня, — я впервые слышу, чтобы там могли создать нечто подобное.

— Я не могу сказать точно, я могу только лишь судить по тому, что мне удалось найти в памяти Георга, а там он фигурирует один, — Кларк сделал паузу и продолжил, — в компании еще одного ребенка, но я думаю, что он человек.

— Удивительно, что русские, отставая во всех технологиях, смогли так далеко продвинуться.

Человек сначала мне не понравился. Я сосредоточился на его нейронной активности пытаясь понять, представляет он угрозу или нет. Но натолкнулся на глухую стену, и все мои тщетные попытки разбивались на мелкие осколки. Он весело улыбнулся и чуть наклонившись ко мне дружелюбно сказал.

— Полегче, сынок мы люди тоже кое-что умеем. Правда, это лишь технические средства, а не как у вас способности данные от рождения.

Потом, уже обращаясь к остальным гостям весело воскликнул.

— Вот сорванец, он только что попытался вывернуть мой мозг наизнанку!

Все рассмеялись, а Эва положила свою руку человеку на запястье миролюбиво сказала.

— Алтман, ну ты же знаешь, с кем ты имеешь дело. В нашем обществе очень трудно удержать тайну, даже известную одному

человеку. И тебе очень повезло, что твой имплантат с самой высокой защитой. Просто Георг еще не знает всех своих возможностей иначе даже он не спас бы тебя.

И обращаясь ко мне строго сказала.

— Георг, милый, так делать нельзя. Мы кумвитаи, уважаем право каждого существа на неприкосновенность личного сознания, каждого. Ты меня понял?

— Я понял Эва, — смущенно сказал я, понимая что мне нужно еще о многом узнать и многому научиться.

Под столом я получил легкий пинок по ноге. Я повернулся к Мюриэл. Она наклонилась ко мне и грозно прошептала.

— Попробуешь со мной что-нибудь подобное вытворить, получишь не ладошкой по лбу, а кулаком. А попытаешься повторить, я сожгу твой мозг, как бифштекс на барбекю.

Она тряхнула своими переливающимися волосами, склонила голову набок к плечу, смешно округлила свои синие перламутровые глаза и показала язык, демонстрируя какое будет у меня лицо, если она осуществит свою угрозу. Я не выдержал и засмеялся. Кларк посмотрел на меня и кивнул головой, довольный, что я начинаю «оживать», не просто односложно отвечая на вопросы, но и проявляя добрые эмоции свойственные ребенку.

— О каких возможностях вы говорите?

Спросил спаун, сидящий рядом человеком. Он обладал характерным правильным, симметричным лицом, глазами яркого цвета фуксия. У его ушей была особое строение раковины и на его длинных грациозных руках было по шесть пальцев. Это был Артуро Инганнаморте один из самых известных пианистов Вены и Мира. Через несколько лет, не смотря на свою фамилию, которая переводится, как «обманувший смерть» он погибнет одним из первых от стальных рук персекутора. Безжалостная машина убьет его прямо за его любимым роялем малинового цвета, который был сделан специально для него великим мастером Фациоли. Он будет лежать лицом на клавишах своего любимого инструмента с выжженным мозгом и почерневшими глазами, в которых будет едва видно удивление и недоумение происходящим.

Кларк задумчиво постучал вилкой по краю тарелки в наступившей тишине.

— Из того что я видел, когда Георг допустил меня к своей памяти. Могу сказать, что в нем заложен невероятный потенциал, он пока еще не может всем пользоваться. Для меня он как чистая книга с текстом написанными секретными чернилами и он просто не может их сам прочитать. Моя задача раскрыть… Проявить для

него эти скрытые тексты.

Напротив него сидела супружеская пара спаунов. Девушка с белым, как снег лицом и голубыми глазами спросила.

— И все же Кларк, какие способности вы бы выделили в первую очередь.

Ее звали Дельта, они с мужем были особыми спаунами со свойствами, позволяющими им работать на очень больших глубинах мирового океана. Большую часть времени они проводили на глубоководной станции, в Тихом Океане занимаясь исследованием морских животных мирового океана. Она и спауны подобные ей были созданы для океанографического института в Монако, легендарного заведения которым руководил Жак Ив Кусто. Они без проблем выдерживали убийственное для человека давление воды и имели нейромоды аниматидного типа. Они работали с ДНК морских млекопитающих, рыб, моллюсков, водорослей. Благодаря им были сделаны замечательные научные открытия, созданы уникальные препараты для медицины и промышлености. Но через несколько лет они так же как тысячи других кумвитаев будут убиты персекуторами. Несколько биокибернетических существ предназначенных для убийства незаметно опустились на дно в районе глубоководной станции «Генезис Аква». Разрушили шлюзы, ворвались на станцию и выжгли нейромоды, превратив в кусок черного угля мозг всех пятнадцати спаунов работающих на станции. Их тела так же как и тела Дельты ее мужа Берга остались в заполненных водой помещениях станции. Моряки, побывавшие в районе станции, рассказывали, что после гибели станции тысячи морских животных касатки, дельфины, киты кружили, издавая такие жалобные звуки, что мороз шел по коже. Водолазы пытавшиеся опуститься к станции, чтобы забрать данные погибли разорванные сотнями огромных белых акул.

— Он умеет сиять.

Над столом раздался всеобщий вздох удивления.

— Это в его-то возрасте? — спросил спаун, супруг девушки с белым лицом.

— Да, — кивнул Кларк, — он смог прийти к этому сам. Удивительно, но никто ему этого не показывал и никто не рассказывал, как это делается. И это не все. Многие из нас имеющие аниматид умеют сиять. В этом нет ничего удивительного. Мы, работая с конкретным биологическим объектом, делаем это, но там же и ограничиваемся. А его сияние намного глубже и сильнее чем у каждого из нас. Частота волн его сияния такая большая, что каждая волна копируется, множится и, в конце концов, сливается в единый поток квантовых частиц. И

где-то на незримой границе этого потока происходит его воссоединение со всем миром, со всей материей, — Кларк потер лоб, — я бы сказал со всей органической Вселенной, то, что представляет собой жизнь. Я даже не представлял что это возможно. Но как это видно, такое вполне возможно. Просто поразительно.

Наступила тишина.

Мюриэл наклонилась ко мне и снова легонько пнула меня по ноге.

— А ты, хосап-замарашка, оказывается с сюрпризом. Но не думай, что это тебе позволит влезать в мои мозги. Если что я найду способ запечь твои нейроны, будет тебе клубок черных ниточек, не распутаешь.

Она посмотрела на меня, смерив взглядом сверху вниз и добавила.

— А с другой стороны, ты можешь пригодиться мне. У меня в оранжерее ест парочка растений, с которыми я никак не могу разобраться, что к чему.

Я молча смотрел на нее.

— Ты чего опять онемел что ли? Или чтобы ты издал звук тебя надо шлепнуть ладонью по голове? — сердито спросила она, — поможешь или нет?

— Да, — улыбаясь, сказал я и добавил, — у тебя самые красивые глаза, что я видел в своей жизни.

Она растеряно уставилась на меня.

— Вот еще… Ты чего? Как там тебя? Ну, знаешь…, — смущенно забормотала Мюриэл и сконфужено замолкла.

Именно в этот момент я почувствовал, что у меня есть семья, и мой путь поисков окончен.

Проклятый код. Создатель

Любовь для спаунов значит намного больше, чем любовные отношения людей. Мы создаем пары и вступаем в брак лишь единожды. Выбираем себе спутника жизни один раз и навсегда. Люди могут жениться или выходить замуж много раз за всю свою жизнь, вступать в интимные отношения без обязательств, выбирать себе партнеров для близости столько, сколько считают нужным или насколько им позволяет их мировоззрение, закон, религия, общественные правила морали, которых они придерживаются. У нас же все совсем по-другому, любые полиаморные отношения ограничены взаимодействием двух нейромодов аниматидного типа.

Объяснение этому простое — все дело в Сиянии. Но не так просто объяснить само явление Сияния.

Сияние — знаменитая способность спауна излучать загадочный свет. Это невероятная способность спауна, при котором он становится источником сильнейшего потока волнообразных колебаний безмассовых, не имеющих заряда квантовых частиц, тех, что получили название «калибровочные бозоны». Спаун может быть источником трех хорошо известных науке бозонов: фотонов, W- и Z-бозонов и глюонов — всех бозонов, действующих, как переносчики фундаментальных взаимодействий в мироздании, плюс еще одного слабо изученного бозона получившего название vita-E. Именно они позволяют нам соединяться со всем окружающим миром, менять его, но и они же важная суть в наших взаимоотношениях с противоположным полом — определяя нам спутника по жизни лишь одного.

Впервые эффект Сияния у спаунов открыл великий гений, биолог, генетик, физик и астрофизик, химик Альберто Гирландайо. За свою разносторонность в научных познаниях он получил одно из своих многочисленных прозвищ «Леонардо Современности» — так окрестила его пресса и околонаучное комьюнити. С этим эффектом он столкнулся, когда участвовал в совместном проекте нескольких университетов и ряда биокомпаний спонсировавших исследования. Цель проекта фундаментальное изучение сложных органических молекул, найденных в космосе которые являлись строительными элементами жизни. Идея проекта родилась из утверждения, в котором была подвергнута сомнению «теория первичного органического бульона», автором которой был известный советский биолог Александр Опарин, так, как имела ряд

существенных не состыковок в процессах, объясняющих самозарождение органической жизни на Земле. Обнаруженные в великоммножестве и разнообразии сложные органические молекулы в космосе, стали причиной заставившей Альберто Гирландайо и его коллег всерьез обратится к теории космической панспермии. Но они рассматривали ее, не обращаясь к фантастической роли инопланетян в этом процессе, и даже отставили в сторону претендентов на эту вакансию — кометы и метеориты. Они решили идти дальше и заглянуть глубже, считая, что органические «кирпичики» сложнейшего строения под названием органическая жизнь не просто по воле случая занесло на Землю в благоприятные условия. Гирландайо считал что звезды, являются не только вселенскими фабриками по производству всех элементов, начиная от гелия и заканчивая синтезом ядер тяжелых металлов. Он считал, что звезды наполняют вселенную органическим молекулами. Чаще всего в тот момент, когда они взрываются и выбрасывают в межзвездное пространство огромное количество газа содержащего в себе именно сложные органические молекулы. Он был уверен, что космос буквально наполнен жизнью.

Экспериментируя, были синтезированы сложные органические молекулы подобные тем, что были найдены в космосе, а также в экспериментах использовались оригинальные органические молекулы, найденные в самом космосе и попавшие в специальные ловушки, установленные на космических станциях. Они были принесены к Земле потоками галактического ветра, вызванного взрывами тех самых погибающих звезд, выбросивших в межзвездное пространство огромное количество различных веществ и среди них уже известные сложные органические молекулы. Они все использовались в экспериментах подобных знаменитым опытам Хэролда Юри и Стэнли Миллера, заключавшиеся в пропускании электрических разрядов, имитирующих молнии, сквозь смесь более простых молекул. Но если Юри и Миллер пытались доказать, что так можно добиться цепочки взаимопревращений молекул аммиака, воды, метана в более сложные. То Альберто Гирландайо и его коллеги хотели получить жизнь, а именно увидеть, как эти молекулы могут «собраться» в высокоорганизованные живые существа. Ничего не получалось до тех пор пока, не стало ясно что необходимо воздействие еще какой-то некой «силы». Так был открыт четвертый бозон получивший название vita-E. Правда, это был не совсем типичный бозон с характерными для этих частиц свойствами, но по основным характеристикам он подходил для этого определения. Сам Альберто Гирландайо предпочитал

называть его хромосомным лазером или хромосомным лучом. В прессе его сразу же окрестили «Перстом Божьим», чем вызывали крайнее раздражение самого Гирландайо. Установить источник его происхождения в космосе было невозможно. Поэтому великий ученый задался целью создать его источник здесь на Земле.

Но, так или иначе, это было невероятное открытие позволившее создать совершенно новую генерацию человеческого вида. Альберто Гирландайо пытаясь создать устойчивый источник, генерирующий поток фотонов, W- и Z-бозонов, глюонов и главное бозонов vita-E обратился созданию управляющего центра, некий нейро-машинный симбиоз кибернетики и биологии помещенный в мозг человека. Так как человек представлял собой сложнейшую органическую субстанцию именно молекул «собравшихся в высокоорганизованное живое существо» и уже в силу своего природного происхождения, изначально, со своего зачатия, когда происходило образование хромосом, подвергся влиянию бозонов типа vita-E.

Он поместил виртуальную квантовую матрицу способную сформировать структуру биочипа в зародыш человека, там, где должен был образоваться мозг. И через некоторое время с удивлением обнаружил, что произошло образование параллельной, невероятной по своим свойствам и возможностям, нервной системы в развивающимся организме человеческого плода. Квантовая матрица, вступая в симбиотический союз с формирующимся мозгом, становилась основой многослойного сложнейшего синтетического биочипа фрактального типа, вокруг которого постепенно формировалась сложнейшая структура — нейромод. Структура получила официальное упрощенное название, управляющее конектомное устройство. Альберто Гирландайо многократно отмечал ошибочность и неточность такого названия, но удивительно это название стало определяющим, и впоследствии даже сам первооткрыватель и создатель смирился с этим.

Первоначально это работа делалась медицинскими микроскопическими нанороботами с запрограммированным ядром из вируса бактериофага. Но потом по мере изучения бозона vita-E операция, названная noneurological seminandum осуществлялась с помощью явления, самого хромосомного лазера, которым научились оперировать, преломляя его и изменяя его свойства, степень воздействия. Но, так и не зная источник его происхождения. Кумвитаи чаще называют его квантовым пинцетом, но и они толком не знают его происхождение, лишь могут пользоваться им, косвенно управляя его свойствами. Загадка, не разгаданная никем, кроме самого

Альберто Гирландайо. Но тайну эту, он унес с собой, так и не открыв ее никому.

Это печальное событие произошло, когда люди разрушили главное дело его жизни.

Гирландайо проводил свои эксперименты на переоборудованном супертанкере типа «Batilus», гигантское морское судно длиной более четырехсот метров и шириной шестьдесят метров, названный «Горизонт Бигль», в честь одного очень известного корабля. Это был настоящий плавучий научный город, где собрались ученые со всего мира для проведения экспериментов запрещенных или имевших подзаконную интерпретацию — по тем или иным причинам невозможным в цивилизованном мире. Впоследствии по задумке Альберто Гирландайо его плавучий город должен был стать основой для появления на Земле новой страны — государства спаунов. Он даже арендовал на сто лет с последующим выкупом два острова во Французской Полинезии в самом сердце Тихого Океана. Откровения, связанные с открытием источника таинственного хромосомного лазера изменили Альберто Гирландайо. Он переосмыслил все основы мироздания, став грустным, замкнутым, малообщительным — избегал появления в общественных местах, откладывал процесс создания страны кумвитаев. Большую часть времени он проводил в кормовой части судна, спрятавшись ото всех, проводя время в размышлениях или, как он говорил в редкие минуты откровений со своими близкими, философских сомнениях. Его так и прозвали Великим старцем Тихого Океана.

Компания, принадлежавшая ему, и занятая исследованиями в области синтетической биологии, химии и генетики существовала сама по себе, он очень редко вмешивался в ее дела, доверяя управление ею нескольким спаунам из генерации первых «нерожденных». Он больше не вел работ по созданию и усовершенствованию спаунов. Его иногда навещал самый близкий его друг, один очень эксцентричный цифровой магнат по имени Джеф Хардифф. Они по несколько дней общались, уединившись в кормовых покоях Великого старца Тихого Океана. Потом Хардифф улетал, пряча свое лицо за полями широкополой ковбойской шляпы и тонированными стеклами реактивного самолета. Альберто Гирландайо подолгу стоял у борта, глядя как самолет с вертикальным взлетом медленно поднимался, а потом уносил его друга на континент. Его седые волосы, всегда тщательно уложенные трепал морской ветер, а в серых глазах была печаль вызванная одиночеством и грустью. Он мог так стоять часами, в строгом черном костюме и белой рубашке без

галстука, смотря туда, где за горизонтом скрылся самолет, оставив за собой белую полосу. Потом молча уходил, лишь вежливо улыбаясь и кивая тем кого, встречал на своем пути.

Когда началось всеобщее уничтожение спаунов, плавучий научный город подвергся беспощадному разрушению. Сначала коалиционная эскадрилья дронов уничтожила все малочисленные средства защиты и подавила узлы связи корабля. Ракетами, выпущенными с бортов дронов, были разрушены антенны дальней космической связи, а лазерные лучи высокой мощности прожгли обшивку, уничтожив силовые установки. Корабль лишился связи с космической станцией совместно принадлежавшей компании Гирландайо и Хардиффу. Потом высадился спецназ коалиции. Бойцы спецназа жестоко перебили немногочисленную охрану корабля и уничтожили частные полицейские силы, оказавшие им сопротивление. Зачистку от спаунов произвели несколько отрядов укомплектованных ужасными существами — персекуторами. Они беспощадно убили всех спаунов, что находились на корабле. Целый месяц силы коалиции пытались получить доступ к данным хранящимся на серверах, но не смогли. Хранением и шифрованием данных занималась компания Джефа Хардиффа, но он загадочно исчез незадолго до начала этих печальных событий, как исчезла его компания, словно ее никогда не существовало (имеются в виду события из моего романа «Последняя игра Богов» — прим. Автора). Наконец специалисты сил коалиции вывезли все биологические образцы и доступные им материалы по проводившимся на корабле исследованиям. А сам корабль «Горизонт Бигль» был уничтожен несколькими термобарическими зарядами. Высокая температура уничтожила все биологически «следы», вода буквально кипела от яростного огня. Еще в течение года акватория, где он был уничтожен, была закрыта, а проход рядом с ней для кораблей был строжайше запрещен.

Судьба самого Альберто Гирландайо неизвестна. Существует множество слухов, что его содержат в одной из частных орбитальных тюрем в секретной камере, также есть мнение, что он был просто убит персекутором. Но среди оставшихся в живых спаунов живет надежда, что ему удалось покинуть плавучий город и благополучно укрыться на одной глубоководной станции созданной им на дне мирового океана, в распадке рядом с подводным хребтом Геккеля. И якобы он сейчас находится там, скрытый ото всех километровыми щитами непроходимого льда. Но я думаю, что все эти предположения бессмысленны. Людям не зачем убивать такого великого ученого и также глупо отправлять его в одну из жутких орбитальных тюрем. А на дне мирового

океана его рано или поздно нашли бы автономные роботы-охотники. Я думаю, наш Создатель, кем является Альберто Гирландайо, жив. Но где он? Поиском его я займусь, когда закончу все дела здесь. У меня есть вопросы, на которые я хочу у Создателя получить ответ. Иначе, мы, кумвитаи, были созданы зря, впустую, но тогда и Жизнь не имеет значения для Вселенной.

Я встречался с ним лишь один раз, когда было объявлено о нашей свадьбе с Мюриэл. Это было давно ожидаемое событие в нашем сообществе спаунов, тех, кто был близок к Кларку и Эве. Мюриэл уже не была той задиристой девчонкой угрожавшей поджарить мой мозг, а со временем повзрослев, превратилась потрясающе красивую девушку, унаследовав множество черт своей матери и те уникальные черты, что воплотили в ней Кларк и Эва. Наши симпатии друг к другу росли из года в год, все кто был вокруг нас, наблюдали за их развитием, понимая, что наш союз закономерный итог многолетнего близкого общения. Единственное что все еще отделяло нас последнего шага навстречу друг другу, это соединение двух наших вторых сущностей. Мы зависели от того, как оно пройдет и насколько наше совместное Сияние, будет удачным и точным.

Дело в том, что у каждого спауна уникальное количество синапсов идущих от второй нервной системы сформированной биочипом нейромода. Их может быть ровно миллиард, а может быть чуть больше трех миллиардов, а может быть четырех с половиной миллиардов и несколько сотен — никто этого не знает даже сам кумвитай. При выборе своей второй половины в совместном сиянии происходит соединение синапсов нейромода спауна женщины и спауна мужчины. В этот момент мы становимся одним единым целым и одновременно сохраняем свою половую принадлежность, как люди. Если вдруг возникает разница в количестве синапсов, а это происходит всегда, я ни разу не слышал, о том, что они совпали у какой-либо пары. То два нейромода формируют у одного из кумвитаев недостающие синапсы, а у другого наоборот лишние синапсы исчезают, происходит синоптическое выравнивание. Они, появившиеся синапсы соединяются со свободными синапсами партнера. Сформировавшись один раз, их количество уже больше не меняется никогда. Поэтому каждый кумвитай может выбрать себе спутника жизни лишь только один раз и навсегда. Самое ужасное происходит если кумвитай теряет того кого с кем он был соединен для жизни, любви и продолжения себя. При этой ужасной потере, часть синапсов появившихся во время первого совместного сияния отмирает, доставляя невероятную боль и страдания оставшемуся в живых. Они еще долгое время

пульсируют в нас мертвыми точками. Мы также теряем часть важных воспоминаний, ту часть счастливых переживаний, что подарило нам время, когда мы были вместе. Это я пережил, сполна потеряв Мюриэл. Ее образ остался во мне расплывчатым блуждающим фантомом, который неожиданно появляется и исчезает, оставляя после себя горечь и боль. Я пытаюсь вспомнить ее удержать в своей памяти, но с каждым днем теряю ее все больше и больше. Я пишу эти строки, в надежде, что когда я окончательно потеряю ее, когда во мне замолчит последний «мертвый синапс» данный мне ее второй сущностью, останется небольшой островок, в моей душе сохранивший для меня уже незнакомый мне образ. И пусть я буду смотреть на этот образ, не понимая, кто передо мной, эти строки напомнят мне, что когда-то я был счастлив.

В тот день было приглашено большое количество гостей. Я еще никогда не видел столько спаунов в одном месте. От разноцветья ярких волос, глаз, цвета кожи казалось, это начало шумного бразильского карнавала. Я увидел не только самых близких друзей Кларка и Эвы, но их друзей приехавших из разных уголков планеты, вернувшихся ради такого случая из далеких глубин космоса и земных океанов. Мой нейромод пульсировал, как раскаленная звезда, готовый взорваться, соприкасаясь с фоновой частотой каждого спауна. Я познакомился со множеством самых невероятных химерических спаунов. Они вызывали неподдельное искреннее удивление разнообразием скрещенных между собой видов. Надо ли говорить, я чувствовал себя немного неуютно, выглядя, как простой человек. Мюриэл смеялась надо мной, предлагая в шутку надеть карнавальный костюм, что бы ни быть безликим серым пятном среди этой яркой компании существ новой генетической расы. Видя мою грустную гримасу, которую я делал в ответ, она подходила ко мне обнимала и нежно целуя, признавалась, что полюбила меня именно за то, что я выгляжу, как простой человек. Она смотрела мне в глаза и, смеясь, говорила, что уж она-то постарается, чтобы наши дети были ярким утешением мне — «хосапу замарашке».

— Уж поверь, я их разукрашу так, что с них можно будет брать краску кистью. Волосы, глаза, какого ты хочешь цвета? А может быть, мы создадим их особенными? Чтобы они стали величайшими кумвитаями в истории.

Я держал ее в своих объятьях, смотрел в ее самые красивые глаза на Земле и, подыгрывая ей, в шутку отбивался от ее фантазий.

— Только не перестарайся.

Я держал ее руки у своих губ, а она, зажмурив глаза, улыбаясь, мотала головой из стороны в сторону.

— Не-е-е-т… Даже не пытайся меня отговорить. Я сделаю их яркими, как свежая палитра мастера живописи.

Это были наши мечты.

Дети. Я так и не познал этого. Дети у спаунов важная часть сияния. Появление на свет наших детей и детей у людей имеют большие очень важные различия. В момент интимной близости, когда синапсы нейромодов соединены с помощью сияния, мы, если того пожелаем, можем зачать дитя. Для нас нет определенных временных условий — для нас это процесс управляемый. В обоюдном сиянии возникает виртуальная квантовая матрица, основа будущего биочипа она проецируется на поверхность женской яйцеклетки, а в дальнейшем ее оплодотворение происходит так же, как у людей. В период эмбриогенеза, как только начинается стадия нейрула, что в переводе с греческого значит нерв, на месте где проецировалась виртуальная квантовая матрица, и остался «фотонный шрам» или, как его еще называют «фотонный след» — это будущая структура биочипа, появляются контуры не только человеческой высшей нервной системы, но и синапсы параллельной нервной системы сущности кумвитая. А в дальнейшем беременность практически идентична человеческой, за исключением того что мы можем корректировать ДНК своего эмбриона, плода. Мы можем задать своему ребенку самые уникальные свойства. И, в конце концов, также через девять месяцев на Свет появляется ребенок. Пока он растет, он еще не понимает своего предназначения, своей уникальности. Примерно к десяти годам в нем происходит окончательное формирование нейромода — управляющего конектомного устройства. Так происходит по причине того, что все спауны созданные Альберто Гирландайо, а впоследствии и рожденные от близости, возникшей между спаунами женского и мужского пола, имели, так называемый аниматидный нейромод. Аниматид — вместилище второй сущности спауна, его душа. Через некоторое время аниматид называет свое имя и если спаун правильно отвечает ему, происходит процесс инициализации, сопровождающийся событием первого Сияния, тогда окончательно соединяются две сущности — человеческая и сущность кумвитая. Происходит то, что дает нам возможность управлять ДНК и всей органической Вселенной окружающей нас.

После попытки людей уничтожить мой вид, люди какое-то время пытались отказаться от создания спаунов, но уже не могли больше без них обходиться. Короткая эра восхищения спаунами бесследно прошла, уступив место недоверию и подозрительности.

Но полное отсутствие спаунов означало для человечества возврат в темные времена малоэффективной медицины, возврат к хирургии и хирургическим роботам, долгим научным исследованиям с большим коэффициентом ошибок и тупиков. Отказ от исследования дальнего космоса, а экспансия человечества в галактике уже началась. Репликанты, которые тоже были спаунами, были наделены уникальными свойствами, позволяющими им исследовать дальний космос и вести работы по терраформингу, создавая для людей пригодные условия жизни на других планетах. Многие из них, пытаясь тайно вернуться на Землю, были беспощадно уничтожены специальным отрядом полиции.

Также людям пришлось бы свернуть важные работы с человеческим геномом, а это грозило серьезным торможением исследований в области синтетической биологии, как следствие утрата контроля над ней, что создавало ряд серьезных опасностей для существования людей. Эволюция все чаще и чаще преподносила людям новые крайне опасные сюрпризы в виде мутировавших вирусов, устойчивых к антисептике бактерий и смертоносных грибковых заболеваний, которые ранее были неопасны.

Но люди нашли выход, как находили его всегда за время существования человеческой цивилизации. Они стали создавать спаунов без аниматида и не способных оставить после себя потомство, поэтому не способных составить конкуренцию их биологическому виду. Кроме этого они надежно подстраховались, устанавливая на биочипе нейромода нейронную перемычку, которую можно было разорвать дистанционно, что вызывало мгновенную смерть спауна. Таких спаунов прозвали «черными спаунами» из-за цвета перемычки, он была абсолютно черной. Набор чувств, входящих в комплект эмпатических способностей распространялся не на всех людей, поэтому отношение людей к черным спаунам было, как к машинам, к инструментам, которые можно создавать по заказу и так же утилизировать за ненадобностью, когда они больше не нужны. Но это было уже позже.

А тогда же, на торжестве, посвященном нашей с Мюриэл свадьбе, я познакомился с Альберто Гирландайо, мне удалось немного поговорить с ним о будущем, о жизни. Но, не смотря на столь оптимистическую тему, я в его глазах я видел глубокую печаль причина, которой мне так и осталась неизвестной. Я предполагаю, что он предвидел нашу судьбу и печальный конец своей жизни, а может быть, он видел еще что-то, знал некую истину недоступную ни нам, ни людям.

Это было как сон, состоявший из разрозненных обрывков.

Он появился среди пестрой толпы спаунов совершенно неожиданно, словно он всегда был среди приглашенных гостей. Никто даже не заметил небольшой реактивный самолет, незаметно опустившийся на большую площадку за домом.

Я лишь почувствовал невероятное фоновое возмущение, созданное нейромодами всех присутствующих спаунов. Это была смесь восхищения, ликования, уважения, трепетного ожидания. Я ни разу не видел представителей своего биологического вида пребывающих в таком сильном возбуждении. Впрочем, оно тут же сменилось, уступив место спокойствию. Внезапно толпа, разбитая на несколько беседующих между собой групп почтительно расступилась, они схлынули подобно волнам во время отлива, обнажая одинокий морской камень, торчащий из песка, и на открытом пространстве остался, стоять человек в черном костюме и белой рубашке. Трудно было по внешнему виду определить возраст этого человека. Он был худым, достаточно высоким, было видно, что он уже далеко немолодой, но в нем не было ничего старческого, что указывало на преклонный возраст, кроме густых седых волос, тщательно уложенных на правую сторону. Он стоял прямо, смотря перед собой. Большие серые глаза «выцветшие» от возраста, но без старческого помутнения роговицы, без характерной поволоки. Прямой тонкий нос и слегка без напряжения сжатые, в легкой усмешке губы. Кожа лица во множестве мелких морщин, но без пигментных пятен, красных сосудистых точек, покраснений, отечности. Было бы логичным предположить, что этот человек подвергся очень хорошей клеточной терапии омоложения. В его ДНК были внесены множества изменений позволивших ему, не смотря на свой возраст выглядеть так. Казалось, он хотел подчеркнуть свой возраст, но при этом не выглядеть немощным стариком.

Старик улыбнулся улыбкой, в которой было столько мягкости и доброты, что сердца многих стоящих вокруг наполнились волнительным ожиданием, такое ожидание мы испытываем в предчувствии чуда, и он сказал, обращаясь ко всем.

— Здравствуйте дети мои.

Вокруг стояла оглушающая тишина, все благоговейно смотря на него, молча поклонились в ответ. Кларк с Эвой вышли вперед, навстречу к нему. Он же в ответ широко раскинул руки, чтобы принять каждого из них в свои объятья.

— Создатель! Отец, ты пришел… — со слезами на глазах бросился к нему Кларк.

Альберто Гирландайо обнял его.

— Наконец-то я увидел тебя мой мальчик. Теперь ты уже сам

Создатель. Теперь тебе есть чему учить меня.

Эва, стоявшая рядом, взяла его за руку и приложила ее к своим губам.

— Нет, — мягко протестуя, старик отвел свою руку, и нежно взяв ее за плечо, поцеловал Эву в лоб, — дочь моя, я должен целовать твои руки.

Кларк кивнул нам с Мюриэл.

Мы молча подошли.

— Это наш Создатель, наш Отец — Альберто Гирландайо, — сказал Кларк.

Старик в ответ погладил Мюриэл по волосам.

— Ты такая же красивая, как и твоя мать, — кивнул он, повернулся к Эве и весело сказал, — дочь моя, я горжусь тобой. Ты смогла превзойти все мои достижения. Ты создала самое прекрасное чудо, что я видел в своей жизни.

Эва улыбаясь, закрыла глаза, склонила голову и благодарно кивнула ему.

Он повернулся ко мне, внимательно посмотрел, протянул мне руку. Я коснулся, желая пожать ее, и тут же пришел в полное замешательство. Ведь я спаун, кумвитай, я должен был видеть перед собой и чувствовать живое существо, но я не видел ничего. Абсолютно ничего, словно передо мной не было человека. Я не видел жизни, я не чувствовал ее — это была пустота.

Потом я спросил у Кларка, почему видя пред собой Альберто Гирландайо и чувствуя тепло его руки, я ощутил перед собой абсолютную непостижимую пустоту, как будто передо мной ничего не было. Это был как странный сюрреалистический обман — я видел несуществующий в природе образ. Кларк долго в растерянности молчал, а потом неопределенно ответил.

— Странно, что ты увидел его таким. Вернее странно, что он показал тебе себя именно так. Потому что я его вижу, как обычное живое существо, — он задумчиво потер лоб, словно подбирал слова, в то же время не зная, что ответить, — Альберто, наш Создатель, человек реально существующий, здесь нет никаких фокусов, жульничества или обмана, но он перешел на некий другой уровень существования, непостижимый ни для кого уровень бытия. А может и небытия.

Я никак не мог понять, что хотел мне сказать Кларк, поэтому он сдался и в недоумении развел руками, а потом глядя прямо мне в глаза сказал.

— Никто его не видел таким, каким его видел ты. Я не могу постичь всех его замыслов. Он очень сильно изменился после того, как ему открылся источник хромосомного луча. И я теперь с трудом понимаю его.

И это была правда. Думаю, даже для самого Кларка были тайной замыслы Альберто Гирландайо, и он не мог истолковать образ действий своего Создателя в отношении меня. Так же как это осталось загадкой и для меня.

Но как бы то ни было, когда я пожал его руку, то почувствовал невероятный каскад сильнейших ощущений. Я почувствовал, как рассыпаюсь на самые маленькие частицы. Меня словно разобрали на молекулы и потом снова собрали. Я чувствовал это в одно мгновение, но при этом я оставался единым целым. Мой нейромод, чутко реагирующий на любую попытку нарушить мою целостность, никак не отреагировал на вторжение внутрь меня, внутрь моей второй сущности. Он молчал. Я не слышал его, и я был бессилен противостоять силе осуществившей эти манипуляции со мной.

Альберто Гирландайо улыбнулся мне и, покачав головой сказал.

— Сущность твоей второй сущности Атрайе — Атри. Что в имени моем тебе? Так он тебя спросил?

Я был потрясен.

— Да.

— Хочешь знать, почему он именно так спросил тебя?

Но, тут же не услышав мой ответ сказал.

— Родин старый дурак, так и не смог понять, что он создал. Ты поистине великолепен!

Я к тому времени уже восстановил ленту времени свой жизни и уже знал, кто такой Родин и какую роль он сыграл в моем появлении на свет.

— Вы знали моего Создателя? — удивленно спросил я.

— О, да, я его хорошо знал. Мы начинали вместе с ним. Он был моим лучшим учеником, другом и соратником. Но потом наши пути разошлись, потому что он никогда не верил в то, что мы пытались создать. В тот путь, что мы избрали. Но как я вижу, пылая от собственного тщеславия, он все же попытался превзойти меня и превзойти самого себя.

Альберто Гирландайо засмеялся. Он легонько похлопал меня по плечу. Я чувствовал его прикосновение, через тонкую ткань костюма и рубашки, но передо мной была пустота.

— И знаешь, молодой человек, ему это удалось, как нельзя лучше, но он опять не поверил в то, что создал. Старый упрямый глупец. Его вечное тщеславие, его вечное сомнение — два его вечных проклятых пути, в конце каждого из них непонимание своего творения. Ты был создан им из посылов его самых сильных противоречий брамфатуры.[12]

Старик на секунду задумался, казалось, он отстранился ото

всего, что его окружало.

— После вашего Сияния, я хотел бы, чтобы ты мне уделил немного времени. Я хочу узнать тебя поближе, — выйдя из состояния задумчивости, сказал он.

— Куда же еще ближе?! — не выдержал я, усмехаясь, — вы только что разобрали меня на атомы.

Альберто Гирландайо мягко улыбаясь, парировал мое высказывание.

— Ближе, это не всегда значит посмотреть сквозь кого-то или что-то, иногда это значит передать существу некий дар, что составляет часть себя.

Он вежливо кивнул мне и оставив нас прошел к другим гостям.

Через полчаса после того как прибыл Альберто Гирландайо к нам с Мюриэл подошли Кларк и Эва.

— Пора дети мои, настал ваш час, — сказал Кларк.

Мы прошли в дом. В небольшом пустом и светлом зале были Кларк с Эвой, Дельта ее муж Берг, Гетс и Джусс. От людей присутствовал только Гирландайо. Он сидел на стуле, почти в самом центре.

Помещение было с высоким потолком, он держался на нескольких стойках, позволяя естественному свету Солнца проникать через не закрытое пространство между потолком и стенами, от этого казалось, что он парит в воздухе. Эва взяла меня за руку, а Кларк взял за руку Мюриэл. Я чувствовал по частоте фоновых волн, как трепещут в волнении нейромоды всех присутствующих спаунов. Это было по-настоящему важное событие. Приглашенные свидетели нашего Сияния расступились, и я увидел странное и пугающее существо.

Это был спаун.

У него не было лица, из всех лицевых органов, которыми владеет человек, у него имелись лишь маленькое отверстие для дыхания на том месте, где должен быть нос и длинная тонкая линия рта, без губ, больше похожая тонкую прорезь, сделанную острым лезвием. Пальцы рук без ногтей, были длиннее обычных человеческих в пять раз. Он держал их перед собой, обратив ладони к верху. Казалось, что он держит большой китайский веер из толстых бамбуковых палочек без полотна из бумаги. Его тело было гладким без каких-либо половых признаков и полностью лишено волос — тотальная аллопеция. Отсутствовала талия, и вообще какие-либо изгибы характерные для профиля фигуры человека. Отсутствовали пальцы на ногах. Поверхность головы, где должно быть лицо была обращена к нам. Разглядывая его, я видевший уже много разных спаунов: кумвитаев, тотемитов,

репликантов — был в недоумении. Этот спаун произвел на меня самое сильное впечатление. Признаюсь, в тот момент мне было жутко смотреть на него. Даже черные спауны созданные самыми извращёнными умами представителей рода человеческого не вызывали во мне столько противоречивых смешанных чувств.

Эва почувствовав мои сомнения, тихо прошептала, не прибегая к передаче мне своих мыслей.

— Это Осгар. Он хранитель Искры Жизни.

Я удивлено посмотрел на Эву. Она в ответ усмехнулась.

— Это просто ритуал и ничего более. Здесь нет никакой религии. Мы создали его для того чтобы соблюсти заданную последовательность действий, правильного исполнения всего, что полагается сделать.

— Разве мы не сможем соединиться в Сиянии сами? Для этого нужен кто-то? Например, это чудовище? Вы же с Кларком не прибегали к его помощи.

— Осторожно Георг, — она предостерегающе сжала мою руку, — нет, конечно же, для нас с Кларком тогда было другое время. И вы сможете сами, но это что-то вроде красивого обычая или обряда, как у людей. Мы же хотим создать свою культуру, свое мировоззрение, — она чуть заметно качнула головой из стороны в сторону, — просто придать вашему событию торжественность, красоту. Сейчас ни одно первое совместное Сияние или другое значимое событие из жизни кумвитая не проходит без Осгара. Отнесись к этому символично.

Но она не смогла до конца рассеять мое противоречивое отношение к этому. Потому что в ее объяснениях была определенная доля лукавства. Не думаю что Эва хотела меня обмануть, это было попросту невозможно. Но, по-видимому, у нее были свои веские причины. Я обернулся, чтобы посмотреть на сидящего в центре помещения Гирландайо. Ощущение пустоты там, где находился он, усилилось, мы встретились глазами — в них было разочарование и сожаление. Сейчас, я понимаю, почему он предстал в виде абсолютной пустоты, это был знак.

Видя некоторое смущение Эвы, и не желая огорчать ее, я ободряюще кивнул ей в ответ.

«И с другой стороны», — подумал я, — «я люблю Мюриэл, я страстно хочу соединиться с ней, какая мне разница, как будет это проходить».

Мог ли я в тот прекрасный момент предаваться размышлениям или сомнениям. Я хотел быть просто счастливым.

— Все хорошо Эва, я понимаю.

«И вот еще что», — мысленно предала она мне, — «не пытайся исследовать его, он может очень сильно ожечь тебя, это

действительно опасно. Мы создатели его, но нам он не подчиняется, Осгар каким-то образом стал вне нашего бытия. Кумвитаи ничего не создавали за свою историю более парадоксального, чем это существо».

Она сделала паузу и сказала, передав мне свои мысли, делая длинные паузы между словами.

«Хранитель Искры жизни, не единственное его предназначение».

Она немного замялась.

«Например, кумвитай может обратиться к нему с просьбой, выйти из жизни, не причиняя боли и страдания своим близким. Но такого еще не было».

Они подвели нас к Осгару. Оставив перед ним Кларк и Эва, как можно тише отошли к остальным присутствующим в комнате кумвитаям.

Существо подняло голову, обратив к нам «пустое лицо», медленно развело в стороны руки с длинными, как паучьи лапы пальцами.

«Подойдите ко мне ближе», — услышал я мысли Осгара.

Мы подошли с Мюриэл, держась за руки.

«Предстаньте передо мной чистыми и открытыми, оставьте все, что не ваше у ног своих».

Так как нас предварительно переодели в туники без рукавов с завязками на плечах, мы друг у друга распустили узлы и туники упали на пол, оставив нас стоять перед Осгаром полностью обнаженными. Я отвлекся от происходящего, невольно любуясь красотой Мюриэл. И вздрогнул когда он обхватил нас своими длинными пальцами, мы словно оказались в клетке из пальцев этого существа.

«Жизнь величайшая химия, что есть взаимодействие всех веществ во Вселенной. Но она ничтожна, не имея начала — отсутствие маленькой искры, которая миллионы лет назад задала цепь реакций приведших к появлению существ носителей жизни. Принять Искру жизни ваше предназначение и ваш дар».

В очередной раз услышал я мысли Осгара.

На его теле в том месте, где по всем признакам должна быть грудная клетка пробежала тонкая розовая линия. Кожа в этом месте, лопнула и разошлась в стороны, обнажив красноту мышц и кровеносных сосудов, по которым пульсировала темно-бордовая кровь. Мышцы, издав клёкающий звук, медленно разошлись, открыв небольшую полость, похожую на маленький грот. Там сияла и сверкала маленькая точка — Искра Жизни.

«Протяните свои руки навстречу, чтобы принять дар, принять себя кто вы есть».

Мы, повинуясь ему протянули друг к другу ладони оставив небольшое расстояние между ними. Святящаяся точка покинула свое убежище, переместившись между наших ладоней.

«Откройтесь себе, чтобы впустить в себя начало великой жизни. Позвольте Искре Жизни объединить ваши сущности».

Я почувствовал жар идущий от светящейся точки. Он проникал в меня, потоками пронизывая все мои клетки. Неромод активировался, отозвавшись на зов Искры Жизни учащенной пульсацией. Она нарастала с каждой волной, становясь сильнее и ощутимее.

Сияние точки передалось кончикам наших пальцев и пробежало волной по всему телу. Наконец частота сверкания Искры Жизни совпала с пульсацией наших нейромодов, и мы с Мюриэл вспыхнули, наполнив ярким сиянием все помещение. Перед тем как полностью растворится в потоках яркого Сияния, я услышал громкое ликование за стенами помещения. Похоже, было на то, что приглашенные гости снаружи через просвет под потолком увидели волну света и поняли, что наше долгожданное событие началось.

«Я Атрайе, я буду тобой, узри меня», — услышал я в себе голос.

И я впервые увидел его образ. Прекрасное симметричное лицо с глазами без зрачков. Оно сияло, как Солнце и от него, как лучи светила, шли мириады тонких светящихся волосков. Они слегка извивались, их было так много, что казалось они, опутывают все вокруг, создавая причудливый узор.

Лицо внезапно дрогнуло, на склерах глаз появились зрачки. Я услышал.

«Я вижу тебя, я знаю тебя».

Передо мной стоял человек с исходящими от него миллиардами светящихся волосков — это был я. Это был я во второй своей сущности.

Где-то в пространстве раздался женский голос.

«Юнифь мое имя. Иди ко мне. Соединись со мной, как я соединюсь с тобой».

Тонкие лучи-нити изогнулись и их кончики светящимися точками устремились в разные стороны. Навстречу им шли такие же нити-лучи. Соединяясь, они вспыхивали яркими звездами. Все вокруг переливалось и сияло. Я видел, как рождались новые нити-лучи. Они появлялись в виде маленьких клубков, потом распускаясь, освобождались десятки тысяч светящихся точек кончиков нитей. Сделав несколько хаотичных движений, они устремлялись вслед за другими, перекручивались между собой и, находя такую же одинокую точку с противоположной стороны

соединялись, испуская яркий свет. Через несколько секунд мы соединились с Мюриэл всеми своими синапсами, объединив свои сущности, став одним целым, при этом оставаясь сами собой. Теперь мы были с ней вместе навсегда. Это было самое потрясающее чувство, что я пережил в жизни. Невероятный опыт бесконечного блаженного счастья.

Перестав сиять, мы продолжали стоять напротив друг друга, соединив поверхности своих ладоней. Осгар медленно убрал из-за наших спин свои длинные пальцы, освободив нас от своих объятий. Он свел руки, вместе сложив их на груди, а длинные пальцы вытянул вниз. Так он и застыл похожий на гигантскую летучую мышь. Событие совместного Сияния закончилось.

Пришли четыре спауна в белых церемониальных балахонах. Они принесли с собой саркофаг из молочного органического стекла и положили в него спящего Осгара. Одни из них стальной лопаткой раздвинул щель рта и положил Осгару в рот небольшую пластинку из питательной органики. Они, стоя с обеих сторон поклонились ему, в полголоса бормоча непонятные слова, закрыли крышку саркофага. И в полном молчании саркофаг вынесли из помещения, гости проводили его, уважительно склонив голову. Лишь Альберто Гирландайо продолжал сидеть на стуле, равнодушно взираю на церемонию прощания со спящим Осгаром.

Событие нашего совместного Сияния многое изменило в мире для меня и для Мюриэл. Мы стали настолько близки, что разделить нас означало убить одного из нас. Мы были теперь важной частью жизни наполняющей Вселенную. Мы теперь понимали акт рождения и появления жизни, как нерушимый базис существования мироздания, без которого существование бытия бессмысленно. И конечно же любовь, без нее невозможна жизнь, как проявление сущности всей Вселенной с ее планетами, галактиками, материей и антиматерией.

Мы переоделись и вышли к гостям. Казалось, что наше Сияние заняло несколько минут, но как оказалось снаружи уже стемнело. Зажглись фонари иллюминации и торжество продолжалось. Дальше это была обычная свадьба, что десятками тысяч проходит у людей, если не считать присутствие множества существ отличающихся от человека своим внешним видом и своими умениями.

Я, вспомнив пожелание Альберто Гирландайо, оставил Мюриэл на несколько минут и разыскал его. Он одиноко сидел в небольшой беседке подальше от шумного события.

— Создатель, вы хотели побеседовать со мной.

Он рассмеялся.

— Не называй меня так. Я не Создатель, я просто ученый, открывший возможность менять живую материю. Зови меня просто Альберто.

Я не мог не удержаться и спросил его.

— Во время церемонии я видел ваше равнодушие к происходящему.

Он посмотрел на меня и сложив руки на груди сказал.

— У пустоты не может быть эмоций.

— Что вы имеете ввиду? — растеряно спросил я.

Но Альберто Гирландайо не стал на этот вопрос.

— Меня волнует другое, — он весело усмехнулся, — в молодости я любил одну девушку из России, мы были очень близки. Как-то раз мы обсуждали с ней ситуацию, когда среда влияет на предмет, помещенный в нее. Я пытался объяснить процесс, используя философию, формулы, уравнения. А она все описала достаточно просто, не прибегая к изощрённым научным метафорам. Вот послушай, что она мне сказала. Если свежий огурец поместить в банку с солеными огурцами, он неизбежно станет соленым, как и все остальные.

Гирландайо рассмеялся.

— Это так просто! Не надо создавать сложные конструкции из химических уравнений о взаимодействии солей, описывать физико-химическую систему диффузии, рассказывая о выравнивании концентрации частиц в разных зонах среды.

Он задумался.

— К сожалению многие кумвитаи забыли свое предназначение, — продолжил он, — они живут среди людей и становятся людьми, подчас забывая о своей миссии, о своем предназначении. Они становятся спаунами. Кому-то покажется, что люди подражают спаунам, но чаще это взаимно, так как спауны сами подражают людям. Видовая ассимиляция, действие, которое неизбежно перерастёт, в дальнейшем, высшее доминирование. Но люди помнят о том, что спауны могут вытеснить их с пьедестала. Человеческий вид не так эффективен, как вид кумвитаев. Но у него есть опыт многих миллионов лет выживания, он истинный продукт эволюции, лучший результат миллиардов комбинаций, а не работы разума. Поэтому будет вопрос выживания спаунов.

Я внимательно слушал его, не понимая, к чему он клонит.

— Но я не виню их в этом. Это неизбежное течение всего. Родин, твой создатель, в своем тщеславии превзошел все, что мы делали, создав тебя. Создав человека с душой спауна, настоящего кумвитая. Когда я говорил тебе о твоем даре, это не значит, что я хочу внести в твое ДНК изменения. Я лишь хочу, чтобы ты смог

правильно понять вопрошание от своей второй сущности. Я хочу, чтобы ты узнал, о чем я сейчас размышляю. Я хочу помочь тебе понять совокупность слоев различной материальности, различного числа пространственных и временных координат, связаны со сферою жизни кумвитая. Это просто философия. Ты должен лучше понять свой аниматид, свою вторую сущность, потому что твое предназначение выходит далеко за рамки понятия спаун. Знаешь что обозначает греческое слово «προμηθεύς»?

— Радетель, этот греческое имя. Имя мифического героя.

— Нет, в философском смысле это обозначает «мыслящий прежде», «предвидящий», но в этом есть большое некое противоречие, для тебя. Потому что на санскрите, если отбросить его сложную синтетическую грамматику — это палочка с помощью, которой человек получил первый огонь. Ты и есть тот первый огонь, способный создать процесс, который заменит людей, на этой планете.

— Но мой аниматид, он всегда спрашивает «Что в имени моем тебе»?

Альберто, улыбаясь в ответ кивнул.

— Когда в следующий раз он тебя спросит, руководствуйся этим: «Веди меня ото лжи к истине. Веди меня от небытия к бытию. Веди меня от тьмы к свету. Веди меня от смерти к бессмертию». Тогда он откроет для тебя возможности, которыми не обладает никто.

Альберто Гирландайо встал.

— Прощай Георг.

Я вскочил. Нет, мне этого мало, я так и не получил ни одного ответа.

— Альберто у меня есть много вопросов! Я должен получить ответы. Ты не дал мне ни одного ответа.

Я пытался его удержать, используя все силы и возможности своего нейромода, но не смог, так как вместо него была пустота. Он, же в ответ на мои тщетные попытки, не оборачиваясь, махнул рукой и молча ушел.

Через несколько минут попрощавшись со всеми его реактивный самолет, унес его в его убежище в Тихом Океане.

Проклятый код. Жизнь

Свои две последние записи, перед тем как я окончательно забуду прошлый мир и надеюсь, что он отпустит меня навсегда, давая тем самым мне шанс идти по своему пути дальше, я посвящаю ее свое жене Мюриэл. Той, что была со мной всегда рядом и была со мной так мало. Наша совместная жизнь мужа и жены, как короткий миг, вспыхнула маленькой искрой, так и не разгоревшись большим пламенем. Иногда, кажется, словно ее не было совсем. Но даже те кратковременные моменты, что мы пережили вместе, приносили нам бесконечное счастье и наслаждение.

Вскоре после нашего Соединения в совместном Сиянии с ней, в мире произошли события, которые несли в себе скрытые знамения способные предостеречь все сообщество спаунов от зарождающихся угроз. В мире людей росла убежденность, что пора спаунов ставить под контроль. Но мы все отнеслись к угрозам с большой долей безответственности, считая себя вне надвигающейся опасности и не придавая значения признакам нарождающегося зла. Мы пребывали на самой высоте своего пьедестала, вершина которого находилась высоко за облаками и мы не видели того что происходит внизу, там на земле. Как боги Олимпа мы предавались беспечному созерцанию жизни, даже не заметив, как однажды люди осознав свою силу, низвергли несчастных обитателей священной горы, предав их забвению, сделав из них истуканов для своих утилитарных нужд.

Шовинизм в отношении спаунов на бытовом уровне присутствовал в сознании людей всегда. Особенно, эта враждебность, ярко проявлялась в маргинальных слоях общества. Дальше она прорастала в слои среднего класса, где были сочувствующие представители, осознававшие свою уязвимость в социальной конкуренции между людьми и спаунами. Всем было ясно, что людям невозможно конкурировать со спаунами ни в одной отрасли экономики или науки. Люди с тревогой следили за тем, как начинает расти число спаунов захватывающих все значимые области человеческого социума и бытия. Первенство в управлении промышленостью, наукой, в социальной сфере — все это вдруг стало сосредотачиваться в руках небольшого сообщества из новой генетической расы. И если ранее люди не придавали особого значения спаунам, считая нас редкостными существами из пробирки, то теперь они осознали, что мы можем размножаться, создавая себе подобных с улучшенными качествами и свойствами. Мы не болели, мы жили дольше, мы

были умнее, а в противовес нашим выдающимся возможностям людям постоянно приходилось бороться с болезнями, отвоевывать у смерти каждый год жизни, постоянно приспосабливаться к меняющимся условиям. К тому же продолжительность жизни людей, их здоровье и развитие интеллекта теперь зависели от нас — от нашей лояльности к людям. Но, несмотря на перевес в своих возможностях влиять на жизнь мы проигрывали в одном — в количестве и тысячелетнем опыте выживания. Несколько миллиардов людей и всего чуть более двухсот тысяч спаунов, не считая тотемитов, репликантов и черных спаунов. Мы поднимались на пьедестал утопающий в благах, а все больше и больше людей переходили в разряд касты иждивенцев цивилизации.

Сначала миллионы людей лишились рабочих мест, будучи вытесненными с производств высокотехнологичными роботами управляемыми нейронными сетями и искусственным интеллектом. Несколько миллиардов были вынуждены жить на так называемый ББД безусловный базовый доход, без каких либо перспектив найти себе применение в будущем. Спауны наоборот были очень востребованы и запросы цивилизации в их использовании росли с каждым годом. Но это запросы не всей человеческой части цивилизации, а лишь самой маленькой и самой обеспеченной. Она состояла из миллиардеров и богачей, руководителей государств и чиновников, суперучёных ставших новой генерацией представителей общества занимающихся наукой и получивших гигантские состояния благодаря коммерциализации своей исследовательской деятельности, руководств самых известных мировых университетов, боссов международной мафии — все тех, кто мог причислить себя к суперэлите цивилизации.

Особняком стояло новое человеческое общество, занятое терраформингом Марса и освоением перспективных для жизни спутников планет гигантов. Они тоже очень сильно нуждались в спаунах, особенно в их обособленной разновидности репликантах. Потому что сами люди не сильно горели желанием отправляться в новые наполненные опасностями миры. Чаще этот путь избирали отчаянные сорвиголовы, которым не сиделось на Земле, не страшила черная пустота космического пространства, идущий из нее смертельный холод, радиоактивное излучение, ядовитые атмосферы из метана и серной кислоты, жуткая гибель от разгерметизации космических кораблей, прошитых насквозь небольшими шальными метеоритами, изматывающее одиночество дальних перелетов. Эти люди отлично уживались со спаунами и репликантами, понимая, что

без них они не смогут обжить новые миры и не рассматривали их как соперников, но наоборот, как близких друзей и союзников. Все же их было мало, так как ресурсы Земли, ее возможности не могли обеспечить широкий поток разумных существ, коими были люди, в обживаемое космическое пространство.

Мюриэл страстно мечтала попасть в один из таких миров, на Марс. Это была ее мечта, посвятить себя деятельности терраформинга. Она с детства занималась растениями. Помню, как я несколько раз помогал ей в ее большой оранжерее править ДНК нескольких растений, от которых она никак не могла добиться заданных свойств. Я трепетно вспоминаю эти маленькие эпизоды из детства. Помню, как однажды, я взял ее руки, и мы вместе держали тонкий стебель Дальневосточной жимолости. Мы вместе с ней провели секвенирование ДНК растения, поменяли гены в аллелях закрученной спиралью цепочки. Ее прекрасные удивленные глаза благодарно смотрели на меня и ее восхищенную улыбку, которую она подарила мне. Впрочем, тогда ее восхищение тут же перешло в детскую наивную злость соперничества.

Чтобы попасть в колонию на Марсе, она создала несколько образцов растений, которые прекрасно существовали в условиях схожих с атмосферой этой планеты, где почти девяносто пять процентов составляет углекислый газ, а кислород и азот едва вместе дотягивают до четырех процентов. Она решила сложнейшую задачу, при которой растения смогут выжить в очень холодной и очень сухой атмосфере. Это были мхи вида Syntrichia caninervis произраставших в самых засушливых районах земных пустынь. Их уникальная способность накапливать из скудной влагой атмосферы воду и удерживать кислород давала надежду на то, что если решить проблему с их быстрым ростом и приспосабливаемости к недружелюбной среде Марса. Так открывался путь для решения первостепенной проблемы — диссипации атмосферы планеты. Слабое магнитное поле и солнечный ветер вызывали очень сильную потерю газов в атмосфере. Атмосфере образующей тонкий, всего одиннадцать километров, слой. Ее мхи помогли бы создать первый, так необходимый растительный покров способный существовать без защиты куполов. Дальше в ее силах было создать и другие образы растений нужных для успешного терраформинга. Она ожидала приглашение от компании, основанной Илоном Маском, человеком, открывшим массовую колонизацию красной планеты.

Я в отличие от нее не имел каких-либо предпочтений в своей деятельности и не тяготел к работе с геномом. Занимался этим лишь эпизодически, используя свой дар изредка. Один из близких

друзей Кларка человек Алтман Леманн уговаривал меня заняться проблемами безопасности в области синтетической биологии. Он возглавлял Федеральную Полицию Австрии и был представителем Интерпола в этой стране. Он с тревогой говорил о растущем количестве преступлений в области синтетической биологии. Международные криминальные организации от уголовников до террористических групп стали активно использовать в своей деятельности достижения в этой области. Я согласился лишь на должность внештатного сотрудника и занимался по большей части, давая консультации, иногда принимал участие в сложных расследованиях. Согласись я на должность сотрудника, то получал бы достаточно хорошую зарплату, но, несмотря на это я все же отказался полноценно войти в штат Федеральной Полиции Австрии.

Меня ничто не держало на Земле.

Поэтому, когда Мюриэл предложила отправиться на Марс, я с радостью согласился. Осталось только дождаться приглашения от компании Илона Маска и стартового окна. Кларк и Эва отнеслись к нашему решению испытывая двоякое чувство. Их опечалило скорое расставание, так как это означало очень долгую разлуку. Но они были рады, зная, что на поверхности планеты враждебной ко всему живому мы все же будем в большей безопасности. Их опасения были не беспочвенны — нарастающие тенденции негативного отношения к спаунам, практически не оставили ничего от былого восхищения новой генетической расой. Усугубил это и очередной общемировой кризис. Миллионы людей находясь за чертой бедности, проживая на ББД, пытались найти виноватых, и нашли их в лице спаунов. Кларк уже не так часто ходил к своему любимому фонтану Доннера опасаясь, стать жертвой различных нападок и оскорблений со стороны людей. С большой опаской спауны появлялись на улицах города в темное время суток в неблагополучных районах Вены.

Улетая из международного аэропорта Вена-Швехат самолетом американской компании, мы не знали, что Мюриэл видит Кларка и Эву последний раз в своей жизни. Мы не знали, что в скором времени губительные события начнут происходить так быстро и стремительно, что катастрофа застанет нас всех врасплох.

Старт работ с образцами растений необходимых для терраформинга, происходил в Хоторне, где находились основные производственные мощности и лаборатории Спэйс Икс, а в дальнейшем все образцы проходили длительные, тестовые высаживания на каменистых склонах старого вулкана горы Маунт Худ, примерно на высоте трех тысяч метров над уровнем моря.

Миссия к Марсу в которой мы принимали участие, планировалась, как самая масштабная за всю историю. Несколько космических кораблей в результате ее успеха, доставили бы на поверхность Марсабольшое количество необходимых грузов для терраформинга планеты. Миссия запускала мощный процесс преобразования всей планеты. Кроме этого готовился целый отряд из репликантов, которые уже с поверхности Марса готовились к дальнейшему путешествию к спутникам планет гигантов к Титану, Европе и еще дальше к звездам. С одним из репликантов нам удалось подружиться. Его звали Рой Батти, он представлял генерацию репликантов Нексус-6 созданных в корпорации «Тарелл». Чрезвычайно мужественный и отважный космодесантник. Миссия его команды бросала еще более дерзкий вызов. Компания «Спэйс Икс» создала лазер, мощностью более 10000 петоватт. Сфокусировав такой мощный луч с помощью плазменных зеркал, они рассчитывали создать точку в пространстве, где материя дробится настолько сильно, что остаются лишь электроны и ядра. Данное воздействие по расчетам приводило к разрыву «ткани пространство-время» именно в этот разрыв отправлялся Рой Батти со своим экипажем на новейшем космическом корабле. Их задача достигнуть звезд в поясе Ориона. К сожалению, он не знал того, что я увидел в нем — компания «Тарелл» ограничила срок его жизни, внедрив в его ДНК беспощадную биохронометрию. Я видел неумолимый эпигенетический секундомер в его генах. Мои силы и возможности позволяли мне изменить метильные группы, присоединившиеся к цитозиновым основаниям, чтобы остановить часы, ведущие обратный отсчет его жизни, но я ничего не мог предпринять. Таково было соглашение между людьми и спаунами. Именно так пожелал Альберто Гирландайо. Мы не могли вмешиваться в дела компаний проектирующих репликантов. Это предопределило судьбу Роя Батти, сделав ее горькой и трагичной. В будущем он смог вернуться на Землю и попытался встретиться со своим Создателем, чтобы задать ему вопросы. Но его товарищей уничтожил хладнокровный убийца из особого отряда полиции, а сам Рой Батти погиб так не получив ответа.[13]

По причинам эпической масштабности до стартового окна оставалось чуть менее 780 суток — наиболее благоприятные условия для осуществления мисси. Покончив с делами в Хоторне, мы отправились в небольшое местечко примерно в восьмидесяти километрах от Портленда у подножия горы Маунт-Худ продолжить тестирование и работу с геномом «первых марсианских растений», как прозвала Мюриэл своих питомцев.

Должность главного смотрителя национального парка, где располагалась гора Маунт-Худ, занимал спаун, тотемит, в нем объединились два биологических вида человека и медведя Гризли. Он и обладал специфической статью характерной для медведя, очень большого роста, почти три метра — мы рядом с ним выглядели, как два маленьких кролика, а его руки, наделенные невероятной силой, запросто могли раскрошить твёрдую древесину североамериканского красного дуба. Рост, сила, выносливость позволяли ему, запросто прогулочным шагом, забраться на вершину Маунт-Худ на высоту почти три с половиной тысячи метров, чтобы спасти незадачливых альпинистов новичков. И потом нести их на себе, насвистывая веселый мотив, несколько миль вниз не делая привалов для отдыха. С тяжелым взглядом, почти полностью тёмно-коричневых медвежьих глаз и с косматой шевелюрой волос, как у медведя, он напротив обладал открытым, веселым и добродушным характером. Его звали Джеки Джекинз, но он предпочитал и безоговорочно настаивал, чтобы все его звали не иначе, как Балу. В честь одноименного персонажа медведя из произведения Киплинга — наставника Маугли.

— Поверьте, это был самый первый тотемит, медведь обладающий сознанием человека и душой медведя, настоящий учитель, — говорил он про медведя Балу и громко смеялся.

Мы быстро с ним подружились.

Однажды он решил нам устроить экскурсию по своим владениям и показал нам невероятное место — водопад Рамона у подножия Маунт-Худ. Мы остановились на пару дней в том месте, где лучше всего было видно всю красоту водопада. Это было потрясающе, вода падала по бесчисленным каменным уступам, образуя кружевной каскад из небольших водопадов. Уступы, обросшие изумрудными мхами, делали общий вид сказочным, казалось, вода стекала по нефритовым ступенькам, образуя фантастическую по красоте картину из мифов Древнего Китая. Мы в течение двух дней приходили в точку наилучшего обзора, стояли на небольшом деревянном мосту, наслаждаясь прекрасным зрелищем. Балу, видя, как мы очарованы водопадом, заговорщицки подмигнул и позвал нас за собой.

— А теперь эксклюзивная экскурсия, только для моих самых близких друзей. Я вам покажу то, что не знает здесь никто кроме меня.

Мы спустились с моста в небольшой распадок. Немного пройдя узкой едва заметной тропой, петлявшей среди уступов, оказались перед небольшой, но плотной стеной воды.

— Давайте ребята, смело шагайте вперед, — смеясь,

подтолкнул он сначала меня, а потом Мюриэл.

Я шагнул сквозь прохладную воду и оказался в небольшом гроте, за моей спиной смешно повизгивая, отфыркиваясь от холодной воды, появилась Мюриэл. Я сразу обнял ее, пытаясь согреть. Наконец, как мощный ледокол, разбивая в разные стороны струи воды, ввалился Балу. Он улыбнулся, грустно покачав, головой сказал.

— Ребята, подождите еще не время, следуйте за мной. Этого вам не покажет никто кроме меня.

Он указал на большой темный проход справа от нас. Он сам едва помещался в этом коридоре, он был тесен для него, казалось, что он вот-вот окончательно застрянет, как известный медвежонок в кроличьей норе. Балу кряхтел, ругался в полголоса, но упорно шел, вперед ведя нас за собой. Через некоторое время мы оказались в еще одном просторном гроте, но он разительно отличался от предыдущего. Эхо, отражаясь от его каменных стен, говорило о его больших размерах. Вода, стекая мощным потоком, широкой стеной, закрывая грот от посторонних глаз. Но сквозь нее пробивалось яркое солнце, наполняя пространство вокруг светом, а водяная пыль в воздухе преломляла солнечные лучи, и казалось, все вокруг играло разными цветами, медленно перетекая из одного цвета в другой, создавая невероятную картину из жанра причудливой цветной фантасмагории. В центре сводчатого потолка падал небольшой поток воды, выбив за тысячелетия полукруглое углубление в полу.

Балу молча смотрел на наши восхищенные лица. Он подошел к потоку воды в центре и провел своей широченной, как снеговая лопата ладонью, с короткими толстыми пальцами по струям воды.

— Вода тёплая. Она тает на вершине Маунт-Худ, — он показала указательным пальцем вверх, — стекает по внутреннему руслу скрытому толще породы и нагревается от магмы, становясь горячей, там же она наполняется растворенными минералами, солями, становясь целебной. Потом попадя на небольшой ледник охлаждается, умягчается, отдавая лишнюю соль, и становится теплой, весьма комфортной температуры. Кроме этого, чувствуете? — Балу присел и положил ладонь на каменный пол, — пол пещеры теплый, это магма нагревает «тело» спящей старушки Маунт-Худ, — он задумчиво посмотрел на нас, — правда это невероятно? — и, сделав многозначительную паузу, тихо произнес, — это самое романтичное место на Земле для двоих влюбленных.

Он вздохнул и весело похлопал меня по плечу, едва не сбив с ног.

— Я оставлю вас здесь на несколько часов. Наслаждайтесь ребята. Я пока проинспектирую северную границу национального парка. Говорят, местные хулиганы расстреляли несколько указателей. Нужно показать кто здесь хозяин.

И снова кряхтя, ругаясь, полез в узкий проем. Мы остались одни.

Шелест воды, игра света, теплая вода. Мы сбросили свои рюкзаки на поросшие изумрудным мхом приступки у стены грота, туда же полетела вся наша одежда. Я схватил Мюриэл и мы окунулись в льющиеся сверху теплые потоки воды. Я целовал ее губы, ее переливающееся, как брильянты волосы, целовал грудь, становясь перед ней на одно колено, целовал ее живот. Она, закрыв глаза, обняла меня за шею и с силой прижимала мою голову то к своей груди, то к животу.

Мы переплетали свои ноги, наслаждаясь друг другом, мы занимались любовью, как делают это люди. Но мы были кумвитаи, поэтому пульсация фона от наших нейромодов нарастала, ежесекундно увеличиваясь подобно невероятной снежной лавине. Жар, шел по нашим телам, он распространялся от центра головы до кончиков пальцев, рук и ног, свет пробивался сквозь нашу кожу, мы начали светиться, сперва распространяя неуверенный, мерцающий фантомный свет, затем ярко вспыхнули, добавив в игру света Солнца и воды свою лепту.

Я стоял напротив Мюриэл.

— Давай сделаем это, — прошептала она.

Мы, протянув навстречу друг другу руки, соединившись ладонями. Миллиарды наших синапсов вторив нам, соединились вместе. Это Сияние отличалось от того что было с нами ранее на нашей свадьбе. Здесь мы были словно одни во всем мире, с нашими вторыми сущностями. Мне казалось, наши две сущности в этот момент отделились от нас, чтобы тоже слиться друг с другом, освободившись от нашего человеческого сознания. И с нами не было незримого ока Осгара. Здесь мы открыли для себя самые настоящие моменты любви, когда каждый отдается другому без остатка, так страстно, искренне, что наполняет собой часть близкого для себя живого существа.

Я благодарен Балу за то, что он подарил нам эту невероятную возможность.

После мы лежали на прохладном мягком мху, застилавшем большую часть грота. Голова Мюриэл лежал на моей груди — потрясающие минуты моей жизни.

— Как ты думаешь, что нас ждет там за пределами Земли? Будет ли еще так же хорошо, как сейчас?

— Мы отправляемся с тобой создавать новый мир, и отчасти

это будет наш мир. Ведь в наших силах сотворить его таким, каким мы его захотим сделать, — ответил я.

Мюриэл затихла, ожидая продолжение моих фантазий. Лишь широко открыв глаза, легкими кивками подбадривала меня «давай, давай, продолжай дальше».

— Когда-нибудь на Марсе мы найдем такой же водопад.

Она не выдержала и засмеялась.

— Ну откуда, ну откуда же на этом сухом камне будет такой водопад?

Но я не сдавался.

— И мы также будем лежать на мхе, но это уже будет созданный тобой мох. Интересно он будет таким же мягким? Или он будет сухим, как пустынная колючка. Больно колоть кожу. Знаешь на таком особо не полежишь.

Она шлепнула меня ладонью по лбу, как сделал это много лет назад, и резко сменив тему загадочно спросила.

— Ты знаешь, Юнифь была готова создать яйцеклетку с фотонным шрамом в полярной зоне. Ты видел ее?

— Да.

Во время нашего сияния я видел квантовую матрицу, пульсирующую яркой точкой между нашими сросшимися синапсами.

Мюриэл подняла голову, волосы невосприимчивые к воде рассыпались по моей груди, плечам, искрясь и переливаясь. Она серьезно посмотрела на меня своими синими с перламутровым оттенком глазами.

— Если бы мы не летели к Марсу, ты был бы готов к этому?

Я понимал ее вопрос. Компания «Спэйс Икс» сразу же разорвала бы с нами контракт на полет к Красной Планете, как только им стало бы известно о беременности Мюриэл. Таков был контракт, и нарушить его условия означало бы распрощаться с мечтой Мюриэл.

— Да, — не задумываясь, ответил я и попытался собрать в пучок ее волосы.

Но она тряхнула волосами, они выскользнули из моих рук и упрямо рассыпались по моей груди, Мюриэл благодарно поцеловала меня в губы долгим, затяжным поцелуем. Оторвавшись от меня, закрыла глаза, блаженно покачала головой и вскочила.

— Ну же, лежебока, вставай!

Потянув меня за руку, повела к потоку воды.

— Все растения любят воду. Я люблю воду. Иди за мной, когда нам еще представится возможность еще раз побывать здесь. Но ты мне обещал, — она погрозила указательным пальцем, —

найти на Марсе такой же водопад.

— Ну пусть не такой же, — смилостивилась она, — просто небольшой водопад.

Она стояла в потоках воды, держа руки на уровне груди, повернув ладони к верху, к струям теплой воды. Капли брызгами летели от них в разные стороны, своеобразно символизируя исходящие от нее приливы счастья.

Я смотрел на нее и будучи самым бесконечно счастливым существом на свете.

Но, увы, несколько часов пролетели мгновенно. В темном проходе послышалось знакомое сопение, кряхтение и досадливая ругань Балу. Мюриэл смеясь, сказала.

— Давай одеваться, а то наш друг увидит двух голых кумвитаев возлежащих на мокром мхе. Та еще картина! А еще вот возьмет и проснется в нем инстинкт его второй генетической половины и-и-и он как съест нас.

Но Балу предупредительно крикнул.

— Ребята ваш медведь идет, чтобы отвести домой и накормить превосходным ужином. Овощное рагу с ароматными грибами, свежий дикий лосось с орехами в сливках — все по моему собственному рецепту для моих друзей. И еще, ребята, люди, наблюдавшие за водопадом, с моста, рассказывают о каком-то странном, мистическом свечении, идущем из недр водопада.

Он, пыхтя, вывалился их тесного прохода, как плотный ком войлочного мяча из пневматического детского ружья.

— Вы случайно не знаете, что это было? — с усмешкой спросил он.

Балу потряс головой и отдувался от капель воды стекающих с его косматой головы. Осмотрев нас и не дождавшись ответа, сказал, видя сияющие глаза Мюриэл и мою улыбку.

— Вижу время, вы провели очень не плохо. Рад за вас.

Мюриэл легко подбежала к нему, ступая босыми ногами по мокрому мху, утопая в нем по щиколотку.

— Мы превосходно провели время! Благодарю тебя наш милый мишка! Это были наши самые чудные мгновения. На сухом и чёрством, как забытый хлеб в тостере, там, — она показала пальцем вверх, — на Марсе, я буду вспоминать это с особым чувством. Наклонись ко мне, я тебе что-то скажу.

Балу опустил к ней свою косматую голову, Мюриэл погладила его по волосам и громко чмокнула его в нос.

Он смущенно потер его.

— Я всегда готов для своих друзей, — проревел он.

Вечером мы сидели на веранде его огромного, сложенного из

толстых сосновых бревен дома. Солнце зашло за горизонт все стало вокруг сизо-синим, потеряв свои четкие очертания, лишь пик Маунт-Худ алел ярко-красным треугольником, отсвечивая на градиентном небе, где синий цвет постепенно переходил в киноварь, как на картине художника импрессиониста. Сначала веселый и словоохотливый Балу, стал вдруг задумчивым и грустным. Мы заметили это. После настойчивых попыток Мюриэл удалось выведать причину его грусти.

— Я очень одинок, — печально сказал Балу, — все говорят, что я огромен, как скала, но я чувствую себя маленькой одинокой песчинкой в бесконечной Вселенной. Я видел сегодня ваши счастливые лица. Вы наслаждались друг другом. Вы любите, потому что есть друг у друга. Это большое счастье, а одиночество так грустно, это тоскливо. Долгими вечерами я сижу здесь один и мне даже некому рассказать том, что я видел, некому показать всю красоту, что вы видели сегодня. Никто не прижмется ко мне… Мне некому это передать.

Мне было очень жаль Балу. Я вспомнил друга Кларка тотемита Гетса и его жену Джусс. Кларк рассказывал, как Гетс был несчастен и одинок, живя в африканской саванне, пока он не создал для него пару.

— Но почему компания не создаст тебе пару. Ведь это логично.

Балу вздохнул.

— Я всего лишь инструмент, живой агрегат обслуживающий весь этот национальный парк. Ни кто не заинтересован создавать новых существ, способных заполнить жизненное пространство здесь. Ведь ты же знаешь это Георг. Я пытался встречаться с женщинами из людей, но я всегда чувствовал, что я для них лишь странная забава, уродец, интересное приключение.

— Может ты просто не встретил ту, которая тебя полюбит по-настоящему? — спросила Мюриэл.

— Нет, — покачал головой Балу, — это не возможно, потому что я другой, и я сам не чувствую к ним желания быть вместе. Мю, посмотри на меня! Я слишком огромен для людей. Это должна быть женщина похожая на меня, моей крови, моего вида, моего роста.

Я рассказал ему про работу Кларка для Гетса. Балу с надеждой посмотрел на меня.

— А ты бы смог создать для меня мою женщину? Такую же, как я?

Он смотрел на меня, своими тёмно-коричневыми глазами ожидая, что я скажу. Я же растерялся.

— Я ни разу ничего подобного не делал, — неуверенно начал

я, — у меня нет опыта и даже нет лицензии на такую деятельность.

— К черту лицензию! Попробуй. Ты принесешь в мою жизнь смысл, — вздохнул Балу.

«Помоги ему!», — передала мне свои мысли Мюриэл.

«Я ни разу этим не занимался, любая ошибка может привести к плачевным результатам», — ответил я.

«Ты самый одаренный из нас. Ты кумвитай, который может все. Мой отец тебе поможет. Он всегда говорил, что ты сможешь «все», для тебя нет преград. Сделай это для него. Сделай это для меня», — просила Мюриэл.

— Хорошо Балу, я попытаюсь.

Балу радостно вскочил, и выдернув меня из плетеного кресла, словно травинку из рыхлой земли, обнял. Я почувствовал, как затрещали мои кости, так громко будто попали под многотонный каток, а нейромод мгновенно активировался и принял защитные меры, посылая импульсы, в мышцы сделав их твердыми, как камень.

Я впервые брался за такой сложный проект. Кларк с большой тревогой принял нашу просьбу. Его, прежде всего, пугала ситуация которая разворачивалась вокруг спаунов и любое неверное решение могло привести к ее усугублению.

— Георг! — взволнованно воскликнул он, — у тебя нет ни опыта, ни лицензии для такой сложной работы. Да у тебя есть очень хорошие знания, и ты одарен больше чем кто-либо из нас, но это риск. Очень большой риск. Если это выйдет наружу, общественность людей, узнав о незаконных работах в области синтетической биологии, — он сбивался от волнения и перескакивал от одной мысли к другой, — которая и так уже напоминает улей, наполненный раздраженными осами, пойми, последствия будут еще тяжелее.

Но уступив уговорам Мюриэл, все же обещал помочь.

Главные сложности были не в получении биоматериалов, а в дальнейшем выращивании химерического эмбриона человека с генами медведя. Для этого нужно было специфическое оборудование — эмбриональная искусственная камера или проще искусственная утроба, управляемая нейросетью с комплексом сложных программ. Этого оборудования не было. Оно находилось в университетах, в лабораториях биологических компаний. Ближайшее находилось в Хоторне в распоряжении «Спэйс Икс», но не могло быть речи об его использовании. Кроме этого из биоматериалов была нужна специально подготовленная в лаборатории женская яйцеклетка и специфические

биоматериалы, содержащие ДНК североамериканского медведя. С геномом медведя все было проще, их могли прислать по личной просьбе Кларка из университета в Торонто, не задавая лишних вопросов. Но остальное было не совсем легально с нашей стороны. По закону манипуляции с уже оплодотворенной человеческой яйцеклеткой зиготой могли производить учреждения, имеющие специальную лицензию. Отсутствие могло привести нас всех в тюрьму. Кларк предлагал отправиться на судно Альберто Гирландайо «Горизонты Бигль», на нейтральную территорию и провести все работы там, используя самое передовое оборудование для синтетической биологии. Но мы с Мюриэл не могли покинуть предгорья Маунт-Худ без разрешения «Спэйс Икс», это могло повлечь разрыв контракта, а ставить в известность руководство компании было тоже неприемлемым шагом.

В поиске решения мы зашли в тупик.

Балу был расстроен. Но как-то в один из вечеров, когда мы сидели на веранде его дома, вдруг неожиданно спросил.

— Женщина… Человек, может выносить этого ребенка?

— Теоретически да, — неуверенно ответил я, — ни кто не проводил такого эксперимента. По крайней мере, я не слышал, чтобы это делалось открыто, легально. Потому что есть законы, категорически запрещающие человеку вынашивать плод, полученный химерическим путем. Он был принят по соображениям этики и рисков, получить новые межвидовые патогенные микроорганизмы, к которым человек был ранее невосприимчив, а также из-за некоторых условий физиологического характера.

— Но это возможно? — настаивал Балу.

— Да это возможно, — развел я руками, не понимая, куда он клонит.

Я активировал нейромод, сделав попытку узнать, о чем он думает, но этого не понадобилось, он высказал свои мысли вслух.

— У меня есть один очень близкий друг вождь племени Нук из народности Оджибе. Их тотем медведь. Даже его имя Матхотопа переводится на английский, как три стоящих медведя.

Я, кажется, начал понимать, что хотел сказать нам Балу и, подозревая суть его предложений, готовился к отпору.

— Его жена, Кими. Она всегда хотела иметь дочь, но у них рождались лишь сыновья. Матхотопа всегда мне говорил, что если бы у него была дочь, то для него было бы счастьем породниться со мной, полумедведем. Они видят во мне воплощение медведя в человеческой сущности, который для них священное животное, их тотем. Это тебе и яйцеклетка зигота и

женщина, я думаю, та которая сможет и захочет выносить в себе такого ребенка.

Помню я так и застыл с открытым от удивления ртом, нейромод сам деактивировался и молчал. Удивительно, но Мюриэл поддержала его. Мне не оставалось ничего другого, как согласиться. Когда я сообщил о наших планах Кларку, он был в панике.

— Представь себе последствия, если ты допустишь хоть малейшую ошибку, — Кларк, обычно говоривший спокойным голосом, не мог сдержать эмоций, — тебе тогда не избежать тюрьмы. Человеческое общество усиливает негативное давление на нас с каждым днем. Если ты ошибешься, будет повод к принятию драконовских законов в отношении спаунов.

Но…

Через четыре дня из Британской Колумбии Канады приехал индейский вождь Матхотопа и его жена Кими. О серьезности их намерений говорило то, что они привезли с собой племенного шамана. Я понял, что у меня больше нет выбора, но я еще пытался сопротивляться.

Шаман, указывая на меня на английском языке сказал, обращаясь к Балу.

— Это тот колдун, о котором ты говорил?

Балу подмигнул мне и пожал своими огромными плечами, одновременно с этим отвечая шаману.

— Да это он.

— Aaniin odoodemaayan? — спросил шаман.

Я активировал нейромод, чтобы перевести фразу с языка оджибе. Обычное приветствие, принятое в народе оджибе, спрашивалось какой у меня тотем.

— Я не принадлежу ни какому тотему? — ответил я.

Шаман, что-то бормоча нечленораздельное, достал из кожаной сумки, висящей на плече сушеную медвежью лапу, к которой на кожаных тесемках были привязаны несколько покоричневевших от времени маленьких косточек — фаланги человеческих пальцев, с серьезным видом подпалил пучок птичьих перьев, окурил меня их дымом и тут же начал трясти сухой медвежьей лапой с костяшками. Так он обошел меня несколько раз, стоная и подвывая на разные лады. Сдувал едкий дым с перьев в мою сторону. С треском потряхивал перед моим лицом медвежьей лапой. Я глядя на дикарские ритуалы стоял с улыбкой, но неожиданно к своему удивлению почувствовал, как по всему моему телу побежали мурашки, и прошла несколько раз от кончиков пальцев ног до макушки теплая волна. Я услышал зов нейромода. Это было так неожиданно, что я растерялся, не

понимая, как реагировать на происходящие со мной метаморфозы.

«Что в имени моем тебе Атрайе?»

«Что ты видишь?»

«Большая птица в огне, вместо пера у нее многочисленные электрические разряды»

Мое тело окутала странная аура похожая на эффект Кирлиана. Я тут же вспомнил цыганку Мару, точно такие ощущения я испытал, когда познакомился с ней. Сосредоточившись, я активировал биочип, чтобы проанализировать воздействие, что оказал на меня шаман.

Ничего сверхъестественного. Обычное взаимодействие объектов при повышенном электрическом поле с достаточно высокой частотой. Вокруг меня была область, наполненная ионизированными частицами азота. И больше ничего. Удивительно именно ионизированные частицы азота мы используем для работы азотистыми компонентами ДНК.

Как этому человеку, трясущему передо мной сухой лапой медведя, удалось получить информацию из ионизированного воздуха, и которую он озвучил после ритуала? Непонятно. Я не видел ничего в себе, что могло бы помочь ему идентифицировать мою тотемную принадлежность. Кроме «огненной птицы», образ которой передал Атрайе. Мы кумвитаи можем управлять процессами жизни, управлять клетками, информацией зашифрованной в ДНК, РНК, мы можем менять ее, мы можем читать и предавать мысли. Но не можем управлять невидимыми метафизическими процессами, предшествующими возникновению материи сознания. Возможно, Сознание стало тем камнем преткновения, загадочной причиной, изменившей мировоззрение Альберто Гирландайо и ставшей причиной его затворничества.

— У тебя есть тотем, но ты не знаешь о нем, — наконец сказал шаман, перестав трясти лапой и завывать, — потому что этот тотем должен был появиться, но не появился. Когда наши люди жили на острове Черепахи, к ним из черных бездонных глубин моря поднялись семь сверкающих ракушек миигис. Одна из них была очень сильной и смертельной для людей, поэтому верховные духи погрузили ее обратно под воду. Спрятав ее от мира людей. Шесть же ракушек, которые остались с людьми, основали наши тотемы. Это были Быкоголов, Эхороб, Утка, Шилохвостка, Медведь и Хвост лося. Если бы та седьмая раковина осталась, то она должна была бы учредить самый главный тотем — тотем Громовой птицы.

Шаман глядя мне прямо в глаза кивнул.

— Это и есть твой тотем. Тотем Громовой Птицы.

Потом он с довольным видом, от добросовестно выполненной работы, отошел от меня к вождю и его жене и о чем-то начал с ними говорить. Шаман, разговаривая с вождем, изредка кивал в мою сторону, и вождь искоса посматривал на меня. Я не стал вторгаться в их мысли и не знал, о чем они думают. Делать это было не этично.

В эти минуты, я думал о Кларке и Гетсе. Так ли комично начиналась их работа? Работа, позволившая Гетсу обрести свою Джусс. Пока я пребывал в растерянности, на помощь пришла Мюриэл. Она подошла ко мне и тихо сказала.

— Тебе нужно поговорить с женой вождя, а не с самим вождем. Предоставь выбирать ей, а не мужчинам, так будет справедливо и честно. Запомни навсегда это наш женский выбор.

Я согласился с ней. Подошел к Кими. Жена вождя была довольно крупной женщиной высокого роста под стать самому вождю, но это отнюдь никак не влияло на ее привлекательность. Две толстые черные косы спадали на ее плечи, заплетенные по индейскому обычаю. Лицо округлое, чистое, в нем была самая малость европейских черт, но в целом ее внешность содержала характерные черты индианки. Глаза немного больше чем обычно для индейцев, были добрыми, приветливыми. Она сразу поняла, что я хочу с ней поговорить, поэтому оставив шамана, вождя, Балу отошла со мной в сторону. Но не успел я ей что-либо сказать, как она, улыбаясь, произнесла.

— Не подумайте что мы оторванные от цивилизации дикари. Это не так. Матхотопа и я из разных племен, но мы принадлежим одному народу. Мы познакомились с Матхотопа, когда я училась на медицинском факультете в Торонто, а мой муж осваивал агротехнологии в соседнем здании. Присутствие здесь нашего шамана это просто дань традиции, нашим обычаям, которые мы бережем и передаем нашим детям, чтобы окончательно не исчезнуть. Мы стремимся сохранить свою самобытность, — она посмотрела мне в глаза, и посмотрела на Мюриэл, ища поддержки, — думаю, вы, как никто другие понимаете меня. Оджибе вымирают, ассимилируются под влиянием глобальной цивилизации. Этот ребенок даст нам возможность остаться со своими древними корнями, не важно, какая основа у этих событий — наука или религия. Она остановит исчезновение оджибе. Я верю в это.

Ее слова повлияли на принятие мной решения, но нужно было еще кое-что.

— Я помогу вам, но есть достаточно серьезные трудности. Нужно специфическое оборудование для работы с биологическими объектами. А в последствие, вам понадобится

медицинский персонал, который бы смог принять роды и не распространяться о том, что они видели. Потому что мы серьезно нарушаем закон.

Кими кивнула.

— Я понимаю, на какой риск вы идете. Но к счастью я возглавляю медицинскую клинику на территории резервации в Британской Колумбии. А резервация, как административная единица достаточно закрытая для посторонних. Во многих вещах мы не подчиняемся федеральным нормам, руководствуемся отчасти своими. Поверьте ни один индеец, из нашей резервации, не сделает ничего, чтобы противоречило интересам народа оджибе. Тем более в вопросе сохранения своей самобытности.

— Хорошо Кими.

Я был восхищен ее самоотверженностью, жертвенной решительностью и решил, что е ей стоит знать о рисках.

— Я лишь хочу вас предупредить о том, что нам предстоит очень не простое дело. Кларк создал Джусс на корабле Гирландайо. Где у него был доступ к самому передовому оборудованию экстракорпоральных манипуляций. Там же была и искусственная утроба, где можно без проблем вырастить эмбрион, плод под управлением развитых нейроситем. Даже если бы речь шла о человеческом ДНК, но и тут все очень просто… Я с помощью квантового пинцета могу произвести любые изменения генома вашего эмбриона. Но нам предстоит использовать геном человека и медведя, что бы создать химерического спауна. И более того химерического спауна, тотемита, будет вынашивать женщина человек. Насколько я знаю, никто еще не делал такого. Не смотря на то, что мы научились легко управлять, перестаивая гены, в ДНК изменяя принципы деятельности РНК, человеческий организм очень сложный и трудно предсказуемый мир, в отличие от эмбриональной искусственной камеры.

— Вас беспокоит возникновение обширного аутоиммунного ответа организма, на присутствие биологических материалов из организма другого вида.

— Да и это тоже, Кими, ваша иммунная система может принять эмбрион спауна за чужеродный и враждебный элемент и начать его атаковать. Мне придется существенно понизить в вашем организме количество плазматических клеток, что бы снизить выработку антител, которые буду рассматривать изменённые клетки эмбриона, как потенциально опасные. Полностью отключить выработку антител я не могу, в противном случае вы останетесь полностью без иммунитета, полностью беззащитной. Тем более они будут необходимы для того чтобы «зачистить» ваш организм от остатков биоматериалов ДНК

медведя, которые будут уже не нужны после всех манипуляций. На корабле Гирландайо, в искусственной утробе плод вырастет не испытывая никаких рисков на себе. И там вы могли бы каждый день смотреть на то, как растет ваш ребенок, не рискуя жизнью. Здесь же вы можете выносить и родить ребенка, но сами рискуете умереть.

Кими посмотрела на своего мужа. Матхотопа стоял в нескольких шагах и озабочено смотрел на свою жену, казалось, он понимает, о чем мы сейчас только что говорили. Потом она перевела взгляд на меня.

— Насколько быстро может развиться аутоиммунный ответ моего организма?

Я, будучи кумвитаем способный работать с ДНК как Бог…. Пожал плечами.

— Возможно сутки, может быть двое. Ясно будет после того, как я проведу несколько тестов.

— Прошу вас, не говорите мужу ничего из того что только что сказали мне. Для оджибе важно чтобы я родила этого ребенка, и очень важно, чтобы я всегда, во время беременности была на виду у всего народа. Каждый оджибе должен видеть то, как растет мой живот. Даже если мне придется умереть. Я знаю, моя жертва будет не напрасной, тем самым я спасу свой народ от исчезновения, — сказала Кими.

Мюриэл молча слушая нас, прервала разговор, положив руку мне на плечо.

— Думаю, тебе придется уехать вместе с ними на некоторое время в резервацию. Ты будешь каждый день вести мониторинг антител и при необходимости оперативно вносить изменение в их структуру пока они не начали разрушительную деятельность против эмбриона.

Предчувствуя мои возражения, она положила мне обе руки на грудь и сказала.

— Всего несколько месяцев, а может и недель, Георг. Это совсем мало. Тем более ты приобретешь, навыки очень нужные для колонистов Марса, — Мюриэл весело в шутку побарабанила меня кулаками по груди, — но ты должен это сделать ради меня, то счастье, что есть у нас с тобой, мы сделаем только больше, если поможем испытать его другим. Мы с тобой будем на расстоянии всего лишь пятнадцати часов неспешной езды на машине. А при хорошей погоде на мультикоптере всего десять часов и ты снова в моих объятьях. Я буду всегда с тобой рядом.

Окончательно преодолевая мое сопротивление, она прижалась ко мне и, обняв одной рукой за шею поцеловала. Мне стало грустно от того что мы будем видеться редко урывками и

это будет продолжаться несколько месяцев.

Кими прониклась моими чувствами. Ей было неловко осознавать, что она стала невольной причиной нашей разлуки.

— Георг мне очень жаль, что я разлучаю вас, обещаю, что я буду приезжать сюда вместе с вами на несколько дней, чтобы вы могли побыть с женой, — смущенно проговорила она.

— Все в порядке Кими, — ответила за меня Мюриэл.

Кими повернулась к Матхотопа, кивнула ему. Вождь подошел ко мне и пожимая руку сказал.

— Нам не дали с вами по-настоящему познакомиться. Наш шаман Вуий сказал что ты потомок великой Громовой Птицы, что пронеслась над землей и сыпля молниями родила из земли жизнь. Он сказал, что только ты сможешь помочь нам обрести символ нашего великого предка медведя, дух, которого соединится в потомках нашей дочери и мужчины Макхк,[14] — он указал оставшегося стоять рядом с шаманом Балу, — ты потомок Громовой Птицы.

— Да это я, — сказал я, смиренно понимая, что уже все предрешено, и я не смогу больше найти причин отказать ни вождю, ни Кими, ни Балу и уж точно не смогу отказать моей Мюриэл.

На следующий день мы отправились в индейскую резервацию в Канаде. Прощаясь, я держал Мюриэл в своих объятьях не в силах оставить ее. Наши две сущности окликались нам, предчувствуя расставание. Их фоны переплетались между собой, как две неровные синусоиды, наполняя пространство вокруг хаотичными приливами волн. Я надеялся, что мои способности помогут мне сделать работу настолько хорошо и точно, что я покину резервацию быстрее на несколько месяцев. Я готовил себя и свою сущность к работе, которая осчастливит Балу и вернет меня к моей жене.

Мои ожидания и надежды оправдались.

На первый взгляд, сама по себе работа по созданию химерического спауна несложная. Кажется что это обычная задача для спаун-дизайнера, напоминающая работу рядового селекционера по созданию некого гибрида. Следуя этой логике, может показаться, чтопросто нужно просто знать, где и какие участки в бесконечной цепочке ДНК заменить и главное правильно подобрать нужные гены. Но это на самом деле не так. В человеке более трех миллиардов генов. Не все из них используются для передачи важной наследственной информации, часть из них являются не кодируемой частью, ошибочно названной мусорными генами. Но, на самом деле, все гены важны для генома. Люди издревле занимались генетическим

скрещиванием различающихся форм. Делали они это подчас, достаточно примитивными способами, и только мы, кумвитаи, довели этот процесс до совершенства. Например, люди, чтобы получить гибридную ДНК, нагревали двухцепочечную спираль ДНК в специальных буферных растворах, что заставляло цепочки расходиться, утрачивая на время водородные связи между азотистыми основаниями. Далее ДНК смешивали с такой же другой ДНК также подвергнутой обработке буферном растворе. И раствор препарата медленно охлаждали. Понижение температуры возвращало цепи ДНК в комфортные условия существования, водородные связи между азотистыми основаниями начинали восстанавливаться, а так как в растворе находились несколько одноцепочечных ДНК, происходило, то, что древние римляне называли «смешивание», «создание помеси» или гибридизация. То есть водородные связи восстанавливались между всеми азотистыми основаниями аденином (A), гуанином (G), цитозином (C), тимином (T) и если речь шла об РНК то и урацилом (U). Нужно ли говорить о том, каков был прогноз относительно запланированных свойств объекта и конечным результатом. Конечный объект наследовал все свойства обоих прародителей, исключая четкий контроль над этими свойствами в процессе создания.

Но люди шли дальше в поисках возможности менять ДНК. Появились разные способы, начиная от так называемых «цинковых пальцев» где использовались специальные белковые цепи, стабилизированные и укрепленные цинком и далее до технологии CRISPR. Все они были настоящим порывом в редактировании генома, открывали невероятные возможности и перспективы в борьбе с наследственными генетическими заболеваниями, онкологией, вирусными инфекциями.

Но у всех у них было много минусов. Технология CRISPR предполагала разрезание ДНК специализированным белком Cas9-нуклеаза, который доставляется заданное место особой липидной наночастицей. После того как ДНК была разрезана в нужном месте происходит так называемое негомологичное соединение концов ДНК, другими словами, клетка просто пытается соединить концы разрывов. Иногда вследствие ошибки это не происходит и тогда клетка погибает, не способная больше делится, так как содержит в себе разрушенную цепь ДНК. Часто исследователи вносят свои коррективы в образовавшийся разрыв, производят установку гомологичной репарации, это часть материала из второй хромосомы или же доставленный особым вектором экспериментальный материал. Несмотря на очень высокую эффективность технологии CRISPR, все же в ней очень велика

доля ошибочных действий, которые могут вызвать гибель клетки или же появление нежелательных мутаций. Процент ошибок и побочных действий может доходить до сорока процентов. Не говоря о том, что присутствие инородных белков может вызвать иммунный ответ организма. Потому что одно дело проводить эксперимент вне организма в стерильных лабораторных условиях и совсем другое дело в живом организме, который готов себя защищать от вторжения.

Наиболее продвинутой и перспективной была технология, построенная на методе праймированного редактирования. В основе метода лежит вирусная обратная транскриптаза. Гениальная находка людей. Метод найденный, как говорится «от противного». Все процессы транскрипции в живых организмах происходят в одном направлении, а именно, они начинаются с молекул ДНК и далее синтезируется РНК-транскрипт. Это позволяло вписать в ДНК нужный фрагмент, дальше молекула ДНК реплицировалась с уже нужным кодом. Но и здесь был минус, так, как был высок уровень ошибок при трансляции на больших участках ДНК, что может вызвать большое количество мутаций.

Не следует забывать также, что в основном доставкой к участку ДНК, где идет необходимое изменение материалов, занимались векторы, основанные на паразитической способности вирусов из семейства фагов встраивать часть своей ДНК в ДНК хозяина. Мало кто из обывателей знает, что именно вирусы за всю историю человечества внесли наибольший процент изменений в человеческий геном, встраивая в его цепь ДНК свои последовательности.

Все эти способы и методы были хороши, когда речь шла о работе с готовой ДНК и заимствованными частями азотистых оснований из состава классических нуклеиновых кислот. Но когда появлялась задача синтеза искусственных генов, полученных химическим путём, ни одна технология не давала положительного результата. Не могло быть и речи о генах содержащих иные вещества не входящие в стандартный набор аминокислот. Возможно, было синтезировать естественные генетические коды, подвергнуть их простым модификациям, но не более. Но даже в этом случае люди не могли еще синтезировать ген, кодирующий определенным способом полипептид, способный сворачиваться в белковую глобулу и функционирующий, как настоящий фермент.

Цивилизация топталась на пороге эры синтетической биологии, не имея возможности войти в нее. Все изменилось с появлением спаун-дизайнеров, существ созданных людьми. И

нашей необыкновенной способности точно, быстро, практически без ошибок оперировать ДНК всех живых организмов. Мы очень редко используем выше названные методы, а оперируем исключительно возможностями загадочного «хромосомного лазера», «квантового пинцета». Наш биочип, под управление нейромода, использует ионизированное излучение несущее бозоны vita-E. Источником этого ионизированного излучения является все, что нас окружает почва, вода, растения — абсолютно все естественные и искусственные объекты окружающего мира, Вселенная буквально пронизана им.

Мы можем точечно заменять в цепочке ДНК любое азотистое основание, вставляя на место него другой ген, при этом удерживая в рабочем состоянии водородную связь. Поэтому такие операции происходят абсолютно без последствий для клетки. Мы можем в режиме реального времени прямо в живой клетке синтезировать любой ген, используя способность калибровочных бозонов переносить фундаментальные взаимодействия в образовании химических веществ и их физическом взаимодействии. Тут же вставить его в свободное место в локусе на генетической карте хромосомы, смоделировать работоспособность, заставляя клетку делиться, запустив процесс митоза. Нам для доставки к ДНК не нужны вирусные векторы, так как наша способность синтеза готовых блоков ДНК исключает необходимость использования перекодированных вирусов фагов. Каждый спаун-дизайнер работающий с ДНК имеет в своем сознании полную расшифрованную библиотеку генов. Это позволяет нам видеть конечный результат наших манипуляций с геномом. Для нас эта библиотека генов, как палитра для художника, а ДНК как холст.

Поэтому когда сейчас человеческая цивилизация на грани гибели, когда большая часть людей превратились в immortui, оставшиеся в живых, и в сознании люди, задаются вопросом.

Кто это сделал? Может ли, беспощадный процесс «mortem animam viventem» быть делом рук коварного и мстительного спаун-дизайнера?

И даже не подозревают что это всего лишь часть эволюции.

Но эволюция не могла помочь Балу, так как для него в природе не существовало пары, той самой пары, что породила весь род человеческий. И никогда не появилось бы, если этого не сделал я. Кроме этого компания создала Балу, как настоящий гибрид — стерильным, не способным оставить после себя потомство. Все это я должен был исправить, хотя законом людей такая деятельность сурово преследовалась.

Я решил создать для Балу женщину, которая при

наследовании генов медведя гризли больше всего должна была унаследовать множество человеческих черт и соответствуя своему спутнику ростом и силой, оставалась стройной, привлекательной, как ее мать, Кими. Я хотел создать тотемита исключив ярко выраженныечерты медведя, как это было у Балу, но в тоже время сохранить их видимость, узнаваемость. Чтобы у народа оджибе не возникло сомнений, что перед ними воплотившийся медведь в теле человека. Они должны проступать через антропологические черты человека, но не превращать образ в лик медведя. Задача для настоящего художника, требующая терпения и очень хороших знаний генома живых существ.

Шаман настоял на своем присутствии, когда я должен был осуществлять свои манипуляции с оплодотворенной яйцеклеткой жены вождя. Он в который раз провел свой обряд, заключавшийся в потряхивании вокруг меня сухой лапы медведя, костяшек на кожаных шнурках и окуривании тлеющими птичьими перьями.

Вуий сел рядом и приготовился наблюдать за работой «колдуна». Но естественно ничего не увидел. В клинике резервации в организм Кими ввели органическую капсулу с биоматериалами медведя гризли. Я произвел отбор необходимых генов и в течение нескольких долгих часов встраивал их в ДНК яйцеклетки, периодически проверяя работоспособность изменяемого биологического материала. Остатки биоматериалов медведя, в течение нескольких дней, были уничтожены антителами иммунной системы Кими.

Это была вся операция по созданию тотемита. Шаман был несколько разочарован, но вида не подал, кивнул молча и одобрительно.

Эмбрион в утробе своей матери чувствовал себя хорошо. Через несколько дней Кими подошла ко мне, погладив рукой свой живот, она благодарно обняла меня. Потом приложила ладонь к груди, где у нее было сердце, ко лбу и в конце прикоснулась обеими ладонями моей груди в области сердца.

Прошло еще несколько недель.

Развитие плода химерического спауна, который вынашивала жена индейского вождя Кими, шло без осложнений. Иммунная система женщины проявила сильную активность в начале, но после моего вмешательства ситуация изменилась в благоприятную сторону. Конечно, главную заслугу в этом приписывали шаману Вуийю. А для меня это означало, что послеболее ста дней разлуки с Мюриэл я наконец-то смогу к ней вернуться без боязни оставить Кими. Я решил на некоторое время оставить резервацию и вернуться лишь тогда когда придет время родов. А весь остальной срок наблюдения за развитием ребенка

проводить с помощью мониторинга через Интернет. Вождь и шаман вызвались сами отвезти меня, таким образом, оказывая мне большие почести. Мы поднялись в воздух, я смотрел на Кими и людей стоявших внизу, испытывая легкое чувство грусти от расставания и радость от того что я наконец-то буду держать в своих объятьях Мюриэл.

В мультикоптере со мной неожиданно связался Кларк. Он был очень взволнован, а такое за ним редко наблюдалось. Он поспешно выслушал все новости относительно моего предприятия по созданию химерического спауна. Как будто они его совсем не интересовали, представляя второстепенную новость. И тут же не делая никакой подготовки сказал.

— Ты можешь остановиться? Выйти, что бы мы могли с тобой поговорить наедине?

Я попросил вождя Матхотопа остановить мультикоптер.

Отошел на некоторое расстояние, чтобы меня не было видно из его кабины. Активировал полноразмерную голографическую проекцию собеседника. Голограмма Кларка над панелью смартфона чуть дрогнула и развернулась передо мной во весь рост. Его волнение передавалось даже через световое поле оптического излучения. Предчувствуя, что-то нехорошее я спросил его.

— Что происходит Кларк?

— Кто-то убил Кейзо Такэути.

Я не знал, кем был Такэути, поэтому промолчал, дав ему самому сказать все.

— Это спаун из Японии из третьей генерации «рожденных», — Кларк озабочено покачал головой, — он был обычной набирающей популярность поп-звездой.

Я не понимал сути событий, но предположил, что Кларк говорит об очень важных вещах, иначе он бы не стал связываться со мной таким экстренным способом. Еще одна причина, что говорила о важности этого печального события в том, что это было первая насильственная смерть спауна, получившая публичное освещение. Но подавляемое усилием воли волнение Кларка, говорило, что есть что-то «еще», о чем он мне не может сейчас сказать. Намного позже я узнал, что Такэути входил в группу «непримиримых» спаунов. Их было несколько тысяч, тех, кто хотел разорвать нить антропогенеза связующую их с человечеством, так как они искренне полагали что человечество, находится на закате своего существования. Они верили, что настало их время, а человечество должно уйти. У каждого свои цели и свои приоритеты.

Мы с Мюриэл пытались покинуть Землю, чтобы найти себя в

новых мирах, Кларк и другие «перворожденные» пытались найти свое место в совместном общежитии с людьми. Тотемиты наоборот избегали общения, с человеком стараясь жить, замкнуто и обособлено. А вот новая генерация спаунов «рожденные» и их союзники из репликантов хотели заявить свои права на некое главенство именно их генезиса синтетической биологии в цивилизации. Они несколько раз пытались склонить Кларка и других «перворожденных» на свою сторону. Но все попытки были тщетными. Поэтому они решили действовать самостоятельно. Их стратегия была в том чтобы имея специфические свойства своей сущности и следовательно превосходства перед человеком сосредоточить в своих руках, как можно больше рычагов управления и контроля над человеческой цивилизацией. Многие из них достаточно высоко поднялись по ступеням административного и политического управления в обществе людей. Спауны финансисты медленно, но очень поступательно теснили старые финансовые институты из мира людей. Репликанты создание для работы в экстремальных условиях и для ведения боевых действий, занимали руководящие посты в армейских и полицейских кругах.

Мало кто уже из спаунов вспоминал идею Альберто Гирландайо создать в Океании первое государство кумвитаев. В желаниях и речах новой генерации спаунов чаще звучали призывы заменить спаунами элитарную надстройку человеческого общества. Естественно раздражение и беспокойство в человеческой среде нарастало, так как было понятно люди столкнулись с более конкурентным биологическим видом, который сами же и создали. И было ясно, что поглощение человечества спаунами это лишь вопрос короткого времени.

События росли подобно снежному кому, несущемуся с высокой горы. Мы с Мюриэл жили на склонах Маунт-Худ в жилье имевшим ограниченный доступ в мир, потому что это был мир спауна Джеки Джекинза, тотемита Балу избегающего не только общения с человеком, но и многих человеческих вещей. Он во многом повиновался зову сердца доставшемуся ему от своего вторичного генетического прародителя. Мы использовали связь и коммуникации Интернета лишь для того чтобы передавать данные в «Спэйс Икс» и для общения с друзьями. Мы опрометчиво упустили из своего поля зрения угрожающие признаки надвигающейся катастрофы. Беспечно пребывая в национальном парке Маунт-Худ, как в раю. И горькая расплата за это не заставила себя ждать.

— Идет расследование, но вопросов больше чем ответов, — озабочено говорил Кларк, — к следствию подключился Алтман

Леманн, он сейчас возглавил Европейский Интерпол. Европейцы запросили помощь у США.

Я был ошарашен.

— Как это произошло? И почему такое пристальное внимание всего человеческого сообщества?

— Это произошло в аэропорту. Дело в том, что уже давно вышли правила для всех спаунов находящихся в общественных местах. Нам категорически запрещается активировать нейромоды в аэропортах, вокзалах, государственных учреждениях… Проще перечислить те места, где нам разрешается активировать нейромод, — Кларк с досадой махнул рукой, — во всех местах, где предполагается большое количество людей, стоят особые детекторы, которые сканируют пространство на наличие фона идущего от нейромода. За нарушение можно нарваться на большой штраф, а рецидив может обернуться сроком заключения.

Я молча слушал Кларка даже не находя в себе силы удивляться.

— Кейзо Такэути вместе со своим промоутером направлялись в vip зону аэропорта, когда стали свидетелями, как группа людей пыталась расправиться с девушкой спауном. Они обвиняли ее в том, что она якобы активировала свой нейромод и пыталась «читать мысли» окружающих людей. Кейзо вмешался. Но по свидетельству очевидцев он тоже попытался активировать нейромод для воздействия на сознание людей, чем нарушил законный акт о нейромода. Я не верю в это, но есть свидетельские показания и записи фоновых сканеров. Агрессивно настроенная толпа бросилась на него и в возникшей неразберихе, кто-то произвел выстрел из оружия в упор.

— Но, как охранные службы смогли пропустить человека с оружием? Роботы из обеспечения и контроля постоянно сканируют пространство внутри аэропорта на наличие оружия, молекул пороха, взрывчатки, на присутствие ионизированных частиц лучевого оружия. Камеры наблюдения, под управлением нейронных сетей имеющие программы поведенческого анализа. Это просто невозможно! Кларк я думаю это какое-то глупое недоразумение, перешедшее в случайную трагедию.

— Я думаю, это было больше демонстрацией. Выстрелы были произведены из огнестрельного оружия. Оно практически не используется для таких целей. Тебе нужно немедленно приехать! От кумвитаев в группу расследования мы включили тебя. Это чрезвычайно важно! — сказал Кларк.

Я обреченно сел на большой камень лежащий рядом. Руки сами не удержались на коленях, я опустил их вдоль тела.

— Но почему я? Кларк, почему именно я, нужен вам для

расследования?

— Нашли единственную улику. Пулю, извлеченную из тела Кейзо. Она не стабильна. Ее поместили в инертную среду, чтобы не потерять. Ты нужен нам, потому что только ты можешь посмотреть в суть процессов глубже, чем кто-либо другой.

Я молчал. Пауза начала затягиваться.

— Георг мне очень жаль, — сочувствующе произнес Кларк.

— Что значит «пуля не стабильна»? — вздохнул я.

— Она то теряет четкую форму, то снова ее восстанавливает. Это не слишком заметно, но вызывает массу вопросов. Без сомнения это металл с самыми невероятными свойствами. Я никогда не видел ничего подобного, — растеряно сказал Кларк.

— У меня есть время увидеться с Мюриэл?

— Нет. Прости Георг. Место преступления огорожено специальным полицейским куполом, туда никого не пускают. Но он не может стоять там долго. Дорога каждая минута. Тебе нужно как можно быстрее приехать.

Кларк сокрушенно развел руками.

— Мы прислали за тобой сверхзвуковой аэроджет, он ожидает тебя в аэропорту Ванкувера.

Я был всего в двух трех часах от Мюриэл.

— Георг, — Кларк сделал паузу, опустил глаза и виноватым тоном сказал, — я уже сообщил Мюриэл, что ты не приедешь сегодня. Что ты сегодня улетишь в Европу. У нее сегодня брифинг в Хоторне я сказал, что ты с ней свяжешься, когда уже будешь на Европейском континенте.

Я ничего, не отвечая кивнул головой, встал и, прервав связь с Кларком, направился в сторону мультикоптера. Я шел к нему с закрытыми глазами, стараясь не думать ни о чем. Полностью отключить восприятие окружающего мира. Неромод слабо пульсировал маленькой точкой в голове. Неожиданно я вспомнил, как когда-то давно вот также, еще мальчишкой брел один по пустынным дорогам Восточной Европы.

Вождь и шаман не задавали лишних опросов, но и х неуверенные жесты и действия свидетельствовали, что они сильно удивлены неожиданным поворотом событий. Вождь посмотрел на меня долгим протяжным взглядом, чуть приподняв подбородок и крепко сжав губы. Но не задал ни единого вопроса. В полном молчании через тридцать минут мы прибыли в Ванкувер. Матхотопа проводил меня до ангара, где меня ожидал сверхзвуковой аэроджет, обнял меня на прощание и, подняв руку с обращенной ко мне ладонью произнес.

— Animikii, пусть путь твой будет легким Громовая птица.

Через два с половиной часа я прибыл в аэропорт Шарля Де Голля и стоял у входа в терминал Е-33 относящегося к классу vip залов наивысшей комфортности. Именно здесь произошло убийство.

Кейзо Такэути не успел войти в зону терминала, так и остался лежать одной половиной своего тела на ярко-красном ковровом покрытии vip зоны. Удивительно, задние аэропорта и особенно vip залы, оснащаются самым передовым оборудованием систем безопасности. Каким образом преступник смог пронести огнестрельное оружие и осуществить задуманное? С технической точки зрения это было невозможно.

Меня встретил полицейский из криминального отдела Генеральной дирекции национальной полиции, бывшее управление полиции СЮТРЭ. Он выглядел, как классический, почти книжный персонаж французского полицейского. Бежевый короткий плащ, чуть мятые полы, которого доходили до колен, синие потертые джинсы все — удобно, но в то же время стильно и не броско. Темные волосы, зачёсанные назад, бледная кожа, острый, тонкий, орлиный нос и выразительные темные глаза. Ничего выдающегося и запоминающегося, по отдельности, но в комплексе, невыразительны черты, давали харизматичное, очень привлекательное лицо.

Он пожал мне руку своей сухой, немного шершавой ладонью.

— Гаетан Дефоссе отдел криминальной полиции города Парижа, — коротко представился он мне, — здесь уже побывали все заинтересованные в расследовании службы, вы последний из аффилированных лиц, пройдемте — и, кивнув в сторону полиэтиленового купола, развернутого над местом преступления, — там все случилось.

Мы прошли в vip зону, откинув полиэтиленовый полог, вступили вовнутрь купола.

Запах.

Купол наполнял странный запах. Так пахнет радиоактивное или рентгеновское излучение. Многие ошибочно считают, что радиация никак не пахнет, но это не так. Она имеет запах похожий на запах озона, оставшегося после грозы, с примесью легкого аромата едкой химии, производной от бензола.

— Вы проверяли радиационный фон? — спросил я.

— Да, — он устало махнул рукой, — фон превышает допустимый минимум. Поэтому здесь противорадиационный купол. И если вы заметили на сто метров ни одной души. Ни у кого нет желания получить дозу радиации.

Он прошел к черному бескаркасному креслу в виде куба и с размаху плюхнулся в его удобную глубину, вытянул ноги,

уверенный, что я не буду возражать, сказал.

— Надеюсь, вы не против. Я чертовски устал, последние дни вымотали меня, держусь только на витаминах и стимуляторах. Разноцветный, которого здесь ухлопали, пал первой жертвой из сообщества спаунов. Своеобразная историческая отметка, если хотите.

Он вынул небольшой блокнот и карандаш, увидев мой удивленный взгляд, покачал головой.

— Люблю работать по старинке. Бумага позволяет брать на себя часть мыслей из переполненного размышлениями мозга, в то же время помогает держать мозги в полной концентрации.

Он устало потер глаза с красными веками, тряхнул головой с зачёсанными назад темными волосами.

— Источник радиации так и не нашли. Эксперты сказали, он находился в пространстве, там, где стояла девушка. Девушка кстати тоже пропала, мы так и не смогли ее найти. Отследили ее путь по камерам и роботам из обслуживающего персонала, но, увы, она словно растворилась. Есть видео, как она зашла в здание аэропорта, но нет свидетельств, что она из него вышла.

Он развел руками.

— С уликами все очень плохо. Убийца сработал крайне чисто, не составил никаких следов.

Дефоссе задумчиво потер подбородок.

— Мы не нашли ничего, — повторил он, — но, что меня больше всего удивляет, то что мы не нашли оружие из которого был произведен выстрел. Преступник не мог пронести в здание аэропорта пистолет, и он не мог его вынести. Это исключено на сто процентов. Значит, он каким-то образом был уже здесь до момента совершения преступления и остался где-то здесь.

Он внимательно посмотрел на меня, словно ждал от меня подсказки.

— Мы несколько раз перетрясли весь аэропорт от стоянки такси до багажного отделения. Просеяли через сито каждый сантиметр, но ничего. Здесь вы не найдете ничего кроме этого странного запаха радиоактивности.

Он достал из кармана AR-очки дополненной реальности.

— Вот возьмите, хотя бы посмотрите на положение трупа, — усмехнулся он.

Я взял из его рук очки.

— Есть записи свидетельских показаний и записи с камер?

— Да здесь все материалы. Свидетельские показания в папке с номером S345/16. Записи с камер в папке C345\23. Но я просмотрел все записи с этих чертовых камер и ничего не увидел.

Я одел очки.

Кейзо Такэути лежал на боку, чуть подогнув под себя левую ногу. Голубые волосы-пластинки лежали намокшими в лужице красной крови. Часть тела лежала в vip зоне, а одна нога вытянута в направлении терминала Е-33. Я осмотрелся, панорамная видеосъемка произведенная полицейским роботом экспертом, не дала ничего нового из того, что мне только что сказал Дефоссе. Я переключился сначала в макро режим, потом долго и тщательно рассматривал все место преступления в микрорежиме, пытаясь найти хоть какую-то зацепку. Мой сопровождающий из отдела криминальной полиции терпеливо ждал, когда я закончу бесполезный осмотр, лениво постукивая карандашом по блокноту. Я сохранил все записи с помощью нейромода и снял очки.

— Ничего, — сказал я.

Он прикрыл глаза, поджал губы и утвердительно мотнул головой из стороны в сторону.

— Так и есть приятель. Ничего кроме этого чертового запаха, легкой радиоактивности и пули, которая не проходит ни по одной картотеке, — он устало откинулся на спинку кресла и разочаровано произнес, разговаривая по большей части с собой, — ни оружия, ни ясных мотивов, ни девушки. Хотя к девушке у меня больше всего вопросов. Не выглядит она невинной овечкой, случайно забредшей гуляя по лужайке в vip зону, и подвергшаяся генетической дискриминации.

Я активировал нейромод.

— Я хочу все проанализировать, радиоактивность и недоступные для сканеров молекулярные следы, — сказал я полицейскому, — не могли бы вы выйти запределы купола.

Он перестал постукивать карандашом.

— Что за черт, приятель? — потом удивленно произнес, — ты один из них? Из спаунов?

— Да.

— Вот так дела! А выглядишь, как обычный человек. Меня предупредили, что будет представитель от цветных, — и тут же поправился, — от спаунов, но глядя на тебя, приятель, думал, что они наняли обычного человека.

— Я один такой в своем роде.

Гаетан Дефоссе уперся руками в подлокотники кресла, приподнял тело и с силой вытолкнул себя из его нутра.

— Работай приятель, — он махнул рукой и скрылся за полиэтиленовой шторкой.

Оставшись один, я приступил к работе. Больше всего меня заинтересовала странная радиоактивность. Биочипу понадобилось несколько минут, чтобы создать имплантат

способный анализировать радиоактивное излучение.

Результаты анализа меня озадачили.

Радиоактивность, присутствовавшая под куполом, отличалась от обычного фонового излучения, она содержала большое количество высокоэнергетических частиц нейтронов, электронов и позитронов. Часть излучения относилось к рентгеновскому спектру излучения. Вызывало удивление повышение присутствие ядер атомов металлов и ядер тяжелых металлов, что совершенно не характерно для атмосферы Земли. В уникальной радиоактивности был краеугольный камень преступления.

Молекулярный анализ органических веществ, не дал ничего, что могло открыть истину в произошедшем событии. Я нашел множество объектов содержащих ДНК людей, что когда-то присутствовали здесь, те, что можно было рассматривать в перспективе, как предмет, относящийся к расследованию. Я отметил и сохранил в памяти нейромода их особенности генома, что бы потом проверить принадлежность по полицейским базам данных.

Это было все, но радиоактивность наводила на серьезные размышления.

Когда нет прямых улик, самое время ознакомится с показаниями свидетелей.

Я снова надел очки и стал просматривать свидетельские показания. Описание девушки, у всех свидетелей совпадало лишь в общих чертах, но каждый опрошенный испытывал трудности в попытке выделить какие-то характерные особенности ее внешности. Я обратился к папкам, где хранились видеозаписи с камер наблюдения. Перевел в режим «3D-присутствия».

Девушка стояла предо мной. Лицо треугольное с тонкими обтекаемыми чертами. Под кожей едва заметная сотовая структура подкожных имплантов, позволяющие ей менять типаж лица и его цвет. Очень большие глаза, предназначенные для хорошего периферического зрения. В белках глаз видны тончайшие линии схем имплантатов, назначение которых определить невозможно. Выразительные губы фиолетового оттенка плотно сжаты. Волосы цвета бордо, короткие с зачесом на одну сторону. Структура волос трубчатая с сердцевиной меняющей цвет. Я подошел ближе. Ростом чуть ниже меня. Спортивная тренированная фигура. Чтобы физические свойства ее тела довести до «абсолюта» ее Создатель изменил костное строение скелета и структуры мышц — она создана для очень быстрых реактивных физических движений. Я смотрел в ее глаза, и меня не покидало странное чувство, что передо мной странное существо, способное казаться окружающим тем, кого они хотят

видеть и быть «никем» одновременно. Я вспомнил старую легенду о существах, имевших в себе и женское и мужское начала. Обладавших невероятной красотой, в которой они соперничали с богами. Тщеславие и самолюбование возвеличило их в своих же глазах и они, возгордившись, бросили вызов богам. Те покарали их тем, что разделили их две сущности, сделав из них мужчину и женщину.

Я смотрел в большие глаза кибергенетического андрогина и задавался вопросом.

«Кто же тебя привел в этот мир, и с какой целью?».

Но кто бы ни был передо мной, я видел заложенный в существо новый генетический генезис. Реакция, быстрый ответ, быстрое выполнение заложенной в ее сознание миссии — вот ее физическое кредо. Сомнений больше не осталось, Гаетан Дефоссе попал в точку, подвергая сомнению ее образ, как жертвы нападок со стороны людей, она — настоящий убийца. Выполнив работу, она отошла в сторону изменила внешность с помощью нейромышечной симуляции и спокойно ушла. Никто не знает ее настоящей внешности кроме ее Создателя. Я впервые смотрел на это существо и терялся в догадках — кто мог пойти на такой безрассудный, демонстративный шаг? Уникальный спаун, созданный для профессионального убийства — вещь по своей сути невероятная для мира кумвитаев.

Уровень профессиональных возможностей спауна-убийцы делал свидетельские показания бесполезными. Потому что убийца всех их подверг мощному воздействию на высшие психические функции, чистке сознания и воспоминаний. Нейронной деятельностью мозга свидетелей управляли. Кто-то смог заблокировать синтез белков и нуклеиновых кислот, необходимых для передачи возбуждения от одного нейрона к другому, тем самым исключил формирование долговременной памяти. Никто из свидетелей, не видел момент выстрела, многие говорили о кратковременной, рассеяний вспышке, но точное ее место, никто из давших показания определить не смог. Я понимал, что на самом деле они все видели, но все забыли через пять-десять секунд, не в состоянии удержать в памяти увиденное своими глазами. В довершение убийца переключил их психику на другие эмоциональные переживания, окончательно «затерев» воспоминания. Все свидетели, как один, утверждали о спонтанно возникшем чувстве агрессии и раздражения, а потом последовавшем за этим чувстве панического страха. Существенные детали в показаниях свидетелей отсутствовали. Но один свидетель меня все же заинтересовал. Привожу его сбивчивый рассказ дословно.

Свидетель S345\11:

«Мы с женой находились практически рядом, с той девушкой. Мне очень стыдно, что я участвовал в том позорном событии. Понимаете, я был страшно раздражен тем, что она воспользовалась своими возможностями… Мне стыдно признаться,… Я хотел ее ударить. Поймите я абсолютно мирный, добрый человек. Среди моих знакомых есть спауны, и они подтвердят мою лояльность. Я не знаю, что на меня нашло, я обезумел. Тот молодой человек, ставший жертвой, мне так жаль, призывал нас всех к благоразумию. В какой-то момент я повернулся к своей жене, желая что-то сказать, как увидел, что ее брошь в виде двух человеческих легких с трахеей, это подарок коллег из всемирной ассоциации хирургов пульмонологов за большой вклад в науку…. Одна половина вдруг откололась и исчезла. Брошь была ей очень дорога, она напоминала ей о признании ее больших заслуг, она большую часть своей жизни посвятила пульмонологии. Я подумал, что она упала на пол и сказал ей об этом. Мы сразу же отвлеклись, чтобы начать ее поиски на полу, под ногами. В след за этим произошла неясная вспышка, крики, толкотня, нас обоих сбили с ног. Мы едва смогли встать, захваченные всеобщей паникой, покинули место vip-зоны.»

Гаетан Дефоссе равнодушно ожидал меня снаружи купола, присев на стальные перила, огораживающие vip зону.

— Нашел какие-нибудь зацепки?

— Существенного мало, — пространно ответил я.

Он улыбнулся и кивнул, понимая, что пришло время торговаться.

— Даже девица не впечатлила? — насмешливо сказал он, — Хорошо. Думаю, тебе стоит немного поделиться информацией. Ты же хочешь увидеть пулю, извлеченную из жертвы? Поверь, она уникальна, озадачила всех наших экспертов.

Манера прямолинейно говорить, скрывая тем самым за простыми фразами цепкий ум и «намётанный глаз», умение отстранено держаться, демонстрируя показную лень в работе, легкое пренебрежение в одежде — обманчивые внешние признаки опытного французского полицейского, ажана. За этой внешностью Гаетана Дефоссе скрывался настоящий полицейский, неутомимый трудяга, беспощадный пес улиц способный лишь по запаху определить готовящееся преступление. Этим он и был мне симпатичен.

— Нет желания немного выпить?

Он улыбнулся и ткнул в мою сторону блокнотом с карандашом, которые так и не убрал в карман.

— Превосходно, друг, думаю, мы с тобой неплохо поработаем.

Он показал мне небольшой ресторан под названием «Апполо» вне стен аэропорта Шарль Де Голь.

— Немного дороговато, для простых обывателей, но зато настоящая современная французская кухня, неплохое вино. Кроме этого управляющий мне немного задолжал, так что воспользуемся системой персональных скидок Гаетана Дефоссе, — весело сказал он, усаживаясь за небольшой столик.

Дефоссе отпил немного белого вина, покрутил жидкость соломенного цвета, в бокале любуясь его цветом и спросил.

— Как это быть спауном?

Я пожал плечами.

— Так же как и быть человеком, хочется большего.

Он грустно усмехнулся.

— Мой сын несколько лет назад умер. У него была редкая генетическая болезнь. Органы один за другим отказывали. Моей зарплаты полицейского едва хватало на лечение. И он умер. Я пытался забыться в работе. Я знаю, что ты мог бы ему помочь, если бы я встретил тебя раньше. Ты бы ему мог помочь? — он поставил бокал, — Если бы он сейчас был еще жив.

— Думаю да, я бы смог ему помочь. Я бы сделал все возможное чтобы помочь твоему сыну.

Гаетан Дефоссе кивнул и несмотря на то что в кафе, было тепло, запахнул плащ, словно его знобило. Мы молча сидели, каждый думая о своем.

— Я работаю в полиции уже больше восемнадцати лет и всякого повидал. Знаешь, что я четко уяснил за это время?

Я молчал.

— То, что все такие преступления с отсутствием достоверных улик, с кучей невнятных свидетелей, труднообъяснимых странностей. Жертва, которая пала мертвой, как бы случайно. Неясный противоречивый мотив преступления. Смотришь на все преступление в целом, удивляешься его курьезности, особенно нелепости использования устаревшего типа оружия… — Гаетан устало положил ладонь на лоб, чуть помедлив, запустил пальцы волосы, зачесывая пятерней их назад, — это все предвестники одной большой задницы, для какой-то одной заинтересованной стороны.

Он положил передо мной кусок инертного аэрогеля. В небольшом прозрачном кубике поблескивала медью обычная пистолетная пуля калибра девять миллиметров.

— Гильзу мы не нашли. Возможно, преступник забрал ее собой, так же как и оружие, но повторяю это маловероятно.

Сейчас на пуле отсутствуют следы нарезки, но они были. Молекулярный анализ это подтвердил. Поэтому мы не можем установить ни тип огнестрельного оружия, ни тип оборудования на котором оно было произведено. Мы даже не сможем произвести опытный выстрел боеприпасами из неустановленного типа оружия. А в итоге определить точное месторасположение стрелявшего, а также точное месторасположение потерпевшего в момент выстрела. Но я думаю, ты уже понял кто убийца.

— Я могу осмотреть пулю?

Гаетан вытащил из кармана и протянул мне специальный пинцет, чтобы извлечь пулю из аэрогеля. Я вытянул конусовидный кусочек металла. Освободившись от инертной среды, поверхность пули, стала меняться, ее четкие контуры размылись, образовав медное облачко со стальной сердцевиной. Через долю секунды пуля снова обрела четкие контуры. Несколько раз, блеснув прошедшими по ее поверхности микроволнами, она снова стала размываться облачком и снова приняла четкую форму. Так она и пульсировала зажатая кромками пинцета.

— Как ты думаешь, что происходит с ее структурой? — тихо спросил Гаетан.

— Я думаю, она пытается принять некую форму, но не может чего-то ей не хватает.

Пуля была по-настоящему удивительной, самая невероятная пуля, что я видел до этого.

Я провел ладонью над исследуемым предметом. Неромод с помощью импланта провел анализ объекта. Обычная медная пуля с железным сердечником, вот, только радиоактивность идентичная той, что была под куполом. Как только я вернул пулю обратно в аэрогель, она сразу же стабилизировалась, перестав расплываться.

Настала моя очередь.

— Та радиоактивность под куполом, она абсолютна, не характерна для радиоактивного фона Земли. Она содержит в самых минимальных количествах альфа-частицы ядер гелия, что испускает наше Солнце, но в основном она содержит нейтроны, электроны и позитроны, присутствует гамма излучение. Такое более характерно для космических лучей, что идут из недр Вселенной, также для темной материи наполняющей пространство или даже возможно антиматерии.

— А что является их источником чаще всего? — Дефоссе озадачено смотрел на меня.

— Чаще всего они формируются взрывами сверхновых, когда идет интенсивный процесс образования различных элементов,

начиная от гелия и заканчивая ядрами тяжелых металлов. От пули идет тот же фон. Она часть той радиоактивности, что еще сохранилась под куполом.

Французский полицейский изумленно уставился на меня, карандаш, которым он любил постукивать по блокноту, застыл в сантиметре над его поверхностью.

— Ты хочешь сказать, что там взорвалась сверхновая что ли? Этого не может быть.

— Нет, конечно же. Какой-то очень сходный с этим процесс. А ты посмотри на пулю. Ты нечто подобное хоть раз видел в своей жизни? Вывод такой — никто не проносил оружие, оно было создано прямо на месте в момент выстрела и престало существовать также в момент выстрела. Оно существовало и его не существовало.

Раздался щелчок падающего карандаша, и потрескивание его граней, когда он катился под стол. Лицо Гаетана Дефоссе застыло японской маской удивления биккуримэн, смесь двух выражений — удивления и напускной глупости.

— Что, ты, такое, черт побери, несешь? — с трудом выдавил он из себя

— Если моя теория верна, я думаю, мы столкнулись с совершенно новым типом оружия, основанного на морфологических молекулярных заимствованиях. Нам нужно еще раз опросить свидетеля S345\11.

— Тогда двигаем, — сказал Гаетан.

Семнадцатый округа города Парижа Батиньоль-Монсо улица Флоранс, в одном из престижных домов, на последнем этаже, одноэтажные, но достаточно приличные апартаменты, занимал Марселон Аббадье в прошлом неплохой футболист, а сейчас владелец нескольких небольших носочных фабрик, успешно конкурирующих с китайскими производителями. Его жена Катрин Бриан известный хирург пульмонолог одна из совладельцев предприятия по производству известных хирургических роботов «Rotobes médicaux Gérald».

Гаетан предварительно позвонил и договорился о встрече.

Нас встретил сам Марселон Аббадье. После обычного приветствия и знакомства хозяин дома попытался обозначить формат общения, упоминая, что он уже общался с полицией и не располагает достаточным временем и желанием для продолжения общения.

— Месье Дефоссе, мы рассказали полиции все что знали. Я очень сожалею, что был участником этих событий, я и Катрин хотим, как можно быстрее забыть об этом. Я отвечу на два, три ваших вопроса, но не более. Для нас это крайне неприятные

воспоминания.

— Прошу прощения месье Аббадье, но открылись некоторые обстоятельства, которые требуют именно вашей гражданской помощи. Без вашего участия мы не сможем продвинуться в раскрытии преступления, — Гаетан Дефоссе подстроился под тон собеседника.

Аббадье миролюбиво кивнул и сделал жест, ладонью приглашая нас в гостиную.

— В своих показаниях вы упоминали о странном, малопонятном событии, когда ваша жена утеряла, часть дорогой вам броши.

Марселон Аббадье удивлено поднял брови.

— Какое это может иметь значение для следствия?

— Вторая половина броши у вас?

— Да, — утвердительно кивнул он, — Ее не возможно уже носить, так пропала половина декоративной композиции и стальная булавочная заколка для крепления к одежде. Но мы сохранили ее, как память о заслугах Катрин.

— Принесите ее, — попросил Дефоссе.

Аббадье, вернулся через минуту, неся в подрагивающих руках небольшую коробочку тёмно-красного цвета с золотым тисненным логотипом всемирной ассоциации пульмонологов.

— Прошу, — он положил ее на стол.

Гаетан Дефоссе поставил на стол смартфон с включенной видеозаписью и аккуратно вытащил половинку медной броши.

— МесьеАббадье, прошу, держите брошь на ладони.

Многозначительно посмотрел на меня, чуть качнув головой сказал.

— Ну, приятель, если ты прав…. — и, не закончив предложения, извлек из инертного аэрогеля пулю.

Пуля мгновенно потеряла очертания, расплывшись рыжим медным облачком. Раздался легкий щелчокрассеянная вспышка неясного происхождения — пуля исчезла.

На ладони Марселона Аббадье лежала абсолютно целая медная брошь. Два человеческих легких и рубчатая трубочка трахеи уходящая вверх. Он удивлено повернул ее. На обратной стороне поблескивала сталью булавочная застежка.

— Как это произошло? Что за фокусы? — ошарашено, спросил Марселон Аббадье.

Придя в себя, он тут же заявил.

— Мы с Катрин не имеем никакого отношения к изготовлению пули.

— Успокойтесь месье Аббадье, вас никто ни в чем не обвиняет, — задумчиво сказал Дефоссе, — но если понадобятся в

суде ваши свидетельские показания, вы готовы нам помочь? Подтвердить достоверность видео?

— Да-да конечно же, — пробормотал растеряно Марселон Аббадье.

— И что теперь дальше? — Гаетан был очень серьезен, потому что это дело принимало очень непростой оборот.

Но тут же ответил сам себе.

— Классический сюжет для Франции «Cherchez la femme!».

— Не уверен я в том, что мы найдем именно ее, — ответил я.

— Я не знаю еще чего-то? — удивленно спросил он.

Я кивнул.

— Да я тебе не все сказал.

Мы покинули апартаменты Марселона Аббадье и вышли на улицу, сели в машину. Гаетан Дефоссе не стал откладывать разговор, он повернулся ко мне, опираясь одной рукой на рулевое колесо, а другой на спинку водительского сиденья.

— У тебя, кажется, есть, что мне сказать.

— Я могу только предполагать, так как сам впервые столкнулся с подобным спауном. Девушка, может относиться к женщинам лишь условно, она существо, имеющее обманчивый образ. «Оно», именно так стоит ее называть, не имеет лица, пола — ничего из устойчивых антропометрических данных, что бы могло ее хоть как-то идентифицировать или вывести на ее настоящий след. Мы спауны, называем себя по иному, не так, как вы люди называете нас. Мы меняем свойства органических объектов. Мы видим жизнь во всех ее проявлениях. И это важно для нас. Но чтобы воздействовать на неорганические объекты, нам необходимо создавать сложнейшие имплантаты. Она же часть, как органического, так и неорганического мира. Ее возможности управлять молекулярной структурой неорганического предмета глубже, чем-либо у кого-то из нас, но на этом ее способности заканчиваются. Она создана для узкого круга задач.

Гаетан потер подбородок.

— Черт побери, — выругался он, — мутно как-то все, я ничего подобного в жизни не видел и не слышал. Даже не представляю, как теперь нужно вести расследования, когда на улице разгуливает такой профессиональный убийца.

Он повернулся и откинул голову на подголовник сиденья.

— Думаю нам нужно начинать поиск с того, кто мог бы ее создать. Создателя. Так вы спауны называете тех, биоинженеров, что вас создали?

— Да.

Но его размышления прервал входящий сигнал. Гаетан

вытащил из кармана смартфон. Бросил взгляд на экран.

— Прости, друг, из департамента вызывают. Что-то стряслось.

Он вышел из машины для разговора. Я же воспользовался свободной минутой, чтобы связаться с Мюриэл.

— У нас, к сожалению пара минут, — предупредил ее я.

Но глядя на дорогой мне образ я сразу же позабыл о расследовании, об уникальном убийце — все это мне хотелось оставить здесь и вернуться к своей жене.

— Так жаль, — она разочаровано сжала губы, но тут же собралась, — тогда сразу о самом главном.

Я вывел голографическое изображение с экрана смартфона в виртуальную плоскость перед собой, чтобы лучше видеть ее лицо.

— С Кими все в порядке, все идет, как нельзя лучше, все оджибе в радостном ожидании, — она засмеялась, — думаю, в индейском племени установят тотемный столб посвященный тебе. Будет очень забавно видеть твой образ в виде громовой птицы.

— Я попрошу шамана установить столб рядом, посвященный тебе великой ведунье растений.

Мюриэл протянула руку.

— Коснись моей руки, — сказала она, — мне тебя очень не хватает.

Я протянул ладонь и коснулся ее голографической руки.

— Когда ты вернешься, тебя ожидает неожиданный сюрприз. Я решила не ограничиваться мхами, это в некоторой степени так скучно. А создать нечто удивительное для сухой и холодной поверхности Марса.

Она помолчала, выдерживая паузу. Я же неотрывно смотрел на нее.

— Почему ты не спрашиваешь о том, что это?

— Что это?

— Ах, ну какой же ты! — поморщилась она, — Это цветок! Представляешь Георг, это первый марсианский цветок. Когда Балу помогал мне разносить образцы мха на опытные участки. Мы обнаружили высокогорные цветы семейства горечавки. Подумай только, они растут на высоте трех тысяч метров над уровнем моря. Цепляются почти за голые камни, способны переносить высокогорный холод, бедную кислородом атмосферу. Я поправила их геном, и теперь они смогут выживать в самых суровых условиях.

— Разве это возможно?! Там температура колеблется от минус двухсот сорока до плюс двадцати пяти. Это будет самое невероятное растение с настоящей закалкой титанов, если не

рассыплется маленькими кристалликами льда.

Глядя на мое удивлённое лицо она загадочно усмехнулась.

— Кстати про лед. Ты просто всего не знаешь. «Спэйс Икс» притащили на орбиту Марса из главного пояса несколько огромных ледяных астероидов. Они содержат замерзший водяной лед, немного азота и пару тонн пыли. После того, как они развернут дополнительные орбитальные зеркала на орбите и направят рефлекторы на экваториальную часть планеты, что бы создать пятна температурных оазисов на плато Солнца в районе озера Феникс и в районе земли Ноя, они начнут сбрасывать по особой траектории в оазисы глыбы астероидного льда. Распадаясь в атмосфере Марса лед, будет таять, и орошать температурные оазисы дождем. Это будет дождь первый дождь за многие миллионы лет! Именно там я посажу мои цветы. Правда, это здорово?

Я смотрел на Мюриэл, на ее счастливое лицо — она жаждала творить новый мир, который станет новым домом для миллионов существ новой генерации и новой эпохи.

— Любой терраформинг начинается с воды. А такая технология позволит постепенно, шаг за шагом, повышать влажность атмосферы. Мои растения будут удерживать влагу на поверхности в почве. Влажность сначала будет формироваться в районах температурных оазисов, а затем с увеличением бомбардировки атмосферы глыбами льда, разрастаться от экватора дальше к полюсам, захватывая новые территории, тем самым постепенно повышая среднюю температур планеты.

Дверь автомобиля открыл Гаетан. Он был мрачнее дождевой серой тучи, но увидев голографическое изображение Мюриэл мгновенно преобразился. Галантно улыбнулся, извиняясь, поднял обе руки.

— О, прошу прощения.

— Гаетан Дефоссе, — представил я его.

Мюриэл помахала ему рукой. Французский полицейский смущенно улыбнулся.

— Японимаю, «L’absence est l’ennemi de l’amour»[15]. Я не могу этого допустить, подожду снаружи пару минут.

Он в ответ поклонился и хотел закрыть дверь автомобиля.

— Постойте! Месье Дефоссе, вы так милы… — сказала Мюриэл, — не стоит уходить, мы уже прощаемся.

— Еще раз прошу прощения, — виновато произнес Гаетан.

Я сидел в машине пытаясь настроиться на расследование, но образ Мюриэл все еще был так осязаем в моем сознании, что я никак не мог отвлечься от него я сидел, молча уставившись в

боковое стекло машины и бессмысленно смотрел на идущих мимо людей.

— У тебя очень красивая жена, — нарушил молчание Дефоссе.

— Ты сам женат? — спросил я его.

Он немного потянулся и снова, как тогда в кафе, когда речь зашла о его семье, зябко запахнул плащ.

— Был, — неопределенно протянул он, — после смерти Люка, мы с Кристелль пытались все пережить вместе. Знаешь, как бы быть вместе и в горе и радости. Но это было ошибкой. Мы почти не разговаривали, все дни проходили в молчании. Через какое-то время начали избегать друг друга. Каждый из нас для другого, был живым напоминанием пережитого горя. Я старался раньше уйти на работу и как можно позже прийти. Она ложилась спать, не дождавшись меня, и делала вид, что крепко спит, когда приходил. Все начало рушиться. Отчуждение дошло до того, что мы стали ненавидеть — она меня, я ее. В конце концов, это стало настолько невыносимо, что я ушел. У меня остался от отца старый катер и небольшой дом на сваях на набережной Жорж Гросс. Там я на берегу Сены и живу. Неплохой спокойный район, когда-то в молодости моего старика это было определённо романтическое место.

Гаетан неопределённо махнул рукой в воздухе перед собой.

— Так что если будет желание посидеть вечером выпить вина или пропустить пару пивных бутылок, буду рад…, — не окончив предложение, он поменял тему, — я случайно стал свидетелем окончания вашего разговора. Она у тебя что-то вроде биолога или флориста, занимается растениями?

— Она террафлорист создает растения для терраформинга Марса.

— Это, наверное, чертовски интересно.

— Да уж, — усмехнулся я, — у нее есть мечта покинуть Землю и посвятить себя терраформингу Красной Планеты, чтобы превратить ее в цветущий сад, ну или просто в пригодную для жизни планету. Когда я покончу с этим расследованием, мы вместе с ней покинем Землю в миссии организованной «Спэйс Икс».

— Я бы тоже сбежал отсюда на Марс, — грустно произнес Дефоссе, — как ты думаешь, может, стоит попробовать?

— Почему нет? Требования к тебе это хорошее здоровье и желание быть полезным новому миру. Показать свою способность работать и жить, справляться с самыми сложными трудностями в очень суровых условиях. Последний, пожалуй, более важный критерий, чем все остальные.

— Мда-а, думаю, стоит попробовать, — задумчиво сказал он.

Я посмотрел на сидящего рядом человека. Гаетан сидел, опустив голову, рассматривая лежащие на коленях свои руки. Несколько морщин на переходе от переносицы к центральной части лба говорили о том, что он часто испытывает тяжелые приступы внутреннего переживания. Но он был в самом расцвете своих сил. Среднего возраста, без сомнения он одарён отличным аналитическим мышлением, хорошей физической выносливостью, быстрой реакцией, но его внешний вид не соответствовал этому. Я активировал нейромод, чтобы сделать спектральный анализ его нейромедиаторов. Пониженный уровень норадреналина, адреналина, серотонина, дофамина в противовес очень устойчивый высокий уровень мелатонина. В крови повышение содержание ксенобиотиков. Я посмотрел последние его зрительные образы в памяти.

«Пустота пропасти, открывшаяся за краем крыши высотного здания».

«Пистолет с одним патроном, рядом со стаканом с алкоголя».

«Длительное созерцание течения серой реки».

«Брошенный бронежилет в опасной перестрелке».

«Дрожащие руки, разбитые в кровь о стену».

«Собственное измученное лицо, отражающееся в зеркале….».

— Я могу тебе помочь, получить некоторые уникальные свойства, которые дадут тебе большое количество балов при прохождении отборочной комиссии.

— Прости приятель услуги спауна мне не по карману, вы очень дорогие ребята, — усмехнулся он.

— Я не торгую ими.

— Вот как! Что ты можешь сделать для меня? — он искоса посмотрел на меня.

— Я не могу привить тебе уникальные свойства, какие есть у репликантов или спаунов. Это правда. Но я могу повысить радиорезистентность твоего организма и повысить устойчивость твоей мышечной и костной системы к микрогравитации.

— Для чего это, черт побери, мне нужно? — он посмотрел на меня, недоверчиво раскрыв глаза.

— Полет к Марсу длиться чуть более семи месяцев. За это время человеческий организм подвергается очень сильному воздействию космических лучей, ионизирующее излучение вызывает в цепочке ДНК разрывы и мутации.

Он продолжал удивленно смотреть на меня.

— Гаетан, летальная доза для человека от 4 до 10 грей. Но какая-то тихоходка способна выдержать свыше тысячи грей. Есть микроорганизмы выдерживающие, тридцать тысяч грей. Если ты

будешь более устойчив к ионизирующему излучению, то твои шансыпопасть в миссию намного возрастут.

— А у меня не вырастут…, — Дефоссе покрутил пальцем и скривил широко открытый рот, — всякие жгутики, щетинки или возникнет ротовая полость на боку, как у инфузории?

— Нет! — засмеялся я, — ты даже не заметишь этого, потому что внешне это никак не проявится. Просто тебе не придется отсиживаться во время перелета в специальной защитной противорадиационной камере, и на поверхности Марса ты будешь чувствовать себя лучше всех. Микрогравитация разрушает костную структуру, делает мышцы менее эластичными, дряблыми. Я же помогу тебе избежать всех отрицательных ее воздействий. После прилета на Марс многие будут проходить длительный период адаптации, ты же сможешь сразу приступить к работе.

Состав его нейромедиаторов резко изменился. Возрос уровень фенилэтиламина, серотонина и ацетилхолина.

— А что, черт побери, — выругался он, — стоит попробовать. Я буду у тебя в долгу, друг.

Я впервые увидел его искренне улыбающимся.

— Знаешь, я благодарен судьбе что, эта капризная мадам столкнула нас с тобой на одном пути, — он протянул мне руку.

Мы отъехали от дома Аббадье.

— Но у нас есть еще не раскрытое дело. И прибавилась еще одна неприятность.

Дефоссе вырулил на шоссе.

— Теперь нам с тобой предстоит одно весьма неприятное дело. В департаменте меня предупредили, что создается объединённая комиссия с участием всех европейских специальных служб, прибудут представители из США. Весь огромный мировой муравейник пришел в движение, — он, прикусив губу, покачал головой, — дело принимает чрезвычайно серьезный оборот.

— Что происходит?

— Убийство Кейзо Такэути не прошло бесследно. У вас, среди спаунов появилась какая-то группа, угрожающая создать вирусные штаммы, способные в короткий срок убить миллионы людей. Есть угрозы сделать локальное демонстрационное применение в Лондоне, Нью-Йорке Пекине и в паре других городов.

Я был в состоянии полной растерянности.

— Но кто они? Кумвитаи не способны на такие шаги! Для нас жизнь имеет неприкосновенное, первостепенное значение. Это,

какая-та злая шутка, потому что это не возможно.

— Друг, я не знаю, — покачал головой Гаетан Дефоссе, — есть еще кое, что, В Брюсселе убит лидер всемирной партии «Заря антропоса» Якоб Ваутерс. Он протаскивал через Европарламент и Государственные органы других стран законы, ограничивающие права спаунов и репликантов. Его поддерживала огромная масса народа по всему миру. Филиалы «Зари антропоса» есть везде, в США, даже в Китае. Убит он при схожих обстоятельствах, что и в деле малоизвестной поп-звезды Такуэти.

Он многозначительно посмотрел на меня.

— У Федеральной полиции Брюсселя есть еще одна «пуля».

Гаетан Дефоссе остановил машину на обочине, обхватил ладонями голову, провел ими, взъерошивая волосы до затылка, потом выпрямился и, обращаясь ко мне спросил.

— Черт, побери, у меня есть подозрение, что какая-то третья, очень могущественная сила раскачивает ситуацию, желая взорвать весь мир. Что думаешь?

— Я не знаю. Куда мы сейчас?

Я терялся в догадках, но ситуация действительно становилась угрожающей.

— На бульвар Мортье. Нас ждут на объединенной коллегии в самом «ящике» DGSE[16] с докладом о деле Кейзо Такэути, — Дефоссе вздохнул, — проклятый Марселон Аббадье, теперь важный свидетель, у нас нет времени и возможности состряпать иную картину преступления. Готовься друг.

Проклятый код. Прощай

Большой дубовый стол стал немым свидетелем беспомощной растерянности вершителей мировых судеб. Представители самых могущественных специальных служб мира, из дружественных Франции стран, молча смотрели на меня и парижского полицейского, наш доклад произвел на них ошеломляющий эффект, хотя они всеми силами старались это скрыть. Спаун — дизайнеров представлял Кларк. Но я не успел с ним перекинуться и парой слов. Нас сразу же, как только я прошел через застекленную, арку пропускного пункта, разделила служба протокола DGSE, а использовать передачу друг другу мыслей не было и речи. Мы находились в одном из самых защищенных зданий в мире. Активация нейромода привела бы к нашей мгновенной гибели. Впоследствии я научился создавать имплантаты способные обходить данную защиту, но в тот момент я и Кларк были бессильны.

Председательствовал на объединенной коллегии, пользуясь правами хозяина, директор DGSE Бернанд Коренньи. Худощавый, улыбчивый человек. В нем, за внешностью простодушного седовласого французского прево, из эпохи Людовика XIV, скрывалась сильная, умная и хитрая натура. После нашего, с Гаетаном Дефоссе, подробного доклада в помещении повисла напряженная пауза. Каждый из присутствующих неотрывно смотрел на нас, словно мы могли дать еще какие-то данные, кроме тех, что уже озвучили для всей коллегии. Бледный Кларк грустно посмотрел на меня, его сжатые в кулаки руки расслабились, он медленно сложил их, положив одну кисть руки на другую на полированной поверхности стола и обреченно склонив голову, отвернулся к тонированному панорамному окну.

— Вы хотите сказать, что это существо или как вы его назвали нейро кибергенетический андрогин, но я считаю, что это лишь еще одна разновидность спаунов, может создать абсолютно любое оружие прямо их воздуха?

Спросил, направив на меня указательный палец, грузный, с жестким взглядом маленьких глаз и коротким ежиком седых волос человек, сидевший рядом с Коренньи представитель ЦРУ Конрад Уильямс.

— Я не говорил, что из воздуха. Он использует молекулярное заимствование от окружающих предметов. Любая материя если она подходит под условия крафта.

— Еще раз, — он уточняющее поднял указательный палец, — другими словами, чтобы хоть как-то нейтрализовать, этого

спауна, нужно каким-то образом поместить в полный вакуум? Иного пути нет, потому что, следуя вашему утверждению его ничто, не сможет удержать.

— Думаю его самое уязвимое место, — я не знал, как правильно ответить на вопрос цэрэушника и строил, в ответ, используя лишь предположения, — лишить его умения создавать квантовую матрицу с помощью, которой он создает любой предмет и в том числе оружие.

Его не удовлетворило мое предположение, он разочаровано покачал головой, эти люди не были спаунами, но умение анализировать, думать, читать скрытые психологические маркеры приближали их профессиональные навыки к возможностям спаунов.

— Бессмысленно в вашем случае выдвигать пустые предположения, потому что вы Аренский не знаете, как эффективно нейтрализовать данные существа. Я могу лишь констатировать, что возможности этих спаунов поистине безграничны, для них не существует никаких, я подчеркиваю, абсолютно никаких преград. Потому что нет быстрой возможности поместить его в условия, где его ничего не будет окружать. Они могут проникнуть куда угодно и выполнить любую самую безумную миссию своего хозяина. Они страшная угроза.

Кларк повернулся ко мне, его руки были снова сжаты в кулаки. Он едва заметно печально покачал головой.

— Месье Аренский, — обратился Кореньи к Кларку, — вы не могли бы прояснить нам ситуацию с появлением этих уникальных спаунов. Пока нет никаких подтверждающих данных, что к этому причастны Китай или Россия. Поэтому возникают вопросы к вам.

Кларк, вздохнул и спокойно сказал.

— Мы не создавали ничего подобного. Вся наша деятельность находится под жестким контролем федеральных властей Австрии и Евросоюза. Все проекты в области экспериментальной синтетической биологии и генетической инженерии строго регламентируются. Мы ведем совместные изыскания со многими учреждениями и предприятиями по всей Европе и абсолютно прозрачны в своих изысканиях.

— У меня два вопроса к мистеру Аренскому. Если не вы, то вы не могли бы предположить, кто их создатель?

Спросил высокий англичанин занявший место с другой стороны от Кореньи.

— Я этого не знаю, — скупо ответил Кларк и сжал губы.

— Я хочу знать. Вы вели работы по совершенствованию представителей своего биологического вида? Ведь вы принимали участие в создании новых кибергенетических существ для

военных нужд. Эта тема вам должна быть знакома.

Англичанин невозмутимо уставился на Кларка.

— Все проекты проводились лишь в рамках научных изысканий университета, по заказам федеральных, частных компаний, военных ведомств не нарушая законы ЕС, — пояснил Кларк.

Представить МИ-6 удовлетворённо кивнул, но задал другой вопрос.

— Вы не давали консультаций по другим проектам, не входившим в проекты вашего университета?

Кларк молчал.

— У меня есть данные, что вы приняли активное участие в создании, по крайней мере, двух химерических спаунов не вошедших в регламент проектов университета.

— Это не относится к вопросам. Которые мы сейчас с вами обсуждаем, — резко парировал Кларк, — ни один из них не может использоваться для выполнения военных или других миссий, где требуются навыки убийцы!

— Господа, думаю, все со мной согласятся. Это самая серьезная угроза безопасности нашей цивилизации, что особенно актуально в свете последних событий, — сказал представитель ЦРУ, — мы, люди, создали эту угрозу, мы ее должны устранить. Или постараться максимально минимизировать ее последствия.

— О чем вы, Уильямс?! — воскликнул Кларк, — уверяю вас, мы не имеем к этому никакого отношения.

— Господин Аренский вы знали о группе спаунов, создавших вирус способный коинфицироваться со всеми патогенными штаммами вирусов? В результате чего мы получили реальную угрозу, когда разновидности новых, весьма опасных, патогенных вирусов начнут расти в геометрической прогрессии. К миллионам уже существующих вирусов, прибавится еще одна серьезная угроза — мы столкнемся с опасностью исходящей еще от нескольких миллионов новых, абсолютно неизвестных вирусов. И я знаю, что вы имели контакты с этими спаунами. Ответьте, Аренский, как мы можем доверять вашим словам? — жестко спросил Конрад Уильямс.

— Да я контактировал с ними. Я знал об их сепаратистских настроениях, это были глупые разговоры, не несущие никакой угрозы. Пустая болтовня. Я не был посвящен в их планы. Поэтому понятия не имел о том, что они создают. Это всего лишь небольшая, мизерная группа из всего сообщества спаун-дизайнеров. Разве можно по поведению нескольких представителей судить о всех. Я еще раз, категорически, подчеркиваю, мы не знаем создателя нейро кибергенетического

андрогина и мы его не создавали. Мы имеем лишь опосредованное отношения к группе спаунов о которых вы мне говорите. Но могу предложить свою помощь, свое сотрудничество, в решении всех обозначившихся проблем.

Но Уильямс, словно не слышал его.

— Мистер Аренский, в отличие от вас я знаю, кто мог создать это неуязвимое существо, и поверьте, меры будут приняты очень действенные. И в том числе против группы «генетических террористов». К вашему сведению, Кейзо Такэути должен был стать курьером перевозящим образцы сверхконфицированного вируса.

— Да-а! — удивленно воскликнул Гаетан Дефоссе, — это безопаснее чем использовать дронов аэрошипинговых компаний.

Сидевший, до этого молча Алтман Леманн встал на защиту Кларка.

— Я ручаюсь, что Кларк Аренский не был в курсе планов названной вами группы спаунов. Нельзя из-за нескольких индивидов, бросать тень на всех остальных.

Англичанин слегка приподнял ладонь, останавливая Леманна.

— Я так же верю господину Аренскому. Но для нас с вами сейчас важно решить несколько задач. Установить создателя нейро кибергенетического андрогина, узнать его планы, установить их настоящее количество, возможно он планирует создать целую армию таких существ, — он оглядел своих собеседников, — думаю, стоит рассмотреть вопрос о совместном, коалиционном взаимодействии при ликвидации группы спаунов создавших сверхрвирус, — англичанин слегка постучал ладонью по столу, — пока это не зашло слишком далеко.

Конрад Уильямс согласно развел руками.

— Да. Это важнее всего. Интуиция подсказывает мне, что первые три задачи с последней, явно не связаны между собой. Но если выяснится, что, как прозвучало в докладе, новый вид спаунов, нейро кибергенетические андрогины, связаны с группой спаун-дизайнеров, угрожающих применить вирус способный к сверхкоинфициированию, то это грозит катастрофой все человеческой цивилизации.

Кореньи согласно кивнул, тронул экран лежащего перед ним планшета и обратился к Гаетану Дефоссе.

— Месье Дефоссе вы за заслуги перед родиной награждены Орденом Почетного Легиона, Крестом Воинской Доблести, Медалью Заморских Территорий. Вы участвовали в составе французских вооруженных сил в нескольких специальных военных операциях в Северной Африке и на Ближнем Востоке…

Но Гаетан Дефоссе не дав ему закончить перебил.

— Не трудитесь. Было время, я выполнял кое-какую грязную работу для Франции, но это уже далеко в прошлом и забыто. В данный момент я обычный французский ажан с парижских улиц.

Кореньи терпеливо выслушал его и настойчиво продолжил.

— Вы оказались вовлечены в это дело. В нашей власти вернуть вас обратно на службу. Вы подключитесь к работе, как весьма ценный сотрудник.

Дефоссе усмехнулся.

— Нет, увольте. У меня абсолютно другие планы на счет своей персоны. Я покончил с прошлым.

Кореньи огляделся по сторонам, молча обращаясь к каждому из коллег, потом повернулся к нам и озвучил общее молчаливое мнение.

— Господа вы свободны. О нашем решении мы сообщим вам позже, — он повернулся к Алтману Леманну, — месье Леманн вы в силу некоторых причин, теперь являетесь аффилированным лицом интересов спаун сообщества из-за близких контактов с месье Кларком Аренским. Вы не можете далее присутствовать на расширенном совещании.

Он откинулся на спинку кресла и многозначительно сказал.

— Ваше предложение о помощи, месье Аренский, в данный момент отклонено, но в перспективе оно будет рассмотрено отдельно, как возможность получения консультативной помощи.

Мы покинули зал для брифингов. Но коллегия задержала на некоторое время Гаетана Дефоссе.

— Кларк что происходит? — спросил его я, когда мы вышли из зала для брифингов.

Кларк взял меня за руку.

— Нам нужно поговорить, но не здесь.

Я согласился, но решил дождаться Дефоссе, поэтому условились встретиться с Кларком в небольшом кафе-бистро на пересечение улицы Турель и проспекта Гамбета.

Через минут пятнадцать появился Гаетан.

— Это хорошо, что ты не ушел без меня.

Мы вышли на улицу Мортен и направились на встречу с Кларком.

— Ты где остановился? — спросил Дефоссе.

— Пока еще не выбрал…

Но он перебил меня в свойственной ему манере.

— Тебе сейчас нельзя оставаться одному. Расположишься у меня. Места не много, но хватит.

— Я уеду, как только закончу все дела здесь. Это примерно три, четыре дня.

— Не важно, — отрезал он.

Дефоссе остановился у небольшого уличного прилавка торгующего фруктами, остановил меня и отвел в сторону. Через дорогу виднелось бистро, где мы уговорились встретиться с Кларком. Он сидел за небольшим столиком почти у самого входа.

— Дело дрянь, — зло сказал Гаетан, — они задержали меня, чтобы еще раз выслушать доклад о деле Кейзо Такэути, задали еще несколько вопросов. И спросили можно ли тебе доверять. Хотя, я думаю, им было абсолютно наплевать на это. Потом этот сатанинский змей Кореньи предпринял еще одну попытку призвать меня под свои знамёна. А знаешь, что происходит, когда так настойчиво пытаются призвать таких парней как я, тех, кто имеет темное прошлое? Это значит, что они уже все решили, просто ждут серьезного повода. Понимаешь? Поэтому тебе сейчас нельзя оставаться одному, — он усмехнулся, — без моего присмотра, приятель. Тебе нужно, как можно скорее покончить со всеми делами здесь и отправляться в штаты. Хотя я не думаю, что и там ты будешь в большей безопасности.

— Прежде чем я уеду, я должен поговорить с Кларком.

— Хорошо, валяй, — Дефоссе похлопал меня по плечу, — я сейчас покину тебя, завершу все свои дела в участке. Узнаю, «что говорят в полиции». Ты знаешь, где мой дом на реке, — он кивнул в сторону зданий DGSE, — Георг будь очень осторожен с этого момента, ты теперь угроза для людей, так считают они.

Кларк сидел за столиком, опустив голову, и смотрел в полную чашку остывшего кофе, к которому он даже не притронулся. Я присел рядом.

— Кларк, что же все-таки происходит? — еще раз спросил я.

Он поднял голову.

— Это все его рук дело.

— Кого? — не понял я.

— Он обезумел. Понимаешь Георг, он обезумел.

— Про кого ты говоришь? — не выдержал я воскликнув.

— Альберто. Он обезумел и это все его рук дело. Часть его замысла.

Я в полном смятенье смотрел на Кларка не в силах сказать хоть слово.

— Он всегда хотел быть Создателем мира. Он и кумвитаев создавал, как часть своего мира. Но он разочаровался в нас, поэтому решил очистить мир и от людей и от спаунов, чтобы создать мир населенный новыми совершенными существами. Он захотел стать Богом. Проклятым богом!

— Что ты несешь? Ты чего-то мне не договариваешь…, — я никогда еще не видел Кларка в таком возбужденном состоянии.

— Альберто безумен, — твердо сказал Кларк, — неужели ты думаешь, что кто-то в мире кроме него способен создать нейро кибергенетических андрогинов? Или кто-то из новой генерации, рожденных спаунов способен создать сверхвирус имеющий сто процентную способность коинфицироваться с любым другим штаммом. Даже мне это не под силу, хотя мы можем многое.

Он поставил локти на стол и обхватил голову руками. Потом посмотрел на меня.

— Что он сказал тебе, когда вы виделись с ним в последний раз?

— Он сказал, что биология мертва, лишь сознание имеет значение.

— Безумный Старец Тихого Океана, он имел в виду свое сознание. Свое сознание, как Бога. Он, и его друг Хардифф два безумца, — Кларк осекся и задумчиво посмотрел в сторону, — возможно Гирландайо и Хардифф это два лица единой сущности и одного человека. Органической Вселенной и Сознания.

Сейчас, когда я пишу эти строки, я понимаю, что Кларк был прав. Альберто Гирландайо вознес себя, в своем сознании, до великого сотворителя Вселенной. Но не увидел простейшей вещи, что на грань гибели поставит человечество не его замысел, а простоя эволюция. То над, чем, как опрометчиво посчитал он, его сознание стало выше.

— Что ты предлагаешь предпринять? — спросил я Кларка.

Но я не успел услышать его ответ. К нам подошел француз средних лет и голосом, наполненным едва сдерживаемой злости, тихо произнес, обращаясь к Кларку.

— Мерзкий цветной ублюдок. Как вы могли такое сделать? Ведь там были сотни, тысячи, тысячи невинных людей.

— Месье, — растеряно произнес Кларк, — прошу прощения, о чем вы говорите?

Из бистро вышел официант, в его глазах стояли слезы.

— Идите и посмотрите что творится!

Мы вскочили с Кларком и вошли в бистро. На большом голографическом экране, развернутом на всю стену показывали новости на канале France 24. Немногочисленные посетители бистро с ужасом смотрели на сводку новостей из Джакарты.

«… в четверг утром в одну из больниц Джакарты обратилась женщина с ребенком с острыми симптомами неизвестного инфекционного заболевания. Их обоих спасти не удалось. Через час в больницы столицы Индонезии стали приходить десятки людей со схожими симптомами. Многие из них умирали, не добравшись до дверей больниц и госпиталей. Через несколько часов уже сотни людей стекались ко всем учреждениям имеющим

отношение к медицине. Вечером того же дня министр-координатор по вопросам политики, права и безопасности Агунг Эка Набабар доложил президенту о начале неизвестной эпидемии. Джакарта была полностью изолирована по периметру поднятыми по тревоге воинскими подразделениями и корпусом национальной гвардии. Строжайше запрещено покидать и входить в зону изоляции. Почти все государства запретили посадку авиалайнеров из Джакарты в своих аэропортах. Те, что не могут вернуться обратно в Индонезию, приземляются на военных аэродромах, где попадают по жёсткий карантинный контроль. У нас есть видео с дронов министерства обороны Индонезии».

По экрану пошли жуткие кадры, снятые с высоты птичьего полета. Улицы карантинной зоны были покрыты неподвижными телами. Ни единого движения. Большая часть города умерла.

«В Индонезию прибывают специальные эпидемиологические группы из разных стран. Но впервые в истории человечества под жесткий карантинный контроль попадает целое государство. Группе спаун-дизайнеров из Германии удалось выделить возбудитель Джакартской эболы, так уже многие медиаиздания назвали новую совершенно уникальную разновидность филовируса. Поражает скорость, с которой мутирует вирус и его способность коинфицироваться с другими патогенными вирусами. Если у властей Индонезии не получиться локализовать пандемию, то концу недели человечество столкнется нескольким десятком беспощадных патогенных вирусов, способных уничтожить миллионы людей. Не названный источник из министерства по вопросам политики, права и безопасности заявил, что в министерстве имеется достоверная информация о причастности некой группы спаун-дизайнеров к созданию этого ужасного неклеточного инфекционного агента…»

— Нам надо уходить отсюда, — я потянул Кларка за рукав.

— Альберто, будь ты проклят. Это ужасно… — шептал Кларк, — я должен что-то предпринять. Мне срочно нужно вернуться в Вену. Я могу в составе группы эпидемиологов, отправится в Джакарту. Мои знания и способности… Я смогу помочь.

Я почувствовал теплую пульсацию в голове, пережитые волнения заставили мой нейромод активироваться. В бистро сразу сработали датчики, определяющие наличие имплантатов способных сканировать нейронную активность мозга. С некоторых пор использование нейромода, считалось нарушением закона о вмешательстве в личное пространство и личную жизнь. Двое посетителей вскочили и угрожающе направились в нашу сторону. Но дорогу им преградил официант. Он повернулся к нам

и тихо сказал, по большей части обращаясь к Кларку.

— Убирайтесь отсюда, да поживее. Вас здесь более не желают видеть.

На улице мы попытались остановить такси, но водитель-оператор, увидев перед собой спауна, не смотря на грозящие ему штрафы, давал управляющей системе автомобиля приказ не останавливаться и уезжал от нас прочь. Нам пришлось пройти два квартала, до станции мультикоптеров, чтобы отдалиться от зданий DGSE, так как полеты автоматических мультикоптеров вблизи расположения секретной службы были запрещены. Наконец удалось арендовать свободный транспорт и запросить у оператора маршрут до Вены.

Мультикоптер тяжело поднялся на заданную высоту, воздух вокруг нас словно сгустился, наполнившись скрытой угрозой. Пережитые волнения обезоруживающе подействовали на Кларка, он был совершенно в расстроенных чувствах. Фон его нейромода был неустойчивым и хаотичным. Так мы устроены кумвитаи, наши вторые сущности и наши человеческие личности тесно взаимосвязаны друг с другом. Эмоциональный удар принимает на себя не только человеческая нервная система, но и нейромод. Я усадил Кларка на задний ряд сидений в салоне мультикоптера в надежде, что он сможет успокоиться и отдохнуть за четыре часа полета от Парижа до Вены. Он прикрыл глаза и поблагодарил меня, молча взяв за плечо. Я связался с Мюриэл, чтобы не беспокоить его, трансляцию сигнала со смартфона спроецировал себе на часть неокортекса в мозгу отвечающую за зрительные и слуховые образы. Такой вид связи опасен, тем, что взлом сети может привести к проникновению в сознание чужих кодов и может нанести вред. Но это справедливо по большей части для людей, не защищенных мощным квантовым барьером нейромода. Любое вмешательство в данные приведёт к прерыванию сигнала, потери всех данных для злоумышленников. И к счастью мультикоптеры не оснащались датчиками обнаружения нейромодов и нейроимплантатов. Именно их часто хакеры использовали для перехвата сигнала.

Она сразу же уловила во мне волнение. Ее счастливая улыбка уступила место озабоченному выражению лица. Лицо Мюриэл расплывчатым образом переливалось передо мной, словно кто-то поместил за ее головой солнце или какой-то другой сильный источник света. Я протянул руку, коснулся ее щеки. Она молча протянула руку в ответ и наши две руки переплелись, свиваясь в тонкую витую нить, тянущуюся несколько тысяч миль, от одного континента до другого.

— Поцелуй меня. Прошу тебя.

Сказал я и тотчас ощутил тепло ее губ.

— Ты растерян и напуган.

Сказала она.

— Я это чувствую.

Мюриэл держала мое лицо в своих лучистых руках.

— Георг, что происходит?

— Я не понимаю.

Она прижала мою голову к своей груди, как делала это часто, когда мы были вместе.

— Ты можешь мне показать.

— Да, — ответил я ей, и открыл для нее часть мозга ответственную за долговременную память.

Сотни тысяч образов отдельных картинок соединились из разрозненных отголосков памяти и сознания, принимая цельную картину происходящих событий. Мюриэл смотрела их и «отпустив» сущность своего сознания, бродила в представших перед ней образах-фантомах, как я некоторое время назад. Они двигались вокруг нее мощным информационным водоворотом, с каждым витком вызывая в ней страх и недоумение.

— Георг, это ужасно, — прошептала Мюриэл, — почему он это делает? Ведь он Создатель.

— Я этого не знаю. Кларк хочет взять Эву и отправиться к нему. Он надеется остановить его. Бедный Кларк хочет все исправить, думает, что Создатель все остановит. Но у меня есть чувство, что это лишь начало, он не остановится. Альберто хочет уничтожить не людей, а нас, кумвитаев, существ созданных его сознанием, его гением. А людей он рассматривает, как часть естественной ноосферы, естественный фон, в котором мы существуем. Он даже не видит их. Кларк прав Альберто Гирландайо безумен. Или он знает что-то, что о чем мы даже не имеем представления. Но в конечном итоге оно, это знание, делает его безумным.

Управляющий бот мультикоптера сообщил о скором приближении к конечной точке маршрута.

Наши руки расплелись, и лицо Мюриэл стало отдаляться. Мои пальцы скользили по ее рукам в надежде остановить неумолимое движение.

— Мюриэл, прошу пока я не вернулся. Балу должен отвезти тебя в индейскую резервацию под защиту вождя Матхотопа. В мире что-то назревает. Там, скрытая ото всех, ты будешь в полной безопасности.

— Что мне может угрожать? Я живу в такой глуши что, вряд ли, кому-то придет в голову мысль искать меня в предгорьях Маунт-Худ.

— Нет, Мюриэл… — умолял ее я.

— Если мне будет угрожать опасность, я найду укрытие в гроте скрытого в недрах водопада Рамона, — настаивала она на своем и улыбнулась.

— Хорошо, пусть будет так, — согласился я.

Но все же мои слова вызвали в ней страх и тревогу.

— Георг возвращайся, как можно скорее.

Образ ее лица приблизился ко мне, она поцеловала меня, прижавшись ко мне губами долгим поцелуем и удаляясь от меня, исчезла мерцающим фантомом.

Мультикоптер приближался к небольшой станции в районе парка Наполеонвальд. Кларк отрешенно смотрел в окно, за все время пути он не обмолвился со мной ни словом, все время о чем-то сосредоточено думал. Я решил что, как только он и Эва покинут Европу отправившись к Альберто Гирландайо я сразу вернусь в аэропорт Де Голль, где в ангаре номер четырнадцать дробь девять меня ожидает сверхзвуковой аэроджет. На связь вышел Дефоссе. Чтобы снова не нарушать задумчивый покой Кларка я активировал нейромод и спроецировал раскодировку сигнала в зрительную и слуховую зоны мозга.

— Черт побери, ты куда пропал, приятель?!

Я объяснил Гаетану Дефоссе, что был вынужден сопроводить Кларка Вену и в общих чертах обрисовал его состояние и планы.

— Это все бесполезно, — грустно отрезал Дефоссе, — бесполезная блажь, слишком поздно искать ответы и какое-то решение у свихнувшегося гения, — он качнул головой и раздосадовано воскликнул, — Вы что, черт возьми, не видите, что творится?

— Он как раз и хочет остановить Альберто Гирландайо, остановить распространение вируса.

Гаетан немного помолчал, потом медленно спросил.

— Ты не видел последних новостей? Они уже остановили распространение вируса и остановят его снова, чего бы им этого не стоило.

Он замолчал.

— О чем ты говоришь Гаетан? — я почувствовал, как у меня все похолодело внутри.

— Они сбросили на Джакарту несколько зарядов протоплазмы. Они залили зараженную территорию протоплазмой! Там камни превратились в стекло! — и тихо сказал, — там ничего не смогло бы выжить, потому что там был огненный ад, я никогда такого ужаса не видел…

Я переключился на поток контента идущего от новостного канала Евроньюс, формат вещания «без комментариев».

Два автоматических реактивных дрона оставляя за собой смазанные тепловые завихрения, плыли в жарком полуденном мареве над уже мертвыми кварталами Джакарты. Два «черных жука» несли в своем чреве самый разрушительный груз созданный человеком — заряды протоплазмы. Вот от них медленно отделились, отлетев в стороны с равным промежутком, шесть сверкающих искр. Они плавно устремились вниз, похожие на отдельные прекрасные искорки от бенгальских огней. Через некоторое время заряды беззвучно коснулись земли. Шесть ярких вспышек, словно одновременно зажглись шесть солнц, быстро разрослись, превращаясь в один ослепляющий оранжевый пузырь. Он быстро поднялся и лопнул с такой силой, что вокруг дрогнуло пространство. По всей территории, где раньше был густонаселённый город Индонезии начала растекаться, пожирая своим огненным дыханием, раскаленная до более пятисот тысяч градусов Цельсия протоплазма. Она не оставляя после себя ничего, что свидетельствовало бы здесь о существовавшей жизни. Она испарялась за тысячные доли секунды, распадаясь на атомы. Казалось что еще мгновение и разлитая, пузырящаяся щупальцами протуберанцев плазма прожжет планету насквозь.

Картинка сменилась. На фоне бордового неба играющего желтыми, белыми, оранжевыми и красными бликами стоял журналист Евроньюс. Он молча смотрел широко открытыми от ужаса глазами в объектив камеры, а вокруг него, как апокалиптические снежинки, медленно опускались черные хлопья пепла. Наконец он собрался с силами.

— Я… — запинаясь произнес он, — только, что видел ад на Земле… Еще утром… Мне казалось, что мы все, мы преодолеем нависшую угрозу над нами. Но… Глобальная пандемия…

Он не выдержал, и из его глаз потекли слезы, оставляя на испачканном пеплом лице светлые дорожки. Так он стоял несколько секунд, борясь с внутренним волнением. Журналист закрыл глаза, сжал микрофон. И собравшись, твердым голосом продолжил:

— После того как заражению подверглись люди из первого и второго карантинного кольца, окружающего зараженные кварталы многомиллионного города, стало ясно что обычными методами изоляции начало глобальной мировой пандемии не избежать. Так как все средства, применяемые для обеззараживания, дезинфекции абсолютно бесполезны, как и все средства защиты. Генеральный директор Всемирной Организации Здравоохранения Теадорос Анхейм и глава Регионального бюро для стран Юго-Восточной Азии доктор Лан Хыу Нгуен на основе выводов объединенной комиссии сделали заявление, что если

пандемия сверхконфицированного вируса не будет локализована, то к концу месяца ею будет охвачено несколько миллиардов человек на всех континентах. Группы спаун-дизайнеров из разных стран не смогли обеспечить решение задачи по обеспечению безопасности человеческой цивилизации. Хотя эти же группы смогли выделить сам вирус, относящийся к группе филовирусов, — журналист сделал паузу и робко, продолжил, — есть неподтвержденное предположение о некой системе саботажа со стороны лиц входящих в спаун сообщество. Поэтому была создана специальная коалиция из нескольких стран входящих в совет безопасности ООН, наделенная чрезвычайными полномочиями.

Он снова сбился и, опустив глаза грустно сказал.

— Было принято беспрецедентное в истории человечества решение. Применить заряды протоплазмы, — далее, нарушая журналистскую этику, он закончил свой короткий репортаж, призывая к отмщению, — я надеюсь, что те жертвы, что сегодня были принесены во имя спасения цивилизации людей, не напрасны. Будут установлены те, кто это сделал и они будут уничтожены. А мы с вами знаем, кто к этому причастен…

— О, Господи, — невольно вырвалось у меня.

Кларк тревожно посмотрел на меня.

— Что случилось Георг?

— Посмотри новости, Кларк…

Мультикоптер сел на небольшую площадку у парка Наполеновальд, до дома Кларка и Эвы оставалось всего несколько шагов. Пока Кларк просматривал трансляцию новостей, я вернулся к диалогу с Гаетаном Дефоссе.

— Тебе нужно бежать, приятель, — сказал он, — ты и другие спауны, увы, теперь мишени. Я понимаю, что ты или остальные, вы ни в чем не виноваты. Но так часто бывает в жизни, что кого-то нужно будет заставить заплатить. Спихнуть всю ответственность на старца Тихого Океана не получится. Этот старый сумасшедший мерзавец потянет всех вас за собой, будь он неладен. Мне чертовски жаль тебе это говорить, но это именно так.

— Гаетан, мне не к кому больше обратиться…

Но он мне не дал договорить.

— Я по-прежнему твой друг, — твердо сказал он.

— Гаетан, помоги мне удержать под контролем аэроджет в ангаре четырнадцать дробь девять. Это единственный мой путь в США к Мюриэл.

— Я все сделаю. Но ты, поторопись скоро на Земле, будет по-настоящему жарко, — он кивнул головой, — поторопись

приятель, — повторил он с искренней нотой сочувствия в голосе.

Новости ошеломили Кларка, но вопреки моим ожиданиям он собрался с силами. Взгляд стал жестким и решительным.

— Я должен его остановить, — твердо сказал он, — иначе его безумие никогда не прекратится. У нас с Эвой это должно получиться. Только мы это можем сделать.

Эва, встретила нас в большом холе дома, где они жили. Она провела здесь не один час, ожидая нас. Раскинув в стороны руки, в волнении, бросилась к нам, ее прекрасные глаза наполненные слезами, смотрели на нас с робкой надеждой, что происходящие в мире ужасы, боль последних событий — все исчезнет с нашим приходом, что мы сможем все исправить, все вернуть, так как было раньше.

— Я вызывала серваретуров, они прибудут с минуты на минуту, — сказала она Кларку

— Хорошо, — кивнул Кларк, — только так мы сможем его остановить.

Их диалог меня насторожил. Они обсуждали события мне неизвестные, но очень важные, которые были ключом к происходящим событиям.

— Осгар? Кларк, ты не хочешь мне ничего объяснить? Для чего ты вызвал серваретуров? Для чего нужно это чудовище?

Он несколько растеряно замялся под градом моих вопросов. Я, преодолевая же его нерешительность, настаивал, я хотел получить ответы на свои вопросы.

— Хватит тайн, недомолвок, Кларк. Сейчас, когда наш мир рушится, не время отмалчиваться.

— Мы должны тебе кое-что объяснить.

Они переглянулись с Эвой.

— Когда Альберто Гирландайо создал нас, первых кумвитаев, он увидел, какими мы наделены способностями — он был поражён нашими возможностями. Какой же Создатель смирится с тем, что он создал превосходящее его существо? Но страстно желал вознестись над всем своим творением, над миром, у истоков которого он стоял. Именно в этом была суть его конфликта и разногласий с его соратником и учеником Родиным.

— Ты хочешь сказать, что Гирландайо решил создать в своем мозге нейромод? Вырастить биочип, подобный нашему, имеющему вторую сущность?

— Да. Он так и не смог смирится. Ведь не смотря на его гениальность, он оставался человеком. Это его толкнуло на опасный шаг, который должен был приблизить к нам, сделать Создателя таким же, как и мы. И даже больше. Он, шутя, говорил,

что хочет быть наивысшим среди ангелов вселенских, среди метущихся в бесконечном пространстве сил божественных.

— И что же произошло?

— Альберто попытался спроецировать на кору своего головного мозга «фотонный шрам» ту самую основу биочипа, квантовую матрицу. Но эксперимент закончился ничем. Не произошло формирования полноценной параллельной нервной системы. Биочип вышел с заметными нарушениями структуры. Его функциональность была под вопросом. Мозг и весь организм отторгали чуждый процесс. Вся параллельная нервная система представляла собой небольшие отростки оканчивающиеся множеством нейронов, разных стадий развития. Они постоянно менялись, пытаясь принять окончательную форму, но так и не смогли до конца сформироваться. Альберто был в ярости на самого себя и на природу. Он работал, как иступленный. Эксперименты шли один за другим. Иногда он пренебрегал просто тщательной подготовкой к ним, для него было важно время. Но все попытки имели отрицательное значение.

Кларк обреченно сел на ступеньку лестницы ведущей на второй этаж дома, опустив голову на руки.

— Тогда он вырастил человеческий эмбрион с уже готовой матрицей биочипа, который должен был развиться и стать впоследствии кумвитаем. Он использовал уникальные бессмертные клетки Hela для создания эмбриона. С помощью нанороботов из перепрограммированных бактериофагов он демонтировал биочип и перенес его на поверхность своего мозга. Плод, которому было сорок недель, оставался в искусственной утробе и впоследствии…

Кларк, словно зажмурившись от нестерпимой боли, покачал головой.

— Он должен был быть умерщвлён и уничтожен.

— А что с биочипом?

— Результаты были обнадеживающими. Начавшееся формирование нейромода запустило «прорастание» параллельной нервной системы в его организме. После относительно успешно сформированного нейромода он обладал почти полноценным нейронным конектомным управляющим устройством…

— Что значит почти?

Я догадывался, что Гирландайо, как настоящий, одержимый исследователь, должен был бы предпринять попытку создать в своем мозге нейромод аниматидного типа. Приобрести свою вторую сущность и стать одним из кумвитаев, новой генетической сверхрасы. Тех кто, по его мнению, должен был заменить расу людей.

— Но вот аниматид…. Его вторая сущность не появилась. На самом деле она была, фиксировался устойчивый источник фона, который свидетельствовал о ее присутствии в аниматиде, но вторая сущность не отвечала, — продолжал Кларк, — мало того, через некоторое время Альберто потерял сознание, впал в состояние комы и далее в состояние клинической смерти. Его сознание было настолько сильно угнетено, что всем показалось, что он умер. Это были последствия, которых не смог избежать даже гениальный Альберто Гирландайо, — Кларк поднял голову и посмотрел на меня, — ты же знаешь, что происходит с людьми, пытающимися установить себе в мозг аниматидный нейромод.

— Но мы знали, что он живой и не умрет. Его сознание было отделено и находилось где-то… — Кларк пожал плечами, пытаясь подобрать объяснение, — так далеко, в каком-то глубочайшем, недосягаемом месте, в небытие. Но мы знали — он жив. Мы его дети кумвитаи решили спасти своего Создателя и извлекли из его аниматида вторую сущность.

Кларк замолчал. Эва подошла и обняла мужа. Повернувшись ко мне, она сказала.

— Это было ужасно. Мы едва сами не погибли, потому что его вторая сущность отчаянно пыталась занять место в аниматидах принадлежащих нам. Мы не знали, что с ней делать, куда поместить, как сохранить? Так как и уничтожить ее мы не могли. Странно, но извлеченный из аниматида образ второй сущности сам назвал себя. Оно кричало свое имя и металось в поисках убежища. Каждый крик отнимал у нас силы, мы едва стояли на ногах. Мой аниматид сиял раскаленной звездой, едва не сжигая меня саму.

— Какое имя его? — спросил я, хотя уже знал его.

— Осгар, — ответил Кларк, поднял голову и с грустью посмотрел на меня.

— В Альберто остался аниматид и нефункционирующая параллельная нервная система. Его аниматид вместилище души кумвитая пуст, — подвела итог Эва.

— Вот почему я видел вместо него пустоту. Он органическая живая оболочка, наделенная сознанием, но лишенная души. Кларк, почему ты мне всего этого раньше не рассказал? — спросил я его.

— Я не мог тебе этого рассказать. Об этом знает очень мало кумвитаев. Альберто после того, как очнулся, стал другим. Он говорил, что в течение тысяч лет пребывал на краю Мира. Он говорил, что видел источник рождения и существования Вселенной. Когда я его спросил, что он представляет собой. Он лишь ответил, что мы даже не имеем представления о том, что

это такое, мы никогда не сможем постичь его, потому что мы лишь микроскопическая часть замысла этого источника. И он сказал нам то, что сказал тебе — биология мертва, она жива лишь благодаря сознанию. Сознание есть проявление настоящей жизни. Люди и все живое проявление, отражение непостижимого сознания. После этого он замкнулся в себе. Полностью потерял интерес к нам, своим детям. Мы уже существовали сами по себе. Некоторая часть из нас продолжает находиться рядом с ним, но и они видят его очень редко. Он никогда более не покидал после этого события свой корабль. Исключение сделал лишь для тебя.

— А как его вторая сущность получила органическую оболочку, как Осгар получил свое ужасное тело?

— Я держала его вторую сущность в своих руках. А за моей спиной была искусственная утроба, огромная стеклянная колба, где в растворе специальной разновидности гидроксикислоты плавало мертвое тело человеческого плода. В младенце отсутствовала жизнь, но само тело еще не было излечено и утилизировано в ядерном плазмотроне. Вторая сущность, назвавшаяся Осгаром, в поисках убежища вырвалась из моих рук, разбила стенки искусственной утробы и вошла в мертвое тело найдя там покой, — ответила на мой вопрос Эва, — я видела, как мертвый плод ожил, сделав судорожные движения. На его груди остался тонкий шрам.

Я был потрясен рассказом Кларка и Эвы. В полной тишине мы провели несколько долгих минут. Пока ее не нарушил тихий звук приближающегося мультикоптера. Это прибыли серваретуры с саркофагом, где хранился спящий Осгар.

Но прежде чем я навсегда расстался с Кларком и Эвой, произошло событие, ставшее отправной точкой в истреблении людьми спаунов. И появления ужасных, безжалостных существ персекуторов.

С Кларком связался Алтман Леманн. Кларк включил смартфон на громкую связь и положил его на маленький столик у стены. Появилось голографическое изображение Алтмана.

— Вам надо бежать, — обратился к Кларку и Эве, — я отстранен от расследования, но кое-какие связи у меня остались. Я знаю, что с минуты на минуту в мире начнется зачистка от спаун-дизайнеров. Это будет глобальный акт. Вас всех либо нейтрализуют, — Леманн вздохнул и уточнил, — убьют, либо установят контролирующее устройство, какой-то там нейронный жгут или нейронная перемычка, которая позволит в любое время контролировать спаун-дизайнера и в случае необходимости просто убить.

— Но куда нам бежать?

Эва в ужасе отступила назад и прижала ладонь к губам.

Алтман Леманн покачал головой.

— Я не знаю. Но дома вам оставаться нельзя. Я сейчас слабая защита для вас, — он потер пальцами лоб и посмотрев на Кларка, едва не со слезами на глазах произнес, — это дело поручено не людям. Те биокибернетические существа, что ты помогал создавать для вооруженных сил, Кларк. Они начнут преследовать и уничтожать вас по всему миру. Их доставили со складов консервации, и настоящее время готовят для миссии: водят данные, программируют, оснащают средствами уничтожения.

Алтман Леманн увидев меня сказал.

— Георг возвращайся, как можно быстрее в штаты. Бери Мюриэл и беги. Я не знаю куда, но беги. Мне так жаль… — он опустил голову, — Простите меня, мне пора.

— Благодарю тебя мой друг, — сказал Кларк.

Голограмма Алтмана исчезла Кларк, обращаясь к нам с Эвой задумчиво сказал.

— У нас осталось совсем немного времени. Мы должны спасти хотя бы самое малое, то, что останется от мира кумвитаев. Мне очень жаль, я втянул тебя во все это, но я не мог поступить иначе. Прежде чем ты улетишь в США, я прошу тебя, забери в моем университетском офисе все данные с моего компьютера. Там все о нас, о нашем биологическом виде, все мои последние исследования, моя личная переписка с Гирландайо и мои размышления. Сохраните все это с Мюриэл для будущих поколений кумвитаев.

Я хотел возразить, сказать, что не стоит драматизировать ситуацию, но сам же понимал глупость моих ободряющих восклицаний. Кларк остановил меня.

— Для нас с Эвой при любом развитии событий это билет в один конец…

Вошли два серваретура и молча встали с обеих сторон двери, их лиц под белыми балахонами не было видно, но я почувствовал, как по моей коже пробежали мурашки — человеческая реакция на сильное эмоциональное возбуждение. Я испытывал чувство благоговейного страха при виде хранителей Осгара. Но к нему примешивалось еще одно чувство, ранее мне незнакомое — презрение. Нейромод откликнулся во мне, мобилизуя все силы, он желал отчуждения от мира созданного Альберто Гирландайо.

Кларк обнял меня на прощание и молча вышел, чуть поклонившись застывшим у двери серваретурам. Я помню его лицо до сих пор, печальный глаза яркого изумрудного цвета, красивое, с отточенными чертами греческой статуи лицо. Он

удалялся от меня, прямой походкой, держа ровно спину — несломленный и решительный. В каждом его движении было нечто роднившее его с обитателями священной горы Олимп. Эва подошла ко мне, обняла и, взяв мое лицо в свои руки, сказала.

— Прошу тебя, береги Мюриэл. Сохраните себя для будущего.

Я почувствовал, как ее сознание проникло в мой мозг, ее виртуальные синаптические руки обняли Атрайе, переплетя с ним светящиеся синапсы.

«Береги ее…», — удаляющимся эхом исчезли во мне ее последние мысли.

Она вышла. Серваретуры храня полное молчание, не обращая на меня никакого внимания, развернулись и вышли вслед за ними. Я стоял один в полностью опустевшем доме, много лет назад ставшим мне родным пристанищем. А теперь оглушающая тишина и ощущение… странное чувство, словно я здесь никогда не был. Я смотрел на свой образ, стоящий перед дверью — мне было всего десять лет. Напуганный, отчужденный я стоял напротив и смотрел на меня настоящего. Память кумвитаев подобна пустыне на закате: нет ничего вокруг, жара уступает место прохладе, теплый воздух, отрываясь от песка, преломляет пространство и рождает миражи прошлого.

За дверью тихо засвистели турбины мультикоптера и постепенно их звучание отдаляясь, затихло. Это значит что, через несколько минут Кларк, Эва и несчастная одинокая душа Осгар, в сопровождении четырех серваретуров на сверхзвуковом аэроджете отправятся в район Тихого Океана, чтобы остановить безумного гения, возомнившего себя богом. Остановить Альберто Гирландайо.

Я запросил у оператора мультикоптеров свободную машину. Оператор принес свои извинения за то, что мне придется подождать из-за кризисных мировых явлений, как сообщил мне сетевой бот компании милым женским голосом, но обещал прислать его в течение получаса. Я вышел из дома, в ожидании присел на ступеньки лестницы ведущей во внутренний двор. Его окружала плотная стена из зарослей можжевельника. Он аккуратно подстриженный ровным прямоугольным бордюром красивой формированной изгородью отделял дом и небольшой двор дома от улицы — предмет особого отношения Кларка. Мир вокруг на первый взгляд не изменился, но уже был настолько враждебен, что я ощущал его ненависть в каждом предмете рядом со мной. Я почувствовал это, как только покинул опустевший дом близких мне людей. Я думал о Кларке и Эве, как о людях, потому что их натура, характер, внутренний мир содержали в себе много формирующих основ от людей, и они были частью цивилизации

созданной человечеством. Но тогда, думая о ненависти, я знал, что должен выполнить его последнюю просьбу, наполнить пустыню не миражами, а сохранить память о нас.

Венский университет один из самых старейших университетов мира, основанный еще в 1365 году герцогом Рудольфом IV. Кларк очень гордился своей работой в его стенах. Несмотря на то, что его факультет молекулярной биологии находился в другом отдалённом здании, где-то на окраине Вены — его же рабочий офис располагался в старом великолепном здании девятнадцатого века. Он любил это помпезное здание с вереницей колоннад, внутренним двориком, где стояли бюсты великих ученых — везде мрамор, утонченная архитектура, старые деревья, тишина и покой необходимый для размышлений. Как только я оказался вблизи университета я окунулся в водоворот человеческой массы взвинченной трагическим событиями в Юго-Восточной Азии, поэтому мир и покой, быстро ушли в прошлое.

Перед главным входом, на ступенях широкой парадной лестницы, сидели несколько десятков молодых людей. Они застыли с характерно запрокинутой головой вверх. Рассеянный и одновременно сосредоточенный взгляд на невидимом отдаленном объекте, быстро двигающиеся зрачки — их нейро-визуальные матрицы покрывающие роговицы глаз, принимали информационный контент. Некоторые незаметно шевелили пальцами, опущенными на колени руками, ведя активную переписку используя, нейроактивный сенсор построения сообщений. Я поднялся по ступенькам, стараясь не задеть никого. Мне казалось, что я иду между оживших гипсовых слепков из помпейских останков людей. Поднимаясь по лестнице, я думал о словах Гирландайо «биология мертва, сознание лишь имеет значение». Он создавал кумвитаев, как спасителей, пришедших в мир людей, чтобы спасти остатки замысла великого сознания Вселенной, когда миллиарды органических молекул повинуясь неизведанной воле, разносились по ее бесконечным пространствам, неся жизнь. Но он ошибался, сознание может быть отделено от биосферы, лишь перейдя эволюционный путь, когда нематериальные вещи созданные человеком образуют ноосферу. Это лишь эволюция биологии. И кумвитаи были частью ноосферы. Осознание этого факта вызвало у него разочарование в своем творении. Он видел, как кумвитаи из спасителей стали инструментами людей, прикладным существом — спаун-дизайнерами. Он видел как мы «очеловечились» вбирая в себя все больше и больше от людей. Но почему он выделил меня?

— Вы не будете так любезны? Пропустить.

Молодая девушка стояла напротив на выходе из

университета. Я в задумчивости держал ручку двери, преградив ей путь.

— Да, конечно, простите, — я уступил ей путь, отойдя в сторону.

Она кивнула и быстро сбежала по лестнице, потом также быстро обернулась, бросив на меня взгляд. В ее образе были едва уловимые, знакомые мне черты. Но думать об этом, уже не было времени.

Окинув взглядом всю прилегающую к университету территорию, я увидел небольшую площадь перед величественным зданием Венского университета, над которой возвышался, перстом указующим в небо, памятник Йоганну Андреасу фон Либенбергу, она была заполонена студентами, праздными зеваками и туристами со всего света. Большой голографический экран транслировал последние события, происходящие в мире. Девушка исчезла в толпе, как маленькая песчинка в пустынной дюне. В огромной массе людей я не увидел ни одного спауна. Да и кто бы из моего биологического вида рискнул, сейчас, появится здесь, среди людей. Горькая участь спаун-дизайнеров. Возможно, Альберто был прав. Но он избрал ужасные инструменты для спасения мира. Как и любой тиран из людей, обладающий неограниченной силой, не силой оружия, а силой сознания, он задумался об обманчивом проявлении божественности своей сущности, о своей определяющей вселенской значимости. Он решил, что он единственный видит изначальный замысел Вселенной. Такие существа уверено и сознательно вершат судьбу мира, самовольно делегируя себе право попрать мораль, убивая и извращая чистоту сознания, присваивают себе право не замечать страдание живого существа подобного им, возводя его в наивысший эталон разума, приближающий их к замыслу Вселенной. Он видел себя тем, кого отрицал — Богом. Поэтому и решил уничтожить мир, как неудачный результат, один из миллионов результатов, созидающего перста. Но он забыл об участи метафизических богов созданных человеческим сознанием, превратившихся в прах из бесконечных вариантов материи: кусочков мрамора, дерева, пластика, потухших голограмм виртуальных алтарей, распавшейся в памяти миллионов людей и превратившихся в музейные экспонаты, ярморочные мощи. Богов низверг человек.

Парадная мраморная лестница, встретила меня эхом моих одиноких шагов. Я быстро поднялся на этаж, где располагался офис Кларка и подошел к двери. На ней старомодная медная табличка с его именем — так странно, но я никогда до этого не бывал в его офисе и даже не представлял, что я могу здесь

увидеть.

Деревянный письменный стол с несколькими небольшими аккуратными стопками бумажных листов на краю, некоторые листы исписаны с помощью шариковой ручки. Они лежали здесь же рядом, несколько штук, элегантные и дороге. Между ними, как инородный элемент стилус для сенсорного экрана. Я не знал, что Кларк пользовался в работе бумажными листами. Отдельно от всех предметов стояла цифровая фоторамка, в которой, медленно перетекая, менялись фотографии тех, кто ему всегда был дорог: детские фотографии Мюриэл, фотографии Эвы, наши совместные фото с Мюриэл… В ней часть дорогой ему жизни осталась без изменений, как часть другой вселенной. Справа от стола, на стене, пожелтевший, цвета сепии, картонный портрет его любимого ученого Эрвина Шрёдингера. Под ним, несколько стеклянных полок, как римский ларарий со всевозможными фигурками черных котов — знаменитые коты Шредингера. Несколько кожаных покоричневевших от времени кресел. Как же сильно его офис отличался от остальных, тех, что я видел раньше, футуристичных и современных, с элементами цифрового дизайна, где виртуальные объекты интерьера невозможно отличить от реальных.

На поверхности стола лежал прозрачный, как обычный кусок толстого прямоугольного стекла монитор компьютера. Я активировал нейромод, потому, что только Атрайе мог ввести биометрический пароль к компьютеру Кларка, состоящий из структуры очень сложной молекулы зашифрованный с помощью квантового ключа. Он передал его мне при прощании, пожав руку. Я приложил ладонь к монитору. Гладкая поверхность дрогнула, монитор, получив пароль, приподнялся над столом, развернувшись ко мне. От его прозрачной поверхности отслоилась небольшая часть с появившимися символами клавиатуры, а на мониторе появилась заставка, любимый фонтан Кларка — фонтан Доннера. Я, понимая какой объем данных, содержится в компьютере Кларка, и не рискнул использовать свою память, как накопитель, а взял небольшую флэш-память на основе монокристалла сапфира. Вставил «стеклянный кубик» накопителя в углубление в верхней части клавиатуры. Через несколько минут устройство записи, использующее фемтосекудный лазер, записало все данные с компьютера Кларка на мою флэш-память. Следуя просьбе Кларка, я активировал на компьютере процедуру уничтожения данных.

На моей ладони лежал еще теплый, почерневший от плотности, записанной в нем информации кубик с бесценной информацией, которую Кларк накопил за многие годы своего

труда в стенах венского университета. Здесь было все: начиная от истории создания кумвитаев до самых последних разработок в области генетической инженерии и размышление о будущем. Данные записанные с помощью технологии 5D в кусочке полупрозрачного монокристалла сапфира, теперь будут храниться до тех пор, пока существует Земля и вся Солнечная система, так сохранится история кумвитаев. Возможно, именно такой прямоугольный кристалл черного цвета, вестник панспермии, блуждая по Вселенной, приносил жизнь и знания на планеты. Тот самый кристалл, о котором писал, один из великой тройки, любимый писатель Кларка — Сэр Артур Чарльз Кларк.

Я поместил кристалл в специальный бокс и еще раз окинул прощальным взглядом кабинет Кларка, прежде чем я покинул его навсегда, Атрайе уведомил меня об остатках необычного фона. Очень похожего на фон кумвитаев, но все же совершенно другого. Анализ выявил небольшое содержание ультравысокоэнергетических частиц характерных для реликтового излучения межзвездного вещества. И тут я вспомнил, почему девушка, встретившаяся мне у входа, показалась знакомой. Это была она — нейро кибергенетический андрогин. Это она или оно, убила несчастного Кейзо Такэути. Гаетан Дефоссе не ошибся, говоря о том, что его убийство весьма странное преступление. Но зачем она здесь? Она что-то создавала, потому что именно такой фон образуется, когда она производила манипуляции с молекулярным заимствованием, молекулярный крафтом. Я вышел из офиса Кларка, имея твердое намерение ее найти и быстрыми шагами направился к выходу из здания, в надежде разыскать ее в толпе на площади. Неромод работал на полную мощность, это необходимо, чтобы отследить путь из остатков высокоэнергетических частиц.

Но едва выйдя наружу, я впервые увидел их. Пять персекуторов находились внизу широкой лестницы. Лица из мягкого белого пластика с жуткими красными глазами, на поверхности которых мерцал покрывающий слой с нейроматрицей. Непропорционально большие конечности, ноги сгибающиеся назад. Я всегда думал, зачем люди создавали их по своему образу и подобию, но не находил ответа.

Они словно псы, натасканные на запах жертвы, «учуяли» мой фон и тут же, клацая стальными ступнями, бросились ко мне. Я, еще не понимая страшной опасности, с растерянным удивлением смотрел на приближающиеся ко мне фигуры убийц. Толпа людей не замечала нападение персекуторов на меня. Они смотрели на огромный, голографический экран, где разворачивались драматические и печальные события — в океан падал горящий

сверхзвуковой аэроджет Кларка и Эвы. Он врезался на всей скорости в воздушное уплотнение создание системами ПВО корабля «Горизонт Бигль». Они выстрелили в сторону аэроджета большим гексафторидным облаком, создав на пути воздушного судна атмосферное «уплотнение» в шесть раз плотнее и тяжелее воздуха. Сверхзвуковой аэроджет столкнувшись на пути с очень плотным газовым образованием, разрушился и от трения, а также возникших электростатических разрядов воспламенился. Его куски, оставляя искрящиеся линии, летели ниспадающей дугой вдоль горизонта в Тихий океан. Кларк и Эва погибли. Где-то там, на высоте, вместе с ними, сгорела несчастная, не умерщвлённая душа Осгар, когда-то предназначенная превратить Альберто Гирландайо в кумвитая.

Именно на ступенях венского университета, я впервые почувствовал огненное жжение, идущее от направленных СВЧ-излучателей персекуторов. Мой биочип буквально взрывался у меня в голове огненным вихрем, лишая возможности мыслить и сопротивляться. Тогда я еще не знал, с чем столкнулся. Я лишь потеряв силы, упал на колени. Нестерпимый жар во всем теле, адским пламенем уничтожал во мне все клетки, он сковал мою волю — еще минута и я мог погибнуть так же, как в те роковые часы гибли кумвитаи по всему миру. Но внезапно голова персекутора, под излучение которого я попал, разлетелась от сильнейшего удара, ее словно ударил невидимый гигантский молот, размозжив на тысячи мелки частей. Они разлетелись горизонтальным фонтаном, брызгами из металла, жидкого фторопласта, голубых капель перфторана и мельчайших кусочков мозговой плоти. Тело нейрокибернетического убийцы, подрубленным деревом рухнуло, издавая противный скрежет трущейся стали по мрамору, покатилось вниз по ступеням. Из толпы, как отслоившаяся чешуйка отделилось существо, на ходу превратившееся в молодого человека. В его руках было оружие, похожее на пистолет, поверхность которого переливалась муаровыми волнами, но оно тут же исчезло, рассыпавшись облаком сверкающих частиц, и сухой пылью растворилось в воздухе. Он снова повернулся ко мне спиной и исчез в толпе, словно его никогда не было. Я, собрав все силы, преодолевая помутнение рассудка и крик боли Атрайе, попытался отследить его, но не смог. Лишь повышение содержание высокоэнергетических частиц. От того места где он исчез, в нескольких метрах правее, за спинами персекуторов, повернулась ко мне лицом девушка. Черты ее лица дрогнули, она тут же приняла образ той, которую мы должны были найти с Гаетаном Дефоссе. Она вытянула руку, сжатую в кулак, побежали

контурные линии вокруг невидимого предмета, снова эффект муара и аморфный объект принял окончательную форму оружия. Она без промедления выстрелила. От ближайшего ко мне персекутора, со скоростью звука отлетели куски тела, одна конечность попала в стену университета, оставив глубокие выщерблены, пылевое облако из смеси, мелких мраморных крошек и кусочков стали. Наконец, голова персекутора разлетелась множеством рваных частей. Люди на площади привлечённые звуком хлопков повернулись в нашу сторону. Удивление и растерянность сменились паническим страхом. Первые ряды с криками бросились в стороны, налетая на тех, кто стоял позади их и не видел происходящего. В этой сумятице персекуторы перегруппировались и скоординировали действия, понимая, что условия кардинально изменились — из охотников они превратились в жертвы. Двое ринулись к девушке намереваясь устранить возникшую угрозу, а один раскидывая огромными руками бегущих людей, бросился ко мне, чтобы завершить начатое дело. Освободив себе путь, он вытянув руки двигался в мою сторону. Но сфокусировать смертоносный луч не мог из-за мелькающих перед ним тел. Девушка, видя мое бедственное положение, исчезла, шагнув в массу бегущих людей, и появилась намного дальше от двух персекуторов, готовых ее уничтожить. Они развернулись в ее сторону, нацеленные на решающий бросок, но было уже поздно. Она в прыжке взмыв высоко в воздух, отбросила оружие, которое мгновенно превратилось в облако частиц, затем исчезло. Вместо этого из сжатого кулака сверкающими точками протянулись контурные линии, они распылись гармоническими колебаниями, перешли в тонкую длинную плоскость с эффектом муара и в ее руке появился длинный меч, по режущей кромке которого проскальзывали сияющие точки. Она опустилась рядом с персекутором на обе ноги и, используя энергию своего падения, с силой отрубила вытянутые ко мне руки биокибернетического убийцы. Он издал рев похожий на громкое механическое урчание, развернулся к ней, она вонзила, держа горизонтально лезвие меча в его голову, проткнув ее насквозь. На кончике острия повисли голубоватые капли перфторана, а тело персекутора задвигалось в непроизвольных движениях. Она повернула сияющие лезвие вертикально и, используя усилие плеч, без сильных видимых усилий разрезала его надвое. Две половины персекутора расплескивая фторопласт, роняя рассечённые модифицированные биологические органы с чипами и проводами, искрящиеся биологические структуры с микросхемами, куски металла, еще движущиеся по инерции

механизмы — развалились в стороны. Два неповрежденных персекутора активировали боевые лазерные излучатели. Четыре красных луча метнулись в мою сторону. Один из лучей пробил насквозь человека, который неосторожно пытался пробежать перед персекуторами, чтобы не быть сметённым в панике мечущимися людьми. Но девушка в сотые доли секунды оказалась передо мной, он быстро отбила мечом лучи лазеров направленные на меня. Но не просто отразила атаку, а направила лучи в глаза персекуторов, на время, ослепив их и лишив ориентации. Используя временное преимущество, она отбросила меч тут же растворившийся в воздухе и вытянула обе руки вперед. Я видел, как по двум половинам убитого персекутора пробежала волна похожая на пиролизное горение селитры, они потеряли за какие-то невообразимо малые доли секунды большую часть своих молекул, а в руках моей защитницы появилось оружие по своим внешним признакам похожие на пистолеты. Раздался одновременный хлопок две черные линии, двумя молниями ударили сначала в тела персекуторов, вырвав из массивных туловищ конечности вооружённые боевыми лазерами, а вторым одновременным выстрелом с обеих рук она уничтожила головы обоих убийц. Поверженные персекуторы лежали у подножия лестницы, голографической экран с горящими остатками аэроджета, десятки людей в панике ищущих убежища — на этом фоне она подошла ко мне. Мне казалось, она движется быстрыми едва заметными глазу рывками. Я обратился к способности нейромода замедлять в несколько тысяч раз восприятие реального времени. Ее движение было удивительным, она постоянно исчезала и появлялась. Это было потрясающе. Она не существовала на самом деле. Она в каждое мгновение собиралась из миллиардов молекул и снова распадалась. Самое невероятное существо, которое может быть где угодно и когда угодно. Создать какой угодно предмет или объект с самыми невероятными свойствами. Это был настоящий демон, вышедший из вымышленного мира людей.

— Никогда не подставляйся под их излучатели, всегда двигайся, — сказала она.

Я пришел в себя, мозг полностью восстановил структуру биочипа, справившись с небольшими повреждениями, нанесенным кратковременным воздействием СВЧ-излучения. Но я все еще находился под впечатлением от того, как она быстро, за несколько мгновений, расправилась с самыми совершенными машинами, произведенными для уничтожения противника.

— Кто ты? — спросил я.

Она не ответила на вопрос, но сказала.

— Пока меня не отзовут, я буду с тобой рядом.

Я попытался еще раз спросить, кто она и откуда пришла? Какая у нее миссия? Но мне это не удалось, она подняла указательный палец и сказала.

— Но так будет не всегда. Поэтому помни всегда двигаться, всегда находиться с краю линии соприкосновения.

Девушка показала рукой на видеокамеры слежения, раскинутые по периметру Ратхаусплац.

— Ты был в базе поисковых систем. Нейросети спецслужб и полиции ведут поиск мониторинг всех лиц предназначенных для задержания и уничтожения. Ты в их списке. Мне было дано указание уничтожить все данные о тебе. Теперь ты чист, так что не активируй свой нейромод. Чтобы снова не попасть в базу данных.

Я попытался проанализировать ее структуру. Но мне это не удалось, передо мной была «пустота».

Она усмехнулась, склонила голову к плечу, посмотрела в глаза, как мне показалось с любопытством.

— Квадра. Мое имя Квадра. Мне приказано защитить тебя. Только тебя… — и добавила по-гречески, — προμηθεύς.

— Кем? Гирландайо?

Я был в замешательстве.

— Для тебя это неважно. Для тебя важно убраться отсюда, как можно скорее.

Она повернулась, сделав несколько быстрых шагов, исчезла, растворилась, потерялась, подхваченная «броуновским движением» в заметно поредевшей толпе испуганных людей. Невообразимое создание, способное стать незаметным и невидимым, потерять очертания образа, стереть идентифицирующие свойства объекта, оставив после себя лишь небольшой фон высокоэнергетических частиц от процесса молекулярного крафта.

Гаетан Дефоссе ожидал меня рядом с ангаром. Он спокойно раскидал носком ботинка несколько окурков у своих ног и так же невозмутимо спросил.

— Черт, побери, ты куда пропал? — не дождавшись от меня ответа, пояснил, — в такой заднице мир давно уже не был. Мой отдел стоит на ушах и мне стоило невероятных усилий остаться здесь у ангара и никого не подпустить сюда. Дело в том, что здесь своя служба безопасности и только благодаря моим друзьям я смог здесь оказаться. Пришлось инициировать дело о контрабанде поддельных имплантатов. Хотя всем начихать на контрабанду, мир вот-вот взорвется.

Я поблагодарил его, понимая каких усилий это стоило. Он махнул рукой.

— Это все пустяки… Вот что действительно серьезно, так это то что вокруг аэропорта трутся эти мерзкие твари с ногами, как страуса и дьявольскими красными глазами. Я насмотрелся на них на войне. Безжалостные и весьма точные ублюдки. Их выпустили против вас. Понимаешь против вас, — Гаетан помедлил, — я видел пару мертвых спаунов с черными глазами. Это их рук дело. Тебе повезло, что ты не выглядишь, как спаун.

Он взял меня за плечи и легонько тряхнул.

— Георг, что, черт возьми, происходит?

Я посмотрел ему в глаза.

— Я не знаю, я уже ничего не понимаю.

Он сочувственно кивнул.

— Ладно, разберемся с этим, но первым делом нужно, как можно быстрее валить из Старого Света. Пока твоя жена еще в безопасности.

Он задумчиво посмотрел на горизонт.

— Не думаю, что там будет проще, — Дефоссе махнул рукой в сторону садящегося на Западе Солнца, — и проблемы начнутся уже скоро.

— Что ты имеешь в виду?

Он кивнул головой в небо, где на большой высоте кружили три истребителя ВВС Франции и потом кивнул в сторону пропускного пункта в сектор частных аэрокомпаний эксплуатирующих сверхзвуковые аэроджеты бизнес класса. Приближалась группа из четырех человек и двух персекуторов. Они вышагивали рядом с людьми как зловещие кубинские мастифы, готовый в любой момент сорваться поводка, чтобы перекусить шею несчастного раба. Гаетан подтолкнул меня к открытому ангару, из которого торчал острый нос аэроджета.

— Поднимайся на борт и не высовывайся, а я поговорю с ними. Слово старины Дефоссе еще кое-что значит в этом проклятом мире, — он вздохнул и грустно покачал головой, — я уведу их, а ты, как говорится, «заводи моторы и прогревай системы», запрашивай разрешение с башни и жди меня.

Я хотел возразить, но он категорично прервал меня, как он всегда любил это делать и с силой подтолкнул к ангару.

Он пошел навстречу группе из службы безопасности, а я поднялся на борт.

Я включил приборы и запросил диспетчерский пункт обслуживания вылета «Delivery» дать разрешение на вылет, мне ответили и запросили планы полета. Я все передал, но после небольшой паузы диспетчер дал указание оставаться на месте. Он

извинился за задержку, объясняя непростой ситуацией в мировом воздушном пространстве. Потом со мной связалась диспетчерская служба пункта «Старта» и «Посадки» передав уникальные коды, запросили доступ к бортовому компьютеру, для ввода данных на автоматическое движение на взлётно-посадочной полосе и последующего автоматического взлета. Я дал доступ — это было ошибкой, хотя я не мог сделать иначе. Взлетать в ручном режиме и попытаться оторваться от трех истребителей, потом попасть под контроль ПВО над Атлантикой. У меня не было бы ни единого малейшего шанса.

Со мной связался глава службы безопасности аэропорта.

— Вам запрещён вылет. Интеллектуальная управляющая система вашего воздушного судна заблокирована и отключена. Приказываю вам оставить все попытки взять управление бортом Embraer Supersonic Aerojet SF 3000, оставаться на месте и не оказывать сопротивления. В противном случае, вы будите незамедлительно уничтожены полицейскими силами и силами внутренней безопасности аэропорта Шарль Де Голль.

Я посмотрел в окно кабины и увидел стоящего на коленях Гаетана Дефоссе, с разбитым лицом и заведенными за спину руками в наручниках. По-видимому, он, понимая, что ему не удастся их остановить, предпринял попытку оказать им сопротивление, но силы были не равные, четыре человека и два персекутора против одного. Я сел в кресло пилота, опустил голову на руки. В тот момент я с ужасом подумал, что больше никогда не увижу Мюриэл. Я вдруг вспомнил про Квадру. Где она, когда мне так нужна? Она обещала быть со мной. Неужели ее отозвал тот, кто ее послал. Я решительно встал и направился к выходу из самолета, твердо решив оказать сопротивление всеми имеющимися у меня в распоряжении способами. Я смогу обезвредить и обездвижить людей, без нанесения им ущерба. Но, не успев приготовится к обороне, я услышал за стенами ангара механический рык и тихие похожие на всхлипы крики людей.

Я осторожно выглянул.

Гаетан Дефоссе все также стоял на коленях с залитым кровью лицом, его расширенные от удивления глаза смотрели на два изувеченных тела персекуторов и трех лежащих на бетонном покрытии тел людей из службы безопасности. Рядом стоял молодой человек, от его сжатой в кулак руки струясь вниз, осыпались аннигилирующие в исходное состояние частицы оружия — длинного меча с сияющей режущей кромкой.

— Квадра!

Это была она. Лицо молодого человека дрогнуло под волнами муара, исчезло, потеряв черты человека, и уже через

секунду на меня смотрело знакомое лицо девушки, встреченной мною на ступеньках венского университета.

— Твою же мать… — хрипло выругался Гаетан Дефоссе.

Он сплюнул кровь и предпринял неловкую попытку подняться.

— Я так тебя хотел увидеть, милашка, но не думал что встречу при таких не совсем приятных обстоятельствах.

Она обратилась ко мне.

— Я тебе сказала, что буду рядом с тобой до тех пор, пока меня не отзовут.

— Мы бы уже погибли без твоей защиты. Ты чертовски кстати появилась, — весело пробурчал за ее спиной мой друг.

Квадра не обращая внимания на Гаетана, без единой эмоции на лице смотрела на меня. Возможно, она ждала от меня вопросов или приказов.

— Когда тебя отзовут? Я могу это знать?

— Я этого не знаю. Это решает мой Создатель.

Гаетан Дефоссе прихрамывая и корчась от боли, подошел к нам.

— А кто твой Создатель? — спросил он.

Квадра невозмутимо смотрела на меня, словно не замечая его.

— Что я могу для тебя сделать?

— Аэроджет заблокирован. Службы безопасности повредили автоматическую управляющую систему воздушного судна, поэтому не сможем взлететь, — я показал в небо, где пара истребителей, чуть оторвавшись от ведущего, заходила на очередной круг над аэродромом, — и мы не сможем покинуть воздушное пространство, нас тут же собьют.

Дефоссе переминаясь с ноги на ногу добавил.

— Нам не помешало бы еще твое оружие. Потому что я так понимаю из вашего милого разговора, ты можешь нас неожиданно покинуть, а мы неизбежно столкнемся с этими роботами полулюдьми. Я уверен, что нам придется очень туго. На войне нужен целый взвод, чтобы свалить одного такого, при условии, что все ребята полягут в землю, обильно поливая ее кровью. Уж я то знаю. А ты их уделала, я не успел глазом моргнуть.

— Да, — согласно кивнул я, — как только ты нас покинешь, мы будем беззащитны.

Она подняла руку, над ладонью появились маленькие точки вершины контура будущего оружия, от них потянулись контурные прямые, они превратились в расплывчатые гармонические линии и наконец, после волн муара по небольшим вертикальным и

горизонтальным плоскостям, появился поблескивающий черной поверхностью пистолет. Она протянула его мне. Рядом стоявший Гаетан Дефоссе, удивленно осматривал свои руки, на которых не было наручников.

— Да тебе цены нет, — довольно хмыкнул он.

Я взял пистолет в свои руки. Тяжелый и холодный, как лед. Я не просто впервые в жизни держал оружие, я даже не знал, как им пользоваться, но понимал, что если я хочу выжить и защитить Мюриэл, мне придется его применить.

— Георг я так понимаю, она меня полностью игнорирует. Ты не мог бы замолвить словечко за меня и попросить еще одну такую игрушку. Потому что нам двоим, будет намного легче отбиться, чем тебе одному.

Я хотел обратиться к ней, чтобы озвучить его просьбу, но не успел. Оружие в моей руке задрожало начало оплывать и рассыпалось мелкими частицами, которые постепенно исчезли, растворившись в пространстве.

— Что это? Что, черт возьми, происходит? Мы с тобой так не договаривались! — завопил Гаетан Дефоссе.

На одной его руке висели застегнутые наручники. А в моих руках не было пистолета.

Квадра нервно дернула головой и вновь создала пистолет с помощью молекулярного заимствования материи. Передала его мне. Но через минуту повторилось тоже самое явление аннигиляции. Как она не пыталась, все повторялось вновь и вновь, едва оружие оказывалось в моих руках. Наручники у Дефоссе и части материалов искореженных персекуторов, то исчезали, то вновь появлялись, после того, как процессы аннигиляции уничтожали оружие в моей руке. Квадра нервно подергивая головой из стороны в сторону, вновь и вновь создавала оружие.

Я остановил ее.

— Хватит, остановись, ничего не выйдет. Скорее всего, те предметы, которые ты создаешь, могут длительное время существовать только в твоих руках, потому что ты для них своеобразная стабилизирующая среда. Благодаря твоему воздействию их молекулярная структура стабильна. А попадая в наши руки, они начинают неизбежно разрушаться, потому что мы не можем обеспечить стабильное состояние их новых молекулярных связей, и они стремятся вернуться в свое исходное состояние.

— Плохо дело, — разочаровано сказал Гаетан, — мы не выстоим против роботов, без ее помощи, а она может сбежать в любой момент.

Но тут же он воскликнул.

— Постой-ка, пуля, помещенная в инертный аэрогель очень долго сохраняла свое устойчивое состояние.

Он, кляня на все лады наручник, болтающейся на его одной руке и мешавший залезть в карман, достал небольшой кубик аэрогеля, в котором ранее была пуля.

Квадра снова создала пистолет, мы незамедлительно приложили к нему аэрогель. Он, прикоснувшись к поверхности, оплыл, быстро обволакивая все его части, и через секунду вся поверхность оружия была покрыта небольшим слоем инертного аэрогеля. Прошло несколько томительных минут, структура было стабильна.

— Ну вот, а то я уже думал мне снова, придется таскать надоедливые браслеты, — усмехнулся Дефоссе.

— Все так, — я кивнул в ответ и неуверенно добавил, — но думаю, мы сможем сделать всего один выстрел, после этого структура молекулярного крафта разрушится и материя аннигилируется обратно.

— У нас есть хоть один выстрел, а это уже хорошо. Тогда двигаем отсюда. Ставлю один к тысячи, что как только не дождутся возвращение первой группы, — он кивнул на лежащих в крови людей и перерезанные половинки массивных тел персекуторов, — пришлют еще одну группу, но она будет намного больше предыдущей и более оснащённой. Нет, конечно, твоя подружка справится и с ними, если она уже к тому моменту нас не покинет. Или сюда вызовут подкрепление из спецназа… Ей придется вести здесь небольшую войну.

— Но самолет поврежден и даже если мы каким-то чудом взлетим, то в воздухе нас встретят истребители. У нас нет кодов «свой-чужой».

— Спроси свою подружку, может она сотворит нам еще одно маленькое чудо, — не унимался Дефоссе.

— Квадра ты можешь нам помочь?

Мы поднялись на борт аэроджета. Она приложила руки к приборной панели, они, потеряв свои четкие очертания, благодаря процессу молекулярной диффузии проникли через поверхность во внутреннее пространство под ней. Квадра соединилась с электронными схемами, проникая в структуру каждого чипа. Она получила доступ ко всем узлам, входящим в систему управления аэроджета. Через некоторое время она убрала руки с приборной панели.

— Электронная структура управления самолетом полностью повреждена и выведена из строя, ИИ аэроджета уничтожен.

— Проклятье, — простонал Гаетан Дефоссе.

— Ты можешь починить? — спросил я.

Квадра покачала головой.

— Я могу восстановить электронную систему управления и восстановить ИИ для которого нужны специфические радиоактивные материалы, я смогу взломать систему оповещения «свой-чужой». Но есть трудности.

Я все понял.

— Они сразу же аннигилируются, как и то оружие. Ни какой аэрогель не поможет.

— Да, ты видел сам, как происходит распад объектов. Я могу, как ты сказал, поддерживать стабильную структуру объекта лишь непосредственно в моих руках или являющуюся частью меня.

Мы стояли втроем беспомощно глядя на мертвую панель управления самолетом. Оставалось лишь одно.

— Перелет до Соединённых Штатов займет чуть больше двух часов. Ты могла бы взять управление аэроджета на себя. Стать на эти два часа ИИ самолета.

— Я могу, — кивнула Квадра, — помни, как только мне прикажут, я покину вас.

— А у нас есть другой выход или вариант?

— Мы рискнем милашка, — поддержал меня Гаетан Дефоссе.

Квадра подошла к панели управления. Ее образ начал терять черты человека исчезло лицо, уступив место гладкой поверхности, исчезли волосы, ногти, одежда перед нами стояло существо, напоминающее черновую работу скульптора, лишь по общим очертаниям напоминающее человеческое тело. Тело существа медленно разделилось на миллиарды маленьких частиц, четкие очертания потеряли контуры. Частицы собрались в бесформенное облако и начали осыпаться на приборную панель. Соприкасаясь с поверхностью, они взывали процесс диффузии, и казалось, тонули в стальной поверхности, постепенно погружаясь и исчезая из нашего поля зрения.

Через несколько минут на панели заморгали сигнальные светодиоды. Началась предполетная проверка систем управления и двигателей. Включилась громкая связь.

— Борт номер 2003/14 Embraer Supersonic Aerojet SF 3000, запрашивает разрешение на срочный взлет.

С диспетчерского пункта ответили.

— Принял, борт 2003\14. Дайте доступ к вашему компьютеру.

— Борт 2003\14, даю доступ к компьютеру.

Еще несколько секунд и диспетчер дал разрешение на взлет. Запустились двигатели наш аэроджет мягко выкатился из ангара. Из диспетчерского пункта пришли данные о ветре, передвижении

птиц и указание следовать к предварительной взлетно-посадочной полосе номер семь. После короткого ожидания на исполнительной взлетно-посадочной полосе наш самолет поднялся в воздух. Миновав Британию, над Атлантикой, аэроджет перешел звуковой барьер. Гаетан Дефоссе одобряюще похлопал меня по плечу.

— Как гора с плеч. Пойду, умоюсь и приведу себя в порядок. Не хочется предстать перед твоей красавицей женой в таком виде.

Я откинулся в кресле пилота и закрыл глаза, мне хотелось отдохнуть. Все события последних дней пронеслись в моей голове одной бесконечной лентой. Мне было горько от того что мне не удавалось чаще общаться с Мюриэл. Я думал о том, как ей одиноко там, на предгорьях горы Маунт-Худ и всячески гнал от себя мысли, что ей может угрожать опасность. В эти последние дни я практически не использовал нейромод.

Я обратился к нему.

— Что в имени моем тебе? — ответил Атрайе.

Я почувствовал, знакомый прилив тепла и увидел сияние. Мне стало легче и спокойнее. От повреждений оставленных излучателем персекутора на ступенях венского университета не осталось и следа. Я пребывал в пространстве, созданном Атрайе двигаясь в потоках его лучей. Миллионы нейронов вокруг моей человеческой личности змеились, тонкими линиями извиваясь синусоидами, создавая причудливую волновую поверхность.

Меня внезапно, что-то тряхнуло. Волны испрямились в линии и точками исчезли в бесконечном пространстве.

Надо мной стоял Гаетан Дефоссе.

— Георг, мы на подходе. Наш самолет выпустил шасси. Диспетчер из Бостона посылает нас на полосу небольшого регионального аэропорта Грин. Примерно в восьмидесяти милях от самого Логана. Ситуация такая же как и была когда-то после одиннадцатого сентября. Воздушное пространство частично перекрыто. Протоколы безопасности ужесточены, — он показал на звено истребителей в воздухе, — тут тоже все не просто. Если что не так эти ребята раздумывать, долго не станут.

Аэроджет заметно сбросил скорость и пошел на снижение. Но тут произошло то, что мы с Дефоссе больше всего опасались. Диспетчер аэропорта Грин, сообщая нам скорость ветра, полосу для посадки, вдруг замолк на полуслове. На панели управления погасли светодиодные огни, экраны навигации и основной пилотажный прибор не подавали признаков жизни. Мы услышали, как турбины двигателей продолжая издавать характерный звук стали работать заметно тише и наконец, замолкли. Было слышно лишь звук воздушных потоков

обтекающих корпус аэроджета и завирающиеся потоки на стойках шасси.

— Похоже, твоя подружка все же решила нас покинуть раньше времени, — спокойно пробормотал Дефоссе, — и если это так, то нам надо готовиться к очень серьезным неприятностям.

Действительно перед нами в обратной последовательности, как это было два часа назад, из миллионов частиц снова собралась Квадра.

— Меня срочно отзывают.

— Мы уже это поняли, милашка, — нервно усмехнулся Гаетан, — только ты не находишь что ты слишком рано нас покидаешь. У тебя нет желания немного задержаться?

Но она словно его не слышала.

— Квадра мы можем разбиться, — сказал я, — ты не могла бы сначала посадить самолет…

— Нет, — твердо ответила она, — я нужна своему Создателю. А в данный момент мне нужен один из них, — она показала на один из истребителей воздушного звена.

— Вот же черт! — вздохнул Дефоссе, — будь он проклят твой Создатель, нас в скором времени размажет об поверхность земли.

— Это так, Квадра, — подтвердил я.

Квадра показала на панель.

— Указатель вертикальной скорости, указатель курса и путевого угла, находятся в стабильном положении. Я оставила закрылки и механизацию крыла в таком положении, что воздушное судно будет в режиме планирования, и рассчитала точную скорость, с которой вы безопасно сядете на вторую взлетно-посадочную полосу. Embraer Supersonic Aerojet SF 3000 очень хорошо спроектирован, он выдержит удар о поверхность.

Мы услышали громкий звук приближающегося самолета. Нас обогнал один из истребителей, он покачал крыльями приказывая снижаться, следуя за ним.

— Если мы не грохнемся со всей силы о твердь земную, то нас совершенно точно собьют, — между делом заметил Гаетан, — мы молчим, не отвечая на запросы этих ребят, ведем себя странно, теперь мы уже мишень, — констатировал он.

Истребитель в подтверждение его слов перестроился слева от нашего борта и качнул правым крылом вверх, показывая целый арсенал ракет класса «воздух-воздух».

— Все это я называю «последнее предупреждение», — философски прокомментировал действия пилота истребителя мой друг, — думаю его палец уже на гашетке.

— Мне пора, меня отзывают, — сказала Квадра, — моя миссия окончена.

— Да, милашка иди, чего уж там… — весело сказал Дефоссе, — дверь только не забудь за собой притворить, а то к нам может залететь один из подарков висящих под крылом соседа.

— Прощай Квадра, — сказал я.

Она подошла к стенке нашего самолета и начала рассыпаться на мельчайшие частицы. Они все исчезли, пройдя сквозь обшивку аэроджета. Мы увидели из окон кабины, как темное облако частиц обволокло прозрачное стекло кабины истребителя и через долю секунды проникло внутрь. Выпуклое стекло неожиданно окрасилось кровью погибшего пилота в красный цвет. Истребитель поднял острый нос, резко уйдя вертикально вверх, сделал «полупетлю», перевернулся, раскрылись лепестки сопел, выводя самолет в режим форсажа. Раздался грохот и истребитель, быстро набирая скорость, исчез за горизонтом.

— Не хотел бы я оказаться у нее на пути, — задумчиво сказал Гаетан, — не зря вся эта свора мерзавцев с улицы Мортен, так перепугались когда узнали о создании таких существ. Небось, мечтали заполучить в свое распоряжение, чтобы обтяпывать свои грязные делишки, — он повернулся ко мне, — а вот наши дела хуже некуда. Давай пристегнёмся. Мне очень не хочется быть размазанным по внутренней обшивке при ударе об землю.

Удар о поверхность взлетно-посадочной полосы был достаточно сильным, но корпус Embraer, как и говорила Квадра, его выдержал. Аэроджет на всей скорости понесся по полосе, даже не думая останавливаться.

— Надо как-то тормозить, — озабочено предложил Дефоссе, — есть какие-нибудь соображения?

— Я не умею управлять самолетом, — ответил я.

— Я это уже заметил, черт возьми, меня тоже этому не учили, нас лишь выкидывали из самолетов с парашютами или десантных капсулах… Но если мы не затормозим нас вынесет за пределы взлетного поля, а там мы налетим на какое-нибудь строение и все, пиши пропало.

Я активировал нейромод и направил его воздействие на изменение структуры костной и мышечной ткани своего друга, чтобы в случае удара минимизировать ущерб нанесенный организму. Он удивленно посмотрел на меня, понимая, что я делаю.

— За заботу благодарю, но, черт возьми, Георг, нам надо тормозить! — в ответ на мои манипуляции заорал он.

Он, чертыхаясь и кляня Квадру, стал искать механизм торможения.

— Педаль, — закричал Гаетан, — одна чертова педаль! Это

может быть только тормоз!

Он со всей силы вдавил педаль под своей ногой в пол. Раздался страшный скрежет и грохот, корпус самолета задрожал, треск обшивки перемежался с визгом тормозов. Самолет резко потерял скорость, через некоторое время раздался хлопок, последовал сильный удар, зубодробительная тряска подбрасывала нас в креслах, едва не срывая ремни, которыми мы были пристегнуты. Корпус самолета стал разворачиваться циркулем, наконец, он завалился на один бок, переломив крыло, остановился. Аэроджет все же вылетел с бетонного покрытия взлетно-посадочной полосы, снес небольшую часть ограждения, но к тому моменту уже потерял скорость.

Мы сидели в полном молчании несколько секунд.

— Живы, черт возьми, — выругался Дефоссе, — мы живы.

Он осмотрелся по сторонам.

— Вот что приятель, давай вставай и двигай отсюда поскорее. Я останусь здесь.

— Зачем? — удивленно спросил я.

— А затем, что скоро здесь будут аварийные службы и службы безопасности. Я очень не хочу, чтобы они обнаружили тебя здесь.

Видя, что я хочу что-то возразить, он перебил меня.

— Ты похож на человека, но пойми, тебя раскусят, что ты проклятый спаун очень быстро, и ты не доберешься до своей жены никогда. Я же человек. Никто не будет меня убивать или вживлять в голову проклятое нейронное дерьмо.

Гаетан Дефоссе подошел к двери, повернув ручки, открыл ее.

— Я битый, опытный полицейский, бывший солдат, я не пропаду. Поверь, Георг еще никто сделал старину Гаетана Дефоссе, а вот ты будешь в опасности. Они уже знают, что здесь на борту, со мной, был ты. Но сейчас их больше всего интересует судьба своего истребителя. Пока они будут разбираться, допрашивать меня, пройдет много времени. Я как-нибудь дам знать Кореньи, что я здесь и, в конце концов, меня передадут полиции, миграционным службам… Главное ты уже будешь в предгорьях Маунт-Худ.

Он кивнул головой в сторону люка.

— Давай, друг, я рад, что судьба свела нас вместе. Но ты должен идти, — он помолчал и выглянув наружу, грустно добавил, — а ведь, черт возьми, Марс был так близко…

Когда искорёженный корпус самолета был уже на достаточном удалении от меня, я обернулся. К нему на большой скорости подъехали несколько машин. Среди скорой и пожарных машин была машина службы безопасности аэропорта и

многоцелевой тактический автомобиль HMMWV национальной гвардии. Из Хамера вылезли два гвардейца. Подъехал небольшой армейский грузовик из кузова на землю спрыгнули два персекутора.

Гвардейцы выволокли Гаетан Дефоссе из самолета и поставили на колени, потом один из них взял его за руки, которые он держал за головой, завел за спину и надел наручники. Прежде чем начать обыск аэроджета, солдат ударил, стоящего на коленях, ногой в спину, что бы он беспомощно упал лицом вниз. Мне было горько и больно смотреть, как представители сил безопасности избивают моего друга, но я ничего не мог сделать. Я был благодарен ему и дал себе слово, что никогда не забуду его.

В скором времени я добрался до станции мультикоптеров и сел в ожидании транспорта за столик у придорожной закусочной «Honey Dew». За стеклом над барной стойкой висел большой телевизор. CNN транслировала новости о событиях происходящих в Тихом Океане. В этой трансляции я нашел объяснение, почему Квадра так поспешно покинула нас. Несколько стран из совета безопасности создали коалицию, призванную уничтожить корабль Альберто Гирландайо «Горизонт Бигль». Впоследствии я узнал, что была попытка связаться с ним и начать переговоры. Он же полностью проигнорировал обращение к нему. Несколько самолетов с авианосцев пытались атаковать его судно, но были сбиты так же как аэроджет Кларка и Эвы. Терпению стран постоянных членов совета безопасности пришел конец. Четыре страны создали коалицию, к которой присоединились еще несколько государств из Азиатско-Тихоокеанского региона.

Я сидел за столиком и смотрел, как эскадрилья автоматических дронов уничтожает огромный корабль. Сначала мощные лучи лазеров с боевых космических станций выжгли все средства ПВО корабля, а ракеты запущенные с дронов смели всё, что было на палубе бывшего танкера. Никто не задался вопросом, что за странный, похищенный вместе с пилотом из воздушного пространства над городом Бостон, истребитель, взорвался над палубой «Горизонта Бигль». И тем более никто не обратил внимания, как на палубу уже горящего под мощными лучами лазеров судна, опустилось небольшое темное облачко, оставшееся от сгоревших обломков американского истребителя. Поэтому я не верю в гибель Гирландайо. Квадра не допустит гибель своего Создателя.

Но с гибелью его корабля погибала эпоха спаунов, так и не получившая расцвета. Эра кумвитаев умерла — остатки нашего биологического вида, что были на корабле, жестоко убивали персекуторы и после них окончательно «зачистил», уничтожив

все, надежды новой генетической сверх расы, спецназ, состоявший из людей. Я, не отрываясь, смотрел трансляцию новостей, пока кто-то не обратился ко мне.

Невысокая, темнокожая женщина, водитель грузовика, с соседней со станцией площадки мультикоптеров.

— Простите, это не ваш, мультикоптер ожидает?

Потом она проследила за моим взглядом.

— Я не имею ничего против них всех. Когда я, после ужасной аварии, умирала в больнице Mass General они вытащили меня с того света. Меня и все мою семью… Знаете, я была одним перекрученным через мясорубку куском мяса, а они восстановили все ткани, хрящи, сделали так что все обошлось без последствий. Но ни получили по заслугам. Просто нужно было сразу их всех, поставить под контроль и сейчас не пришлось бы разгребать эту кучу дерьма, — она кивнула в сторону экрана, — «Все пудели — собаки, но не все собаки — пудели», — философски изрекла она под конец.

Я встал, молча кивнул и отправился к ожидающему меня мультикоптеру.

У подножия Маунт-Худ, на берегу реки Колумбия расположен небольшой, очень красивый городок Худ Ривер, который собственно говоря, и получил свое название благодаря старому вулкану. Мультикоптер приземлился на небольшой стоянке для автомобилей. Я не рискнул отправляться к дому Балу на мультикоптере транспортного оператора федерального значения. Как бы мне этого не хотелось, я помнил обо всех предостережениях Гаетана Дефоссе: не активировать без крайней необходимости нейромод, не использовать операторов связи и также соответственно не пользоваться смартфоном, избегать общественных мест и по возможности не пользоваться услугами крупных транспортных компаний, находящихся под более пристальным контролем федеральных властей. Но чем ближе я был к конечной точке маршрута, тем беспокойней мне было на душе. Колебания фона нейромода постоянно выходили из-под контроля. Моя вторая сущность испытывала странное волнение и беспокойство. До подножия Маунт-Худ оставалось еще немного, и безопасность стоила моих усилий.

Чтобы добраться до подножия горы, я взял в прокат небольшой кроссовер и через полчаса уже был у моста, перекинувшегося через русло небольшой речки с каменистым дном. Мне еще предстояло обогнуть подножие Маунт-Худ на западе, прежде чем по грунтовым горным дорогам я доберусь до дома Балу, но я уже чувствовал гнетущее беспокойство. Жар, от нейромода, который я едва контролировал, растекался по всему

телу лишая, меня возможности трезво оценивать ситуацию. Я двигался, как в замедленном сне и предчувствие чего-то страшного и злого не покидало меня ни на минуту. У небольшого озера Лоранс я сделал остановку, чтобы уточнить маршрут, потому что дальше была целая сеть запутанных, как лабиринт Кносса, грунтовых дорог, настоящих троп блужданий, проложенных туристами и местными фермерами, владельцами ранчо. Когда я вышел из машины надо мной пролетел военный вертолет с газо-воздушными лопастями. Он тихо прошелестел ими над моей головой и пронесся на запад, завалив свой черный угловатый корпус на бок, чтобы сделав круг зайти на западный склон вулкана.

Я все понял.

Они знали, что я буду здесь, и знали, что здесь будет Мюриэл. Я вскочил в машину и помчался на полной скорости к дому Балу. Колеса автомобиля едва выдерживали нагрузку, чтобы не взорваться на острых камнях, каждая секунда была дорога, я знал это так, как уже сталкивался со смертоносным дыханием, идущем от излучателей персекуторов. Но как бы я не выжимал все, что можно из машины я подъехал к дому Балу уже слишком поздно.

На небольшой площадке у дома были разбросаны воздушными потоками вещи и предметы, сложенные у стен дома, хозяйственной рукой моего друга. Вертолет не смог сесть на маленькой площадке, сбросив немногочисленный десант, улетел дальше кружить над Маунт-Худ, ожидая пока задние не будет выполнено.

Я бросился к дому. Огромная дверь была выбита направленным взрывом. Щепки от косяка и от самой двери разлетелись по всей гостиной. Тут я сразу же наткнулся на труп человека в камуфлированной форме, его шея была свернута одним мощным движением и жизнь уже ушла из него навсегда. Я активировал нейромод пытаясь найти в нем хоть «небольшую искорку жизни» и спасти его, но он уже был мертв, процессы были необратимы. Биочип пульсировал с невероятной частотой. Я чувствовал присутствие смерти. Двигаясь дальше, я увидел еще одного убитого человека. У него была размножена голова с такой силой, что кевларовая каска разорвалась, обнажив сломанные кости черепа и останки разбитого мозга. Это была работа Балу, полумедведь, и получеловек был в бешенстве, он крушил и уничтожал всех кто посягнул на его жизнь. Его враги пытались его убить применив оружие, так как я шел и под моими ногами перекатывались, позвякивая стреляные гильзы, а стены дома, испещрённые черными жженными линиями от лучевого оружия

еще дымились. Гигант бился со всей яростной силой доставшейся ему от его второго химерического прародителя медведя гризли. Пройдя весь дом, я вышел на веранду и наткнулся на лежащее тело персекутора. Его вырванная из тела голова лежала у стены дома, одна из конечностей переломанная в нескольких местах свесилась со ступенек веранды. Другая вырванная, так же как и голова, под стеной в паре метров от тела. Кисть с стальными длинными пальцами чуть приподнявшись упиралась в толстое бревно, словно хотела зацепиться, чтобы найти опору и подняться. Он не подавал признаков жизни.

Спустившись с веранды, я увидел самого Балу и рядом еще одного персекутора, также разорванного на части его сильными, как медведя руками.

Мой друг был еще жив могучий организм, не сдавался перед смертью, боролся за каждую минуту. Мне было больно смотреть на него. Из многочисленных пулевых ран текла кровь, так сильно, что под его телом образовалось небольшое озеро. Левая рука была почти отделена от тела лучом лазера и чудом держалась на тонком сухожилии. Левая нога чуть выше колена была отделена и лежала чуть поодаль — видимо он пытался ползти. Правая, целая рука вытянулась, сжатая в кулак, к тропе, ведущей к водопаду Рамона. Балу лишился одного глаза, в который попала пуля, вырвав по касательной часть кости, кожи и волос. Но к счастью мозг был не задет, поэтому была надежда, что мне удастся сохранить ему жизнь. С помощью нейромода я просканировал его внутренние повреждения. Органы были задеты пулями, но благодаря мощной мышечной комплекции тела и твердой коже они потеряли свою проникающую энергию, поэтому критических разрывов не произошло. Я пришел вовремя, но он уже был без сознания. Я запущенные мною процессы регенерации в его организме дали результаты.

Балу открыл сохранившийся глаз.

— Прости меня мой друг, — прохрипел он.

— Где Мюриэл? — спросил я его.

Он схватил меня за плечо здоровой рукой, больно сжал и собрав силы сказал.

— Быстрее Георг… К водопаду… Он идет. Один, направился туда… Они как псы чувствуют нас…

— Мюриэл там?

— Да! Спаси ее… Прости меня мой друг, — он закашлялся кровью, — я старался, но не смог убить последнего.

Из его темных коричневых глаз потекли слезы.

Я вскочил и побежал по тропе к водопаду. Я бежал изо всех сил, перепрыгивая через поваленные деревья, камни, спотыкаясь

и падая, вставал и снова бежал.

— Атрайе я хочу видеть, — закричал я.

Пространство вокруг дрогнуло и размазалось, я бежал, передвигаясь в силовых полях Земли, рассекая космические частицы, попавшие в ловушку магнитного поля планеты. Все это придавало мне силы преодолеть несколько километров за несколько минут.

Я увидел его.

Он стоял на одном из больших валунов поросших зеленым мхом, в брызгах воды в которых ледяная крошка, вымытая из ледника, придавала падающей воде искрящийся эффект. Мюриэл лежала, раскинув руки почти без сознания. Персекутор одной когтистой, как у монстра рукой прижал ее к камню, а другой, активировав лазер, медленно подводил к шее намереваясь отсечь ее голову. Но учуяв мощный фон моего нейромода бросил свою жертву и повернулся ко мне. Персекутор не медля прыгнул в мою сторону, поджав стальные ноги и вытянув ко мне руки, пытаясь сфокусировать на мне смертоносное излучение. Но я был быстрее. Выхватив оружие, данное мне Квадрой, выстрелил в летящего мне навстречу стального убийцу. Черный расходящийся на несколько кривых линий, как молния луч ударил в самый центр корпуса. Персекутор разлетелся множеством рваных обломков, они разлетелись, оставив после себя фейерверк расплавленных брызг металла. Я смотрел, как части кибер-генетического монстра падали, переваливаясь в фонтанах воды, вниз к самому скальному распадку.

Многие кумвитаи считают что из-за того что персекуторы это неудавшиеся спауны, они на каком-то метафизическом уровне осознают это своим примитивным мозгом и ненавидят нас больше чего быто ни было.

Я бросился к Мюриэл. Карабкаясь по осклизлым в струях воды камням, я молился, обращаясь неизвестно к кому, прося лишь об одном — чтобы она была жива.

Но когда я взял ее на руки я понял, что ее вторая сущность уже мертва от сильнейшего воздействия сверхвысокочастотного излучения. И в ней лишь еще жива ее человеческая сущность.

Как описать боль Атрайе, как рассказать о том, что с ним происходило в этот момент. Если бы люди могли видеть, как миллиарды синапсов моей второй нервной системы тянутся в надежде, соединится с синапсами второй сущности Мюриэл и натыкаются на черный мертвый синапс, на умерший нерв, пронзающий все ее тело от биочипа-аниматида, где уже мертва ее вторая сущность Юнифь.… То они никогда не создали бы этих ужасных существ. Атрайе кричал во мне, сжигая все мои клетки,

заставляя распадаться мое ДНК. Я сиял с такой силой, что вода вокруг кипела и бурлила, превращаясь в пар. Но так проявляется не «сияние жизни». Его синапс, натыкаясь на мертвый синапс принадлежащий Юнифь, умирал, становясь таким же черным и неживым. Вы можете себе представить ужасную мучительную смерть, пережитую больше миллиарда раз за несколько секунд? Представьте себе это. Это чувствует спаун, держа в руках свою вторую половину, ту с которой его судьба соединила лишь единожды и навсегда.

Я держал Мюриэл на своих руках и смотрел в ее самые красивые глаза, что видел в своей жизни. Ее человеческая сущность ее была жива, но ненадолго. Кумвитай не может жить без своей второй сущности, смерть одного влечет за собой сразу же смерть другого. Так нас создал Создатель. Я отчаянно пытался обратиться к обезумевшему от боли и страданий Атрайе, чтобы попытаться спасти ее человеческую сущность или хотя бы замедлить процесс смерти. Но он не слышал меня, он метался во мне, теряя омертвелые синапсы один за другим.

Она протянула ко мне дрожащую руку и прошептала.

— Хосап замарашка… Я знала, что бы будешь моим, как в первый раз увидела тебя.

Белки глаз начали чернеть, постепенно следуя за тонкой красной полосой сжимающегося ореола вокруг зрачка. Зрачок расширился, потеряв четкие очертания… И наконец глаза полностью стали черными.

Жизнь из Мюриэл ушла навсегда.

Прошло много времени, но я до сих пор чувствую ту боль, она отдается во мне черными умершими синапсами Атрайе. Я не могу спать. Стоит мне закрыть глаза, как я вижу Мюриэл с глазами, которые пожирает тьма смерти и небытия. И это останется во мне навсегда пока, то к чему я предназначен — жизнь, не уйдет из меня.

Эпилог.

Георг дописал последние слова. Закрыл тетрадь с особыми пластиковыми листами и убрал в специальный футляр. Он несколько минут сидел молча, не двигаясь, словно боялся отпустить от себя воспоминания несущие не только память боли, но и моменты радости, те краткие секунды, что он был счастлив.

— Все, — сказал он, — пора собираться.

Тетрадь и бокс с накопителем из сапфирового монокристалла, где была еще одна копия данных из компьютера Кларка, поместил в прочный бокс для длительного хранения и убрал в небольшой сейф в стене. С улицы уже несколько дней не

доносились крики несчастных людей ставших жертвами зомби. Но они не пугали его потому что он скорректировал свое ДНК и геном своего кота таким образом, что не вызывал заинтересованности зомби принимавших его за живых мертвецов.

В комнату вошел Гастон. За последние дни кот подвергся серьезной коррекции ДНК. Стал намного крупнее обычной кошки. Георг изменил в нём речевые области мозга, стимулируя выработку специфических нейромедиаторов, ответственных за формирование сознания и речи. Это стало его отличать от животных, наделённых более примитивным мышлением.

— Ну что, приятель нам пора уходить, — потрепал Георг кота за ухом.

Кот фыркнул и недовольно повел головой.

— Я понимаю, тебе не хочется уходить, — усмехнулся Георг, — поверь, и я не хочу. Но я должен найти кое-кого.

Георг помолчал, борясь с внутренним волнением.

— Я должен найти Гирландайо. Он пытался всех уверовать в свою гибель. Но я не верю в этот миф. Я хочу спросить у него, зачем ему нужна была наша гибель? Мюриэл, ведь она умерла по его воле. Я хочу знать, зачем он так сделал? Что он увидел на краю Вселенной. Кто этот его проклятый двойник Хардифф? У меня столько вопросов к этому проклятому Создателю, что я клянусь, я найду его, и он мне ответит на всем мои вопросы. Ты со мной согласен?

Кот делая усилие чуть поведя головой едва членораздельно просипел.

— Да Создатель.

Георг одобрительно погладил его по голове.

— Ничего все будет хорошо! В скором времени мы сможем с тобой сносно общаться.

Гастон грустно посмотрел в ответ, но не предпринял попытки ответить. Георг уловил в его сознании неясные образы.

— Нет, нет Гастон. Все будет хорошо. Ты поднимешься на новую эволюционную ступень с моей помощью и всего-то. Хорошо, обещаю, как только я найду подходящий экземпляр, я создам тебе пару. А сейчас давай, пора двигать отсюда.

Он встал, надел ботинки из прочного материала, тактическую форму, закинул за плечи уже собранный рюкзак и полуавтоматическую винтовку ведущую огонь аналоговыми и энергетическими боеприпасами. Георг окинул взглядом небольшую квартиру, подошел к входной двери и взялся за ручку.

Неожиданно раздался звонок смартфона, который за ненадобностью, лежал несколько дней, на столе и уже успел покрыться тонким слоем пыли. Георг удивленно переглянулся с

Гастоном.

— Что за чертовщина? — ошеломленно пробормотал он.

Смартфон издал звук входящего сигнала и автоматически включил голографическую запись сообщения. Над его поверхностью появился трехмерный образ Гаетана Дефоссе.

— Привет друг. Не знаю, получишь ли ты это сообщение. Но мы обнаружили рабочий спутник на орбите Земли и можем передавать небольшие пакеты данных. Мы уже в курсе, что на Земле творится полная задница. Всякие монстры, типа зомби жрущих мозги и прочие дерьмо. К счастью у нас ничего такого нет. И я знаю, что ты жив. Я рад, что оказался здесь и я неплохо устроился. Не поверишь, я стал главой службы безопасности колониальных поселений.

Дефоссе помолчал, постучал по шлему скафандра..

— И знаешь я счастлив. У меня есть любимая женщина, я снова думаю о семье. Но ты не поверишь, — он засмеялся, — она из ваших, у нее фиолетовые волосы и ментоловые глаза. Чертовски красивая девушка для старины Дефоссе. Да, Георг, здесь нет различия на людей, спаунов, цветных, химерических, черных, белых… — здесь нет никакого такого дерьма. Мы строим новый мир, он будет без различий, и будет принадлежать нам всем. Кстати у «СпесИкс» остались на Земле два готовых к старту космических корабля, загруженные всем необходимым нам грузом. Мы были бы тебе очень благодарны, если ты нашел бы время отправить их к нам. Да и тебе здесь было бы намного лучше.

Раздались раскаты грома. Гаетан Дефоссе поднял голову вверх.

— О, да, я ждал этого момента.

Он подошел видеокамере, что снимала его, но не видел сам Георг, и направил объектив вверх.

— Посмотри. Это стоит того.

В небе с легким лиловым оттенком протянулись тысячи белых линий.

— Это спэйсиксы постоянно сбрасывают с орбиты огромные глыбы раздробленного ледяного астероида, чтобы вызвать дождь и создать на экваторе температурные и кислородные оазисы. Подожди немного…

Через некоторое время он изменил направление объектива, сфокусировав его на поверхности почвы.

— Посмотри на это, приятель. Ты только посмотри на это. Разве это не прекрасно?

Почва была покрыта слоем светло-зеленого мха, но сквозь него пробивались тонкие стебли красивых синих цветов.

— Да, здесь не только ее пепел. Мюриэл здесь друг, здесь ее душа. Она здесь Георг.

Лепестки синих цветов с перламутровым оттенком дрогнули, от первых упавших капель дождя.

Конец.
13.01.2020.

notes

Примечания

1

Бабушка здесь живой ребенок!

2

Парень ты как остался живым? Это невероятно, на тебе ни единой царапины.

3

Марко, ты только посмотри что здесь!

4

Что-там?

5

Ты не поверишь своим глазам, деньги. Очень много денег!

Идем, нужно спросить, что думает об этом бабушка.

7

Стой здесь.

8

Бабушка посмотри, что мы нашли там внизу у разбитого автомобиля. Мы теперь богачи!

9

Мы нашли его, там, у разбитого автомобиля.

10

Бабушка, он похож на иностранца, он не понимает нас.

11

Дженигрум — Черный генетик. Сообщество генетиков работающих на мафию и занимающихся не законной деятельностью в области генетики и синтетической биологии ее членов называют дженигрум. (прим. Автора)

12

Брамфатура в мифологии Розы мира — система, объединенная общностью процессов, протекающих в планетарном космосе. Под планетарным космосом здесь понимается совокупность слоев различной материальности, различного числа пространственных и временных координат, но непременно связанных со сферою планеты. По данной системе, планетарный космос — это земной шар во всей сложности материальных (а не физических только) слоев его бытия. Данная система утверждает, что подобные могучие системы имеются у множества небесных тел.

13

Главное управление (генеральный директорат) внешней безопасности Министерства обороны Французской Республики (прим. Автора).

14

В память о Филипе Дике и Рутгере Хауре.

15

По-индейски медведь (прим. Автора).

16

Разлука — враг любви